

Печаль ваша в радость будет

Печаль ваша в радость будет

Соавтор: Пономарева О.Г.

Вместо вступления

Буди ревнитель право живущим и деяния их напиши на сердце своем, ибо тайну цареву прилично сохранять, дела же Божии полезно проповедовать.

Святитель [Василий Великий](#)

«Печаль ваша в радость будет» — это книга о духовном пастыре, православном священнике митрофорном протоиерее Григории Александровиче Пономареве и матушке Нине Сергеевне, его супруге. Отец Григорий и матушка Нина прожили вместе 61 год и 2 дня и почили о Господе в один день 25 октября 1997 года, явив своей смертью пример истинно христианской кончины.

Много есть на Руси «неугасимых лампад», в которых вместо елеса день и ночь горит любовь к Богу и ближним. Будучи однажды зажжены, они проносят полученную от Бога благодать через всю свою жизнь в окружении враждебного им мира в больших и шумных городах, и их поистине можно назвать живой и благоугодной жертвой Богу.

Таким «светильником благочестия» явился протоиерей Григорий Пономарев, всю свою жизнь исполнявший заповеди Христовы и лучами своей любви осветивший зауральскую землю. Отец Григорий послужил Богу и Православной Церкви более 60-ти лет; в юности алтарником и псаломщиком; позднее диаконом, священником. Отец Григорий стал исповедником веры, прошел сталинские тюрьмы и лагеря. Шестнадцать лет провел на Колыме, но сохранил в себе веру в Господа, любовь к Нему и бесконечную надежду на Его всемогущую помощь и защиту. Всю свою жизнь он посвятил служению Господу, прославлению Его святого имени, молитвенно помогая всем страждущим людям. Его любовь к Богу выражалась продолжительными богослужениями, непрестанной молитвой, ночными бдениями, внимательным изучением Священного Писания и святоотеческих творений и многими другими, одному лишь Господу известными, подвигами. Его любовь к ближним проявлялась в делах духовного милосердия, указании народу воли Божией, объяснении духовным чадам истинной цели жизни христианина; в обращении грешников на путь покаяния и исправления; укреплении в малодушных веры, утешении скорбящих различными спасительными советами.

Отец Григорий оставил нам неоценимое духовное наследие. Венцом и благодатным плодом добродетельной, богоугодной жизни отца Григория явились его замечательные книги — «Духовный дневник», «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души», «Цветник духовный», «День за днем» (ежедневные наставления православному христианину) и многие другие, составленные им на основе святоотеческих поучений и дающие исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы, диктуемые христианину современной жизнью. Читая их, понимаешь, какое великое сокровище обретаешь, и становишься счастливым от сознания причастности к великой тайне и от того, что среди нас, грешных, жил человек такой высокой духовной жизни. Поучения, оставленные им, выверенные всей его жизнью, прожитой в строгом соответствии с Христовыми заповедями. Они помогают каждому человеку обрести правильные ориентиры на пути к спасению в современной, оскудевшей духоносными наставниками жизни.

Протоиерей Григорий Пономарев — истинный исповедник православной веры. Благодать и

милость Божия да пребудет на всех, любящих и помнящих нашего замечательного пастыря и внимающих его назиданиям, дабы и нам войти в ту радость и свет, где он пребывает, молясь о нас, своих духовных чадах. Аминь.

Епископ Курганский и Шадринский Михаил

Из воспоминаний духовных чад отца Григория

Смысл жизни христианской — стяжание Духа Божия, и это достигается при всяком деле, творимом во Имя Господа нашего Иисуса Христа.

Преп. Серафим Саровский

— Отец Григорий! Благословите меня в дорогу. К дочери в Москву собралась.

— А вы бы подождали несколько дней, не ездили...

— Батюшка, да я уж и билет купила!

— Но билет можно и сдать...

???

Скромные вещи уже уложены в дорожную сумку, куплен билет на пассажирский поезд «Хабаровск—Москва», но ... нет благословения батюшки. Как же решиться в столь дальний путь без благословения?

Сдала билет, а в день, запланированный для отъезда, узнала, что на железной дороге серьезное крушение, есть погибшие, много раненых. Это оказался тот самый поезд, на который и был куплен билет, но, по совету отца Григория, сдан в железнодорожную кассу...

* * *

Опухолевидное пигментное образование, что было у меня на левом виске вот уже более пяти лет и на которое я ранее не обращала внимание, в 1992 году стало болеть и периодически кровоточить. Стали беспокоить головные боли. Понимала, что нужна незамедлительная консультация врача-онколога. Перед тем как обратиться в онкологический диспансер, решила причаститься. В то памятное для меня утро исповедь принимал протоиерей Григорий Пономарев. Я и раньше исповедовалась и причащалась, но на исповеди у отца Григория была впервые. Некоторые мои грехи он назвал сам — как будто высветил мою душу...

— Кайся в этих грехах!

Дома после причастия у меня появилось сильное жжение в голове и груди. Палило внутри как огнем. Дня через четыре, к моему удивлению и большой радости, пигментное пятно на виске присохло и готово было отпасть. А еще через три дня от опухоли не осталось и следа. Святое Причастие, по молитвам отца Григория, исцелило меня. Это было мое первое обращение к батюшке и первая его молитвенная помощь мне. Позднее я узнала, что накануне Литургии, готовясь к службе и таинству исповеди, отец Григорий подолгу молился дома. Вставал на молитвы по ночам. В храме батюшка часами стоял на своих больных старческих ногах около аналоя со Святым Евангелием и Крестом, выслушивая всех исповедников; неторопливо давал духовные наставления и всякий раз записывал имена страждущих. После таинства шел в алтарь и молился за всех, кого исповедовал, прося Господа о прощении. Молитвы его каким-то

особенным образом чувствовались, это я поняла при первом же к нему обращении. И я снова и снова прибегала к молитвенной помощи отца Григория. И получала ее.

* * *

Это было давно. Много лет прошло с тех пор. Разные события, одно за другим, чередой проходили через мою жизнь. Но то давнее воспоминание до сих пор не стерлось из памяти.

В храме села Житниково для крещения младенцев собрались молодые родители и крестные. Родители раздевали малышей, готовя их для таинства. Всеобщее внимание привлек золотушный ребенок, головка которого вся была покрыта коростами. Золотуха не заразна для окружающих, но в толпе поднялся ропот, чтобы этого младенца не крестили в общей купели. Ждали батюшку. Когда он появился, все обратились к нему с просьбой разрешить конфликт. Отец Григорий посмотрел на заплаканную маму, на младенца и, положив руку на головку ребенка, перекрестил его, а матери сказал: «Не огорчайтесь! Я pokrещу вашего малыша отдельно».

Окончив таинство Крещения, батюшка стал крестить золотушного ребенка. Одного. После Крещения вновь погладил его по головке и сказал матери: «Господь милостив. Идите с Богом».

Дома мать сняла чепчик, надетый на малыша после Крещения, и увидела, что на шапочке остались все золотушные коросты, а головка ее ребенка была совершенно чистой и здоровой.

Потрясенная мать на следующий же день пришла сообщить об этом в храм, заказала Господу нашему Иисусу Христу благодарственный молебен за исцеление, поблагодарила батюшку.

Случай этот поразил тогда всех окружающих и надолго остался в памяти. Милостивый Господь, по вере матери и по горячей молитве отца Григория, в таинстве Крещения дал чудесное исцеление больному ребенку, укрепляя в людях веру в то, что всякое благое прошение скоро будет Им услышано.

Глава 1. Детство и юные годы отца Григория

Февраль, как всегда в Шадринске, был не столько холодный, сколько ветреный и вьюжный. Небольшой, но известный своими традициями этот зауральский городок в те времена относился к Екатеринбургской епархии.

Протоиерей Александр Пономарев, настоятель одного из шадринских храмов, и его супруга Надежда ждали прибавления в семействе. Старшие дети были уже довольно большими: Нине — 14 лет, Марусе — 11, сыну Алексею — 6.

Матушка Надежда — словно цветок орхидеи, так же прекрасна и хрупка. Рождения ребенка ждали с некоторым беспокойством: выдержит ли матушка? Но родители уповали на волю Господа. Если Господь благословляет рождение младенца, значит, это Ему угодно. Не нам судить о Промысле Божиим. Нам надо только молиться, чтобы рождение было благополучным.

В канун праздника святителя [Григория Богослова](#), когда отец Александр уже служил всенощную, матушка, по нездоровью оставшаяся дома, почувствовала приближение родов. Девочки Нина и Маруся побежали за акушеркой, и в ночь на праздник святителя [Григория Богослова](#) 7 февраля 1914 года она родила мальчика. Маленький, но крепкий, он так энергично заявил о своем появлении на свет Божий громким криком, что все окружающие, возблагодарив Господа, поспешили сообщить батюшке, что молитвы его услышаны: матушка

Надежда благополучно разрешилась, и у него теперь появился второй сын. Состояние обоих нашли вполне удовлетворительным. Мальчика, рожденного в день святого Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, было решено назвать его именем.

Шли годы, малыш рос здоровым и некапризным. Много времени с ним проводили матушка и сестры. Ребенок незаметно и органично вошел в круг интересов и образ жизни семьи. Особенно заметна была для окружающих проявлявшаяся у него любовь к храму. В четыре года маленький Григорий (конечно, по мере своих детских силенок) уже помогал отцу Александру.

Позже отец Григорий вспоминал о том, как его спрашивали: «А какие у тебя были игрушки?»

— Да мне и не очень хотелось играть... Вот помню лошадку на палочке. Я хотел доскакать к Руслану и Людмиле, и еще в Киевскую Лавру, и в Дивеево...

В пять лет Григорий много уже знал о Господе Иисусе Христе и Его святых угодниках, знал молитвы и с удовольствием учился читать русские и славянские тексты.

Отца Александра вскоре перевели в Екатеринбург, где он служил в большом соборе, стоявшем на месте нынешнего Дворца культуры Визовского завода. Семья переехала вместе с ним. Хорошо, что девочки стали уже совсем большими. Они оказались хорошими помощницами матушке, которая старалась не показывать свою слабость и тающее здоровье.

Вот и Нина уже невеста, и Маруся так повзрослела. «Дай им, Господи, счастливой жизни!» Алеша вытянулся и стал похож на отца, а Гриша... Это какой-то странный ребенок! Ни детских капризов, ни особых шалостей. Все больше бывал с папой в храме, и как-то незаметно выяснилось, что он уже умеет читать по-церковнославянски и образцово знает порядок службы.

Все окружающие, и соседи особенно, полюбили этого не по возрасту серьезного синеглазого мальчонку. Первое горе, поразившее сердце Гриши — смерть соседа дяди Семена, который очень любил общаться с мальчиком: всегда что-то рассказывал, вырезал ему из дерева забавных медвежат и зайчиков. Тетя Катя, его жена, старалась угостить Гришу чем-нибудь вкусным. Теперь тетю Катю узнать было невозможно: все плачет и плачет. Часто ходит на Ивановское кладбище, где похоронили дядю Семена; почти ни с кем не разговаривает и, исчезая на весь день, совсем редко бывает дома. Отца Александра беспокоило и то, что Катерина, буквально все забыв, не бывает даже в церкви, а все сидит или лежит на могиле мужа.

Проходит время. Вот и 40 дней миновало. Поздняя угрюмая уральская осень овладевает всем. Но Катерину этим не проймешь. С утра уходит и возвращается уже в сумерки, вся заплаканная и измученная...

Так наступил один из последних дней осени, когда еще нет снега, но первые морозы уже прихватили землю. Колючий ледяной ветер срывает одежду, добираясь до тела, приводя его в дрожь своим, уже зимним, дыханием. Чернота застывающей земли наводит мрачные мысли. Катерина, не обращая внимания на непогоду, совершает свои ежедневные походы на кладбище, невзирая на доводы и убеждения духовного отца. Даже своего любимца Гришу почти не замечает...

Вечер. Батюшка пришел со службы. Окна соседнего дома, где живет Катерина, темны. Где она? Родители переглядываются с беспокойством, да и маленький Григорий переживает что-то свое, непонятное... Они видят, как он встает на коленки в передний угол перед иконами. И

вдруг, как крик души: «Папочка, родненький! Скорей запрягай жеребчика. Давай, давай поедem! Надо спасти тетю Катю!» Отец Александр и сам чувствует, что в такое время отсутствие соседки не случайно. Но куда ехать? Где искать?.. Мальчик почти кричит:

— Давай быстрее, тетя Катя может погибнуть...

Отец Александр посадил уже одевшегося Гришу в повозку, сел сам и направился на кладбище Ивановской церкви, где почти «поселилась» Катерина.

— Не туда, папочка, не туда! Скорее езжай за Широкую речку, на болота. Скорее, ну скорее же...

Невольно повинаясь внутренней силе и убежденности своего пятилетнего сынишки, батюшка направляет лошадь в нужную сторону. Вот уже не видно и последних городских огоньков, миновали и новое Широкореченское кладбище. Дорога, отвердевшая от холодов, позволяет легко двигаться по болотистой местности. Ничего не видно, почти ничего. В душу медленно заползает леденящий ужас. Батюшка не перестает творить Иисусову молитву. Отдельные, исхлестанные ветром кусты, корявые пни, застывшая хлябь... И вдруг вдали какое-то движение. Или это рябит в уставших глазах? Гриша стоит и дышит в ухо отцу. Вот-вот, вот же она... Или они? Он делает странное судорожное телодвижение и жметя к отцу. Жеребчик неожиданно храпит и упирается. На фоне почти стемневшего неба по застывшей земле без дороги движутся две фигуры. Один силуэт женский: в платке и коротком жакете (очень знакомая: фигура), а второй? Широкий, приземистый контур прикрывает собой Екатерину. Идут... Идут в темень, в неизвестность, в никуда...

И тут Гриша своим звонким детским голосом неожиданно даже для отца Александра закричал:

— Тетя Катерина! Тетенька Катя! Остановись! Господом Богом нашим Иисусом Христом тебя прошу!

И... о чудо! Внезапная вспышка света, широкая мужская фигура исчезает, и вконец испуганная, рыдающая Катерина подбегает к возочку отца Александра.

Увидев его и Гришу, она падает в ноги мальчику и священнику. Бледная, со следами смертельной белизны в лице, она целует Гришу, целует руки батюшки Александра и не может вымолвить ни слова. Ее только бьет дрожь и содрогает икота от нервных спазматических рыданий. Вот такую они и привозят ее домой. Матушка Надежда оказала ей первую помощь, и наконец пришедшая в себя женщина рассказала:

— Я уже с неделю или чуть больше стала замечать: стоит только свечереть, как к Семеновой могиле подходит этот мужик. Такой вежливый, участливый. Меня все утешает и как-то мудро говорит, а мне вроде и легче становится... Я последние дни стала даже ждать, что он подойдет. Сегодня он опять пришел. И все говорил, говорил... Я чувствую, темнеет уже, пора возвращаться и вдруг слышу его слова: «Ну, пора, Катерина, пойдem». И я, как неживая, послушная ему, иду, куда он ведет, хотя чувствую, что вроде совсем из города выходим, да и ноги не идут, а воли моей нет! И только думаю: имя-то мое откуда он знает? А мы уже к болоту подошли. Огней городских не видно... А он все только говорит и говорит, и я иду за ним, как по приказу. И тут крик Гришеньки! Его ангельский голосок: «Тетя Катерина! Ради Господа нашего Иисуса Христа, остановись!» Как он только прокричал имя Господа, этот мой спутник вдруг остановился, как вкопанный, что-то сверкнуло и... его разорвало! И дух такой зловонный пошел.

Она вновь содрогается от воспоминаний.

Сильно переболев, Катерина, по молитвам всей семьи Пономаревых, пришла в себя. Она осознала, что заведи ее бес в болотные дебри, то погибла бы ее христианская душа, если бы не бесконечная милость Господа, вложившего в ум, сердце и уста маленького мальчика ее спасение. Как поддалась она на бесовские уловки? Вместо того, чтобы молиться в храме за упокой души мужа, заказать сорокоуст и читать псалтирь, она лежала в каком-то оцепенении на его могиле и чуть не стала легкой добычей дьявола. Спас ее Гриша, ее любимец, сынок протоиерея Александра Пономарева, мальчик, которому Господь определил совершить многое в жизни.

* * *

Годы шли. Гришеньку уже называли Гришей, Григорием. Учиться в школе он не имел возможности — после революции детей духовенства не принимали в школы. Тогда отец Александр, сам блестяще образованный человек (он имел 2 высших образования: светское гуманитарное и духовное), составил план обучения сыновей, в который входили и общеобразовательные дисциплины, и духовное образование. Только на математику, химию и физику мальчики ходили к частному преподавателю.

Григорий очень серьезно и углубленно стал изучать полный курс духовной семинарии, одновременно помогая отцу в Церкви: знание им церковной службы выручало. Лет в 13-14 он уже мог участвовать в службе в качестве псаломщика, если надо — пел в хоре. Правда, голос, еще не прошедший мутацию, иногда давал срыв, к его великому смущению и милым смешочкам девочек Увицких — Ольги и Нины, певших в хоре этого же храма.

Ох уж эта Нина — Ниночка Увицкая! Тоненькая, сероглазая, она не выходила у него из головы. Они ведь знали друг друга еще малышами, затем знакомство на время прервалось, и вот теперь они, уже подростки, познакомились, можно сказать, вновь. К 16 годам Григорий твердо знал, что его жизнь и труд должны быть связаны с Православной Церковью. Если Господь сочтет его достойным, он будет служителем Церкви. Где-то еще присутствовала далекая мысль, появившаяся в детстве: уйти в монастырь, стать монахом. Этот духовный подвиг неудержимо привлекал к себе юношу. Но вот Ниночка! Много раздумий, колебаний, да и в конце концов, он же не знает, как она к нему относится... «Пусть все будет по воле Твоей, Господи!»

Прошло еще несколько беспокойных лет. Революция ломает планы, намерения людей. Девочки Пономаревы первые покинули родное гнездо. Сначала старшая — Нина, а потом и Мария. Обе вышли замуж.

В 1929 году, согласно прошению и по благословению Преосвященного епископа Шадринского Валериана, Григорий Пономарев становится псаломщиком, чтобы служить вместе с отцом в различных храмах Екатеринбургской епархии. Время пришло беспокойное, постоянно что-то менялось, поэтому их часто переводили с прихода на приход. В 1932 году они жили в городе Невьянске Свердловской области, и оба служили в маленькой Вознесенской кладбищенской церкви, стоявшей на берегу пруда, единственной в городе.

К этому времени Алексей, старший брат Григория, жил отдельно от родных. У него была своя семья, работа. Он получил высшее техническое образование и работал в каком-то проектном институте. Пока его, сына «врага народа», не трогали.

Невьянск — тихий, спокойный провинциальный городок, у которого есть своя достопримечательность — падающая башня. Эта башня была построена еще Демидовым на железодобывающем заводе, как тогда его называли, недалеко от пруда. Очевидно, подпочвенные воды подмыли тяжелое сооружение, но оно не рухнуло, а лишь наклонилось, да

и осталось таким до нынешних времен.

Духовный рост Григория шел очень быстро. В юные годы это был уже сложившийся молодой человек, имеющий свои замыслы, цели, задачи. Он много читал, стол его был заложен трудами [Василия Великого](#), [Григория Богослова](#), [Феофана Затворника](#), отца [Иоанна Кронштадтского](#). Он не только умом, но душою проник в Библию и много почерпнул из нее, осознавая именно духом святость и величие этой Богоданной Книги.

Жизнь становилась все беспокойнее. Разговоры о том, что арестовывают и ссылают духовенство, подтверждались. Матушка Надежда, имея слабое здоровье, совсем сдала. Она бодрилась, не подавала вида, но от любящих мужа и сына этого не скрыть. Теперь она окончательно слегла. Отец Александр и Григорий пламенно молились о ее здоровье, но внутренне готовили себя к самому плохому. Как знать, что лучше? Возможно, Господь хочет уберечь ее от предстоящих тяжелых страданий за мужа и сына? Все происходит по Его святой воле. Она успела исповедоваться и причаститься, благословила своего младшенького и заочно всех старших детей, и душа ее мирно отошла ко Господу.

Осиротела семья Пономаревых. Отец Александр и Григорий мужественно понесли свое горе, проводя заубойные службы и в храме, и на могилке матушки прямо за алтарем Вознесенской церкви. Как заботливые родные, склонили над свежим могильным холмиком свои ветви две ракиты и белоствольная березка. Их трепетные листочки ласково прикасались к лицам отца Александра и Гришеньки. «Господи! Помоги вынести тяжесть разлуки с любимым человеком. Дай нам благодать встречи в мире ином, где нет горя, скорби, страданий...»

* * *

Вот увели отца Михаила Оранского, батюшку Иоанна Покровского... Прошел слух, что забрали священника Сергия Увицкого. «Господи! Как там Ниночка?»

Протоиерей Александр Пономарев после смерти жены принимает монашеский постриг с именем Ардалион и далее служит настоятелем Миасской Свято-Троицкой церкви. 19 декабря 1934 года иеромонах Ардалион был награжден саном игумена. Сохранился документ, свидетельствующий об этом. Вот его текст: *«Настоятель Свято-Троицкой церкви города Миасса Челябинской области иеромонах Ардалион (Пономарев) по представлению Нашему Его Святейшеством, Блаженнейшим Сергием, Митрополитом Московским и Коломенским, за усердное служение Церкви Божией ко дню Святой Пасхи 1935 года награждается саном игумена, в какую степень нами и возведен сего 19-го декабря 1934 года за Божественной Литургией в Свердловском Свято-Духовском Кафедральном Соборе, о чем и дано настоящее свидетельство за надлежащей подписью и приложением Архиерейской печати. Смиранный Макарий, Архиепископ Свердловский и Челябинский».*

По рассказам отца Григория, некоторое время после пострига отец Ардалион жил в монастыре. Но вскоре монастырь был разорен, и игумен Ардалион вновь вернулся в маленький домик в Невьянске, где жил и служил псаломщиком его сын Григорий. Но и это ненадолго. В середине 30-х годов его арестовали, и после этого все сведения о нем оборвались. Что говорить о годах сталинских репрессий, если даже во времена «оттепели» дочь архимандрита Ардалиона Мария Александровна, приложившая много сил для выяснения судьбы отца, так ничего и не добилась!

В семье Пономаревых сохранились лишь отрывочные воспоминания об этом времени. Отец Григорий говорил однажды, что для архимандрита Ардалиона готовились документы о посвящении его в сан епископа, но репрессии тех лет помешали осуществить замыслы церковноначалия.

Все духовенство России жило в сильнейшем напряжении. Тяжелый моральный груз падает на плечи юного псаломщика. Недавно умерла матушка Надежда; ушел в монастырь отец — архимандрит Ардалион, и вскоре последовал его арест. Григорий остался один, и только молитва, к которой он был приучен с колыбели, и вера в Господа помогли ему не сломаться. Он трудится в храме, продолжает много читать, начинает учить иврит. На душе тяжело — ведь он еще так молод. Но вот светлый луч озаряет его одинокую жизнь. В Невьянск приезжают сестры Увицкие. Это уже взрослые девушки, такие близкие по духу.

Семью Увицких тоже разметало время. Старший сын Михаил женился и жил со своей семьей. Матушка Павла Ивановна после ареста мужа постоянно находилась с младшим сыном Николаем, а девочки, будучи дочерьми «врага народа», лишились работы. Не имея возможности заработать на кусок хлеба, по приглашению старосты Невьянского храма Татьяны Романовны, хорошо знавшей всех Увицких, и по благословию настоятеля, они приехали в Невьянск и стали петь в церковном хоре, где служил псаломщиком и Григорий. Детские и юношеские симпатии и привязанности возобновились у повзрослевших уже друзей, и 23 октября 1936 года Григорий Александрович Пономарев сочетается законным браком с девицей Ниной Сергеевной Увицкой. Две семьи, дружившие много лет, теперь породнились.

Октябрь стал для них каким-то судьбоносным месяцем: в октябре они поженились, в октябре день рождения Ниночки, в октябре его арестуют, и через много лет в одну из октябрьских ночей они вместе отойдут ко Господу.

Свадьба была светлой и радостной. Съехались немногие родные, было много улыбок и теплых поздравлений. А какой день! Переливаясь всеми цветами золота, бронзы и пурпура, деревья при ветре осыпали их дождем из листьев. Небо, какое бывает только осенью в редкие солнечные дни октября, глубокое и голубое, почти синее, подчеркивало красоту этого блистающего дня, одного из последних перед наступлением ненастья. Один день, который как будто завершал лето, отдал молодым всю накопленную им красоту. «Возьмите! Пусть это навеки останется в вашей памяти как дар!»

Молодые супруги Пономаревы поселились в маленьком домике, в котором еще с папой жил Григорий Александрович. Жизнь шла своим чередом. Молодая чета трудилась в храме. Он — псаломщик, а она — в церковном хоре, на клиросе. Пятого сентября 1937 года у них состоялась поездка в город Сарапул, где Высокопреосвященнейшим архиепископом Сарапульским Алексием за Божественной Литургией в Георгиевском храме псаломщик Пономарев Григорий Александрович был рукоположен в сан диакона — такая радость для молодой семьи. Они возблагодарили Господа за начало священнического пути отца Григория. Немного трудновато сегодня Ниночке, которая всегда рядом, она вот-вот должна родить. Думали, что ей надо остаться дома, но разве она может пропустить столь большое событие в их жизни! Ничего. Господь поможет. Радость их безгранична. А 21 сентября — новые волнения. У них родилась дочка. Поздравления сыплются на молодую семью. Поздравления с рукоположением в диаконский сан и поздравления с рождением малышки. Как больно, что эту радость не могут разделить с ними родители отца Григория и пропавший без вести отец матушки Нины протоиерей Сергей Увицкий. Тридцатого октября, когда маленькой Леле исполнилось 40 дней, счастливые родители принесли ее в храм для Святого Крещения. И в этот же день, октябрьским вечером, молодого диакона Григория Пономарева арестовали, предъявив ему в качестве обвинения действия, означенные в 58 статье УК РСФСР. Он причислялся к категории арестантов как «служитель культа». Его увели. Куда? Вероятно, в СИЗО, а потом... Трудно сказать, что будет потом. Опять в их жизни октябрь...

Глава 2. Он и она

Это был такой же день, как уже многие проведенные тут. Ледяной, колючий ветер летел по степи с огромной скоростью, подхватывая песок, мелкие острые камешки, обрывки чужих, незнакомых растений, с силой швыряя их в лицо, заслоняя глаза и забивая нос и гортань. Угрюмое желто-серое небо почти касалось голов таких же угрюмых и озлобленных заключенных, ушедших, как бы защищаясь, в себя и вяло реагирующих на уже привычную брань и окрики охраны.

Он работал, стараясь повернуться так, чтобы ветер дул ему в спину. Но тогда не было видно барака главного управления, стоявшего невдалеке, который почему-то именно сегодня он не хотел упускать из виду, словно боясь просмотреть что-то важное. Поймав себя на этой мысли, он углубился в работу, постоянно творя молитву. Но вдруг что-то светлое, давно забытое, совсем из другой жизни затрепетало в нем, сливаясь с молитвой, вызывая непонятное волнение и слезы. Впрочем, слезы могли быть и от ветра. Напряжение внутри росло, натягивая и оголяя каждый нерв. «Боже Милостивый, что со мной? Не остави меня, грешного, дай справиться с собой!» Откуда это чувство, в котором переплелись и боль, и радость, и странное нетерпение?

«Господи, на все Твоя воля, только не остави меня, грешного, не остави...»

После вечерней проверки прошел слух, что на главном пропускном пункте появилась женщина, жена осужденного. Барак возбужденно гудел. Мысли жгли, бились, как в клетке: «А вдруг это ко мне? Нет, невозможно, да и как она оставила бы малышку! Нет, нет. Не надо даже думать об этом... Но какая героиня! Ведь это первый случай, когда в такую глушь смогла пробраться женщина. Кто же этот счастливец? А вдруг ее не пустят! Ведь тут законов просто нет. Господи, помоги ей, чья бы это ни была жена...»

* * *

Неожиданно пришла повторная проверка «с пристрастием». Грязно ругаясь охранники прилипчивее обычного перетрясали жалкое тряпье заключенных. Особенно усердствовал один — угреватый, мордастый, глумливо ухмыляющийся. Ничего не найдя и «обложив» всех по привычке, они ушли далеко за полночь. Все долго не могли успокоиться: раздавались стоны, проклятия, чье-то сдавленное рыдание. Утром при построении им было объявлено, что их отправляют на конечный пункт этапирования — куда-то на Север, через пролив, помогать вольнонаемным шахтерам, «доблестным строителям коммунизма». Ехали долго в вагонах для скота. Остановок не было. Люди, намучившись, справляли нужду прямо здесь же. Их вяло обругивали, и вскоре повторялось то же.

Он давно уже заметил среди заключенных, в основном уголовников, несколько стариков, чью интеллигентность не могли стереть ни грязные вонючие ватники (так называемые фуфайки), ни матерщина, висевшая в воздухе. Даже на окрики охраны они реагировали как-то по-своему, доводя до исступления «борцов за светлое будущее». Эти люди были как островки миролюбия среди бурлящего потока душевных нечистот. Но было заметно, что физически они уже на пределе...

Движение поезда стало замедляться. В дощатые дырявые вагоны начал проникать холодный соленый воздух, и все тело, впитывая его, покрылось этой соленой влагой. И вдруг через головы соседей-арестантов открылось море.

Раньше он никогда не видел моря. И теперь оно превзошло все представления о нем —

бескрайнее, неохватное для глаз, свинцово-серое. Высокие волны, набегая одна на другую, с плотоядным чавканьем обрушивались на берег, у которого, как забытая детская игрушка, болталось, чуть не опрокидываясь, рыболовецкое судно. В него-то под вопли охраны и самих заключенных стали «трамбовать» страдальцев.

Обледенелые сходни без перил. Сзади — напирающая толпа, которую под автоматами загоняют на трап. Кто соскользнул, не удержавшись — нашел тут свою могилу. Море быстро уносит жертвы. Крики ужаса, ненависти, отчаяния — все накрывает неумолимый, нескончаемый и безразличный ко всему рокот волн.

Разверзшееся чрево рыболовецкой шхуны все заглатывает и заглатывает людей. Вот уже не только сидеть — стоять почти невозможно, а охрана осипшими, лающими воплями и ударами прикладов ухитряется вгонять еще и еще. Но вот заработал двигатель, судно задрожало, и «живая могила», отпущенная швартовочными канатами, взметнулась на волне к линии горизонта, как скаковой конь. «Господи, спаси и сохрани! Не дай погибнуть вот так, без покаяния!» Люди стоят так плотно, что даже при качке некуда падать. Только крики боли... Трещат и ломаются ребра, люди давят друг друга. В трюме — дурнота от непрерывных взлетов к небу и падений в бездну, как на чудовищных бесовских качелях; дурнота от спертого воздуха, пропитанного запахами гнилой рыбы и давно немых человеческих тел. Порой разносятся истошные вопли, или кого-то всей массой прижали к борту, или чье-то невыдержавшее сердце исторгает последний прощальный крик. Время остановилось. Кажется, что прошли недели, месяцы, как их швыряет в этом аду Охотское море.

Вдруг — удар! Такой страшный, что трещат все крепления. Еще и еще. Неужели это конец? На море шторм, но матросы ухитряются пришвартовать к берегу эти «качели». По притоку свежего воздуха он догадывается, что открыли люк. Вот мелькнул кусок неба, плачущего мокрым снегом, как бы оплакивающего будущие жертвы.

Опять брань. Дикая брань охраны, подготавливающей людей к выходу. Пошли. Стало свободнее. Но... что это? Многие из заключенных в тот момент, когда их перестала держать и сдавливать толпа, падают без движения. Все. Для них уже все закончилось. Они были мертвы уже в пути, их просто держала сбитая масса людей. «Упокой, Господи, души этих страдальцев. Прости их прегрешения и прими в Свои обители за принятые ими на земле муки».

Те, кто остался в живых, выбираются на твердь земную. После ужасов качки ноги не держат, грудь разрывается от свежего воздуха. Всем построиться! Они прибыли на место. На место новых страданий, на место гибели почти всех приехавших сюда. Они прибыли на свою Голгофу. Прибыли строить коммунизм в шахтах Магадана. Они — прибыли.

* * *

«Господи! Иисусе Христе! Слава Тебе, Всемогущий!» Это просто почти невероятно. Невозможно поверить, но вот она, заветная бумажка, справка-разрешение на свидание с заключенным Пономаревым Григорием Александровичем, осужденным как служитель культа по 58 ст. УК РСФСР и находящимся на территории Бурятской республики где-то в районе Улан-Удэ в зоне № X...

Оставив свою трехмесячную малютку на руках своей мамы Павлы Ивановны, сестры Ольги и брата Николая, она отважно ринулась в путь: ну хотя бы увидеть, узнать, что с ее бесконечно дорогим и любимым мужем. Ее не могут прогнать просто так. У нее есть официальный документ, выданный НКВД Свердловской области на право свидания. Ей, конечно, очень страшно, что уж тут говорить. Такое время, такой далекий путь. Кругом воровство, бандитизм,

люди просто пропадают. Правда, взять у нее почти нечего — пара теплого белья и немного сухих продуктов, что разрешены. Это — для него.

Путь до Улан-Удэ продолжается не менее двух недель. Поезд то стоит по 7-8 часов, то еле тащится, то его вообще загоняют в тупик. Наконец прибывают в город. Из Улан-Удэ надо еще добираться до зоны, как получится: или пешком, или кто подвезет. Опасно. Но она же под Божиим покровом, кто что ей сделает! И она то идет, то едет и добирается до места. Кругом пустыня, пески, решетки, железные засовы... Чужие, в основном монгольские лица, выражение которых трудно понять: то ли в них добро, то ли зло, речь их тоже почти непонятна. На главном пропускном пункте, куда она добралась, ей сказали, что до точки № X., где находится ее муж, еще километров 20-30, и к тому же надо еще ждать чье-то разрешение.

Она сидит в вахтерной дежурке, сжавшись в комочек. Здесь же находится охрана. Охранники наглово усмеваются, щелкая дверными замками. Стоит площадная брань, от махорки можно задохнуться, но... она выдержит. Ведь она проделала такой путь, и что такое теперь 20-30 километров? Да хоть ползком... Перед окном степь, по которой несутся песчаные вихри. Метрах в ста забор с колючей проволокой и вышками. Видимо, тоже зона. Тут кругом зоны.

Бедная, искренне любящая женщина! Знала бы ты, как подло тебя обманывают! Ведь именно за этим забором и есть та, заветная зона № X., куда устремлены все твои помыслы. И тут, буквально в ста метрах от тебя, так мучительно и трепетно бьется сердце твоего супруга, словно чувствуя твое присутствие. Но она терпеливо сидит и ждет, не зная, что на потеху всей охране свидание ей не дадут. Ее просто обманут, ведь это так легко! А кто их накажет? Они знают свою власть... Она доверчиво сидит до вечера, а потом и всю ночь, дрожа от страха, усталости, голода и ожидания встречи, радуясь, что ее не выгоняют на улицу. В соседнем помещении раздается храп, там же режутся в карты свободные от вахты охранники, пьют и сквернословят. А она, ухватившись за молитву, как за спасительную нить, умоляет Господа, чтобы о ней забыли, чтобы ее не тронули.

На рассвете под окнами провели колонну заключенных. Отчего так сжалось сердце? Как унять сердечный трепет и волнение? Почему ей кажется, что в этой колонне был ОН? Нет, она просто очень устала, и скоро, наверное, ее пропустят в зону. Через некоторое время, хихикая и отводя в сторону глаза, начальник охраны заявляет, что выяснилось, будто она приехала слишком поздно, и отряд, в котором отбывает наказание ее муж, уже отправлен по этапу к следующему месту назначения.

— Куда?!

— Это что еще за допрос!

Да кто она такая? Враг народа? Ее живо заберут, если она пойдет что-то выяснять и чего-то добиваться. Пусть немедленно убирается, пока цела.

— Ишь, декабристка нашлась! Пошла вон! Пошла, пошла, а то моя охрана давно уже присматривается. Они живо разберутся.

И далее, холодным официальным тоном:

— Прошу покинуть помещение. Место пребывания вашего мужа вам сообщат в отделе внутренних дел города Свердловска. Все сведения поступают к ним.

«Господи Боже наш! Пусть исполнится воля Твоя, пусть будет так, как Ты хочешь, но не как я. Благодарю Тебя, что меня не тронули, но... мне бы хоть немножко сил, чтобы пережить удар и

добраться домой».

Она сейчас возьмет себя в руки, не упадет, не потеряет сознание. Господь защитит ее. У нее есть маленькая беззащитная девчушка, их дочка, его копия. Это его часть, и она должна ради них двоих сейчас найти в себе силы и добраться домой.

Она едет в каком-то поезде, идущем в Москву через Свердловск. Счастье, что ей достался билет в нем. Правда на боковом верхнем месте, где она едет, разбито стекло, а уже декабрь, и дует просто невыносимо. Но душевная рана так кровоточит, что физические тяготы отходят на второй план. С каждым километром она приближается к дому, к своей маленькой. Надо только потерпеть. Есть совсем не хочется. Как удачно. Только вот сил становится все меньше и меньше. «Господи, помоги!»

Через 10 дней ее, как умирающую, захотят снять где-то на половине пути. Все, что угодно, только не это. Она умрет на этой верхней боковой, но не даст себя снять с поезда, иначе ей уже никогда не увидеть ни малышку, ни родных. Ее похоронят где-то в необъятной Сибири чужие люди... Ее могилу не смогут найти даже близкие. Она не имеет права лишить свою дочурку матери. И она держится. Держится молитвой и невероятными усилиями. Только дотянуть бы до Свердловска. Там ее встретят брат и сестра. Как хорошо, что она отправила им телеграмму.

Брат и сестра Увицкие Николай Сергеевич и Ольга Сергеевна прибыли к приходу означенного поезда и вынесли из вагона свою умирающую сестру на носилках. Еще три часа, и Нижний Тагил. Ее сразу госпитализировали с диагнозом: двустороннее воспаление легких с абсцессом в нижней доле правого легкого и высшей степенью истощения. Надежда выжить, как сказали врачи, только на Бога. Она провела в больнице 2,5 месяца и... выжила, вернувшись к своей, уже подростковой, малышке, которая научилась так забавно поднимать бровки и этим еще более походить на отца. Каждый день говорил ей, что надо держаться, растить и воспитывать их счастье, их любовь, их маленькую дочку Лелечку.

Надо жить, хотя исчез на Беломорканале отец Нины — протоиерей Сергей Увицкий. Бесследно пропал такой близкий, такой родной свекор — архимандрит Ардалион. Потерялись старшая сестра и брат мужа. Но как подкрепление немощным силам пришла бумага из НКВД, что ее супруг Пономарев Григорий Александрович, осужденный по 58-й ст. УК РСФСР находится по месту отбывания заключения в районе города Магадан. Срок 10 лет. Право переписки: 2 письма в год. Одно от него, другое от нее. И она молилась и верила, что Господь их не оставит.

Прошло несколько лет. Леля подрастала. Приближалась Великая Отечественная война. А в далеком Магаданском крае, куда был сослан отец Григорий, шла своя, невидимая миру война. Война, имеющая свои победы и поражения; война, сопровождающаяся предательством и смертью, возвышением и гибелью человеческих душ, постоянной борьбой добра и зла, которые, существуя и в обыденной жизни, как правило, гипертрофированно заполняют собой пространства конфликтов, войн и, конечно, мест заключения. В таких местах душа человеческая, как в огненном горниле, или сгорает, не выдержав испытания, или выходит из всех искушений, бед и губительных ситуаций еще более сильная, светлая и окрепшая для новых преодолений и свершений.

Глава 3. Голгофа

Каждый человек, по мере своего восхождения ко Христу, восходит на свою Голгофу. Годы заключения отца Григория стали одной из многих ступенек, которые вели его к духовному восхождению. От силы к силе восходил отец Григорий к Богу и вел за собой своих духовных чад. Одна из духовных дочерей отца Григория, ныне покойная Дария, поведала через других

духовных чад батюшки чудный случай, бывший на ее глазах.

Смолино. Свято-Духовская ЦЕРКОВЬ. Служится великопостная Пасхия. На середине храма — Крест Господень. Отец Григорий стоит напротив распятого Господа и сосредоточенно молится. Вдруг батюшка на какое-то мгновение замирает, а затем падает на колени перед Голгофой и начинает истово креститься... Ход службы приостанавливается, молящиеся в недоумении смотрят на батюшку, который, преклонив колена, слезами на глазах шепчет слова молитв и невыразимой благодарности Богу. Батюшка молится не по уставу великопостной Пасхи, а своими словами... Так, в оцепенении проходит некоторое время. Затем отец Григорий медленно поднимается и, не смея поднять заплаканных благодарных глаз на Распятие, заканчивает службу.

Никто в храме так и не понял, что же произошло, и лишь раба Божия Дария видела, как во время службы засиял тысячами солнц Крест Господень, стоящий посредине храма. Голгофа Спасителя мира освятила ЦЕРКОВЬ неземным, невещественным светом... Это сияние и увидел отец Григорий. Это был дар Христов — свет Божественный, изливающийся на молящихся по неизреченной любви Господа нашего Иисуса Христа ко всем людям.

«Вера твоя спасла тебя...»

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися оружием обыдет тя истина Его.

(Пс.90)

Ночь медленно и неохотно истаивала, уступая место серой, бурной утренней мгле, которая застилала глаза и забивала дыхание. На расстоянии вытянутой руки уже не было видно впереди идущего. Только прожекторы со сторожевых вышек зоны на миг рассекали своим лучом разбушевавшуюся стихию и беспомощно увязали в ней.

Группа заключенных шла след в след. Скорее — спина в спину, держась друг за друга. Ветер был такой, что оторви он человека от земли — просто понес бы, покатыл по снежному полю. Конвоиры интуитивно прижимались ближе к ним, чтобы не потеряться в этом снежном месиве. Конвой по существу тут был не нужен. Бежать отсюда некуда. На сотни километров — ни жилья, ни даже охотничьих стоянок. Разве что где-то рядом зона, подобная этой, да одинокая поземка несущегося по болотам и полям снега. И почти непроходимые леса...

Молодой диакон Григорий, отбывающий срок уже четвертый год из десяти, был назначен бригадиром в группу самых трудных, злостных рецидивистов-уголовников со сроками заключения до 25 лет. Это практиковалось местным начальством: сломать, подмять под себя молодых, превратив их в фискалов и доносчиков, чтобы легче было держать в узде других — убийц и насильников, для которых «убрать» человека было пустяком, а порой некоторым развлечением. Даже охранники, имеющие власть и оружие, не хотели связываться с ними.

Группа двигалась в направлении лесной делянки, которую несколько дней как стали разрабатывать. Удерживать направление мешали снежная буря и слепящий ветер. Наметки дороги, которая стала появляться за эти дни, опять исчезли в снежных переметах. Шли почти наугад к темнеющей вдали стене глухого таежного бора. Шли на пределе, выбиваясь из сил, но стараясь поскорее хоть как-то укрыться в лесу от сбивающего с ног ветра.

Отец Григорий шел первым — вроде бы по обязанности бригадира, а на деле он по пояс в снегу прокладывал путь другим, чтобы не спровоцировать назревающий с момента их работы на делянке конфликт, который должен был вот-вот разразиться. Он шел, не переставая творить Иисусову молитву. Голодные, озверелые арестанты который день с безумством фанатиков требовали от него еды, так как их дневные пайки — замерзшие комки хлеба — не могли насытить даже ребенка. Он спиной чувствовал, что ему готовится какая-то расправа. Как горячо он молился в эти минуты Господу и Божией Матери! Ноги сами несли его куда-то и, подходя к лесу, он понял, что их делянка осталась далеко в стороне. Он понимал, что не только час, а любой миг для него может быть последним.

Добравшись до леса и убедившись, что они забрели в сторону, эки обступили его плотным кольцом. Ничем не отличаясь от стаи волков, они выжидали, кто кинется первый, чтобы затем включиться остальным и завершить бессмысленную кровавую драму. Им это было не впервой. И даже предлог есть: куда завел? Не насытиться, так хоть выместить накопившуюся звериную злобу. Охрана в такие минуты сразу исчезала. Положение казалось безвыходным. Но как сильна была его вера в помощь Господа!

Все, что произошло дальше, он делал, видя себя как бы со стороны. Неожиданно для себя он непринужденно смахнул снег с поваленного ветром, отдельно от других стоящего кедра, и сел, улыбнувшись. Это просто ошеломило «стаю».

— Ну хорошо, вот вы сейчас меня убьете. И что? Хоть кто-нибудь из вас станет более сыт? Да, я — «поп», как вы меня зовете. И не скрываю, что прошу у Бога помощи. Но помощь-то нужна и всем вам. И она — у вас под ногами.

Почти у его ног, из-под вывороченного с корнями дерева, среди хвои и переплетения сломанных ветвей виднелась шкура, вернее, часть шкуры медведя. Это значило, что глубже, под снегом лежал забитый падающим стволом зверь. Вероятно, мощное и крепкое с виду дерево было больным и ослабленным, и шквальный порыв ветра вывернул его с корнем, с огромной силой бросив на берлогу спящего медведя. Внезапность оказалась для зверя роковой. Кедр упал, ломая подлесок, но основная сила удара пришлась именно по берлоге. Катастрофа произошла менее получаса назад, так как тело зверя было еще теплым, а его разбитая голова кровоточила.

Восторженный вой голодной человеческой «стаи» привлек и конвой. Это же было чудо! Это был пир с медвежатиной на костре. Даже самые озлобленные арестанты от предвкушения трапезы зачарованно смотрели на отца Григория. «Ну, поп, тебе и вправду Бог помогает».

Это ли было не чудо? По воле Господа и по горячей молитве отца Григория ноги сами привели его к этому месту. Ведь это была пища на несколько дней, если не растащит лесное зверье. Отец Григорий, отойдя в сторону, упал в снег, сотрясаясь от благодарных рыданий. Он-то понимал, что такое совпадение — не простая случайность: расположение берлоги, место падения дерева и внезапность, с какой оно рухнуло, не дав опомниться спящему зверю — это сила Божественного Промысла. Ведь и в Евангелии сказано: *Просите, и дано будет вам... ибо всякий просящий получает...* (Мф.7:7-8).

После этого случая отношение к заключенному Григорию Пономареву в лагере изменилось. Эти нравственно опустошенные люди, изгои общества, в основной своей массе серые, малограмотные и суеверные мужики, стали считать его как бы своим «талисманом». Работая летом на лесоповале, они вместе жарили шишки кедра, а потом, вылушивая из них орехи, делали кедровое молоко, давя орехи камнем в миске и заливая кипятком. Получался сказочный по целебности и вкусу напиток. Сливая первый настой, орехи заливали снова и

снова. Некоторые из эков по-своему даже привязались к отцу Григорию, уважая его, несмотря на молодость, за немногословность и справедливость.

Менялись заключенные — кто-то умирал, кого-то просто забивали свои же, кого-то переводили в другие зоны. Сменялось и начальство, и охрана. Изменилась и жизнь отца Григория. Его перевели работать в шахту.

В шахте

Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тьме преходящая, от сряца и беса полуденного. Падет от страны твоя тысяща, и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое.

(Пс.90)

Прошло уже несколько месяцев, как отца Григория перевели на работу в шахту. Шахтерский труд один из самых тяжелейших, но с трудом шахтера-заключенного даже сравнивать что-либо трудно. До забоя ежедневно шли под конвоем. В забое каждый занимал отведенный ему участок, где только при помощи кайла и лопаты надо было, вгрызаясь в матушку-землю, любой ценой выполнить свою норму. Средств защиты, страховок — никаких. Кому нужны эти заключенные? Погибнут — пришлют новых. Стране нужен уголь, на нем не видны ни пот, ни кровь, ни слезы, ни следы оставленных в шахте жизней.

Когда спускаешься в шахту, замирает сердце, словно попал в преисподнюю. Жутко! Слабый свет шахтерских лампочек едва высвечивает причудливо выбитые пласты породы. Старые, подгнившие крепления скрипят и вздрагивают при каждом ударе кайла; длинная штольня слабо освещена. Под ногами чавкающая вода. И воздух... В нем почти нет кислорода, он переполнен массой мельчайших угольных пылинок с ядовитыми примесями газов, выходящих из земли. Кто хоть раз вдыхал этот воздух, не забудет его никогда.

И опять жизнь его — как тлеющий уголек, который может в любой момент погаснуть. Погаснуть от тысячи случайностей, возникающих под землей. Одно успокаивало и радовало — его напарник. Что-то там просмотрело лагерное начальство, поставив отца Григория работать вместе с этим старым, до истощения худым человеком. У него не было ни единого зуба во рту, ни единого волоса на голове, а суставы были по-старчески раздуты и обезображены непосильным трудом. Острые лопатки и ключицы выступали из арестантской робы, но на изможденном и изрезанном морщинами лице, запудренном угольной пылью, сияли удивительной глубины и доверчивости, почти детские, глаза. Кашель, даже не легочный, а уже какой-то брюшной, утробный, постоянно сотрясал его тело.

Это был священник, протоиерей Алексей, откуда-то из Подмосковья. В их лагере он появился сравнительно недавно и был так плох здоровьем, что даже уголовники, пристающие к каждому человеку, стремясь извлечь из него хоть какую-то пользу для себя, — не прогоняли его. Не жилец!

Однако этого умирающего старика исправно выгоняли каждый день на работу. Они уже несколько дней работали в одном забое с отцом Григорием, и отец Алексей с непонятно откуда берущейся в немощном теле силой вбивал свое кайло в породу, оставляя для отца Григория удобные уступы и выбоины, на которые уходило значительно меньше усилий.

Совсем недавно отец Алексей узнал, что его молодой напарник — диакон, и его младенчески

светлые глаза засияли особо приветливым и радостным светом. Родная душа рядом! Он по-отечески тепло относился к отцу Григорию (к «Гришеньке») и говорил, что в назначении их работать в одном месте видит Промысл Божий. Они почти не разговаривали. При таком напряженном труде это невозможно. А в бараке нары их были далеко друг от друга. Но Божия благодать, почивающая на батюшке, как облако, покрывала отца Григория и облегчала его труд.

В тот день, когда их спустили в главный штрек (а они работали именно в нем), воздух казался каким-то особенно ядовитым. Лампы почти не давали света, а расплзавшиеся по своим местам люди были угрюмее и тревожнее обычного. Батюшка Алексей шепотом прочитал молитву, и оба они обрушили свои каелки на неподатливый пласт.

От звука ударов они не сразу расслышали показавшийся им очень далеким крик и какой-то странный гул. Оба, как по команде, прекратили работу. И вновь на какой-то визгливо-истощенной ноте, но уже значительно ближе, крик повторился. Теперь были слышны и слова: «Спасайтесь! Вода!» Где-то прорвалась вода и, перемешиваясь с треском рушившихся опор, обламывающихся пластов угля и шумом бегущих людей, неудержимо подступала к главному штраку. Посмотрев друг на друга, бросив инструменты, они отскочили от стены и повернулись, чтобы бежать к выходу. Но в этот момент, преграждая им дорогу, с оглушающим грохотом рухнул потолок, сметая перекрытия и погребая все вокруг в тучах черной пыли и мелких камней.

Когда отец Григорий пришел в себя, он даже не мог понять, где он и что с ним. Полный провал в памяти. Рот полон угля, на лице что-то теплое и липкое. «Кровь!» — подумал он. Он попытался приподняться, однако ноги придавила безмерная тяжесть. Что-то держало его и не давало передвигаться. Фонарь слабо горел, и глаза не хотели видеть, а ум отказывался смириться с тем, что освещал этот фонарь. Со всех сторон — только черные угольные стены. А где батюшка? Где отец Алексей? Слабый стон пришел как ответ на его мысли. Да вот же он, рядом, вот его руки, плечи, голова...

Им засыпало ноги. И тому, и другому. Успей они еще сделать хотя бы один шаг к выходу, их накрыл бы и раздавил обрушившийся потолок штольни. Но положение все равно ужасное. Они оказались в каменном мешке, отрезанные от мира неизвестно какой массой упавшего потолка. С величайшим трудом и болью отцу Григорию удастся высвободить ноги. Боясь каждого движения, чтобы не вызвать продолжение обвала, он начинает высвобождать батюшку. Отец Алексей в сознании, но не может сдержать стон. У него сломаны обе голени. Все, что происходило потом, сохранилось в памяти отца Григория отдельными фрагментами.

Он оттянул батюшку дальше от обвала, под самую стену, над которой они трудились несколько минут назад. Или несколько часов? А может, дней? Он то приходит в себя, то вновь впадает в беспамятство. То же, вероятно, происходит и с отцом Алексием. Тут все: и удар, и боль, и шок от сознания их положения, и еще не осевшая пыль, забивающая легкие. Рот и нос полны угля, на лице — кровь. Это мелкие острые камешки угольной породы с силой вонзились в лицо. Как еще остались целы глаза?!

Тело отца Алексея сотрясается от жуткого, бесконечного кашля. Отец Григорий пытается влить ему немного воды из фляжки, но она только расплескивается. Их обоих бьет крупная нервная дрожь. Потом опять провал в памяти, надолго ли — трудно сказать. Следующее, что он слышит, придя в себя, — горячие, страстные, пламенные слова молитвы. И он подключается к ней всем своим существом. Он знает, что там, где *двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.*

Время остановилось. Отец Алексей угасает. У него бред. Вот он благословляет свою паству, вот шепчет какие-то ласковые слова жене или дочери, вот читает 90-й псалом! Голос его крепнет, как будто вся оставшаяся энергия жизни ушла в голос. И голос этот просит с какой-то необыкновенной силой: «Спаси его, Иисусе! Он молод и может еще столько дать людям». Отец Григорий понимает, что эта молитва о нем. Сам он непрестанно молится, потом опять пытается напоить батюшку, но у отца Алексея все только клокочет внутри, и вода выливается мимо. «Оставь это, Гриша! Оставь себе! Господь милостив. Нас откапают, и ты должен жить, продолжая наше святое дело». Но разве отец Григорий возьмет глоток воды у умирающего! Он, как может, пытается облегчить ему страдания: они то молятся вместе, то, видимо, теряют сознание.

Их шахтерские лампы уже еле горят. Нет, почти нет кислорода. Вот она, готовая для них могила. Вдруг батюшка каким-то неожиданно резким движением притягивает к себе руку отца Григория и шепчет: «Гришенька! Отец Григорий! Хоть ты и диакон, но так видимо угодно Богу. Приготовься принять исповедь раба Божия Алексея». Он жарко шепчет ему слова своей последней в жизни исповеди: «...Ну, а Господь, может быть, отпустит мне грехи. Мне, недостойному рабу Его Алексею». Потом они молчат. Приходя в себя, отец Григорий творит молитву и слушает угасающее дыхание батюшки. Он уже почему-то не кашляет. Вот и света нет совсем. Они лежат в абсолютной темноте, почти задыхаясь. Но вдруг какой-то звук сначала тихо, а потом все сильнее нарушает тишину их склепа.

— Гриша! Похоже, нас откапывают! Господь услышал наши молитвы! Слава Тебе, Всемогущий Боже наш и Пречистая Богородица!

Отец Григорий, не переставая читать Иисусову молитву, слышит приближающийся звук лопат, отгребающих уголь. Звук становится все громче и громче. Вот впереди что-то блеснуло, и затем в небольшое отверстие засияла, как десять солнц, шахтерская лампочка. После полного мрака она слепит до слез. Отверстие все шире. И вот в нем появляется ошеломленное лицо:

— Эй, Володька! Да тут люди!

Лопаты работают все быстрее и быстрее. Наверное, ангелы небесные поддерживали свод потолка, готового дать новую трещинную осыпь. Наконец в проеме появляется человек. Он освещает своей лампой «могилу» несчастных, негромко присвистывает, вероятно, от ужаса, и почему-то шепотом говорит кому-то стоящему за ним:

— Вроде живы. Один-то — точно. Да и старик, похоже, тоже живой.

Но они так слабы, что не могут подать даже голоса.

— Володька! Тащи брезент!

Как их извлекли из шахты, отец Григорий почти не помнит. Он видит себя уже лежащим наверху на брезенте, а рядом — еще живого батюшку Алексея. Его дивные сияющие глаза устремлены на него. Толпа, окружившая их, в потрясении молчит. Батюшка поднимает благословляющую руку в сторону отца Григория и всех присутствующих. Последним усилием воли осеняет себя крестным знаменем, и душа его устремляется к своему Создателю. Взгляд из сияющего становится далеким, а затем — застывшим, как бы отрешенным от этого мира.

А отец Григорий, лежа на брезенте, принимает благословение православного священника для самоотверженного и преданного служения Господу и Его Святой Церкви и молча дает обет: если это угодно Богу и он когда-нибудь выберется отсюда, то посвятит Ему свою жизнь.

Чудо спасения отца Григория и отца Алексия было, конечно, предопределено. Их откопали на третьи сутки, неожиданно для всех. О них просто забыли. Обвал в этот раз был намного серьезнее всех предыдущих и унес много жизней. Но специально никого не искали. Просто надо было восстановить основной проход главного штрека, на котором и трудились отец Григорий с отцом Алексием. Расчищая главную «артерию» шахты после ее обвала, рабочие и натолкнулись на батюшек. Только благодаря распределению рабочих мест в главном штреке, батюшки оказались на пути ремонтных рабочих, которые их и обнаружили. Действительно, у Господа случайностей не бывает! *У вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф.10:30).

«У Меня отмщение, Я воздам...»

Не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телеси твоему, яко Ангелом Своим заповестъ о тебе, сохранити тя во всех путех твоих.

(Пс.90)

Душно. Ох, как тяжело, томительно-душно. Какое это трудное лето — и для людей, и для природы.

С самой весны почти не было дождей. Зелень, устремившаяся по весне к солнцу, вскоре, даже не раскрыв своих бутонов, не набрав сил и влаги в листьях и травах, стала желтеть и засыхать. Неделями откуда-то с юго-запада горячий и сухой воздух накрывал заключенных невидимым, прозрачным колпаком. Именно простой воздух, как из раскаленной духовки, а не ветер, пусть даже сухой и жаркий. В ветре есть какое-то движение, какая-то надежда на прохладу. Тут же — совершенно неподвижный, но осязаемый по своей упругой плотности зной, под которым замирает и цепенеет все.

Давно не слышно птах, обычно живущих тут летом. Не слышно даже стрекота насекомых. Вдали, в почти неколеблющемся мареве раскаленного жара все расплывчато и размыто. Каждый день солнце, за несколько часов выполнившее всю «дневную норму», скрывается в сероватой мгле облаков, а жара и духота продолжают нарастать. Тучи, такие желанные, порой возникают где-то вдалеке, иногда приближаются, еще сильнее придавливая к земле палящий зной и, не оправдав надежд, уходят к Охотскому морю.

Мучительная жара стоит уже третий месяц. Нервы людей на пределе. Работать в такой духоте невыносимо. Конфликты возникают из ничего — злобные, скверные. Заключенные и охрана обливают друг друга отборной руганью. Несмотря на жару, донимает голод. Обычно в это время года с едой бывало полегче: какое-то лесное подспорье помогало выжить. Нынче в лесу ничего не вызрело, только пыльная засохшая трава — ни ягодки, ни живого кустика.

Проверки в бараках проходят бесконечно. Непонятно, что ищут. Перерывая все на нарах, заглядывают даже в печь. По летнему времени в ней действительно можно что-то припрятать. Все проверки рассчитаны лишь на часть заключенных. На уголовников авралы не распространяются. Там свой мир, свои законы, и даже конвой предпочитает с ними не связываться. В одном бараке, под одной крышей в четырех стенах протекают два диаметрально разнящихся образа жизни.

Бывает, что в одной реке, даже совсем маленькой, можно наблюдать, как проходят рядом, не смешиваясь между собой, два потока. Один несет в себе светлую прозрачную воду, и тут же, совсем рядом, другой — желтоватый и мутный. Один поток теплее, другой просто ледяной, но оба они устремляются в одном направлении. Так и на зоне. Разные по развитию, по мышлению и душевным устремлениям человеческие жизни, почти не смешиваясь друг с другом, текут

вместе, и каждая из них несет свое назначение, неизбежно приближаясь к своему концу. Однако зачастую «пересечения» людей, вместе оказавшихся в заключении, кончаются человеческой трагедией.

Среди этих потоков есть еще одна «прослойка» — так называемые «флюгеры». Это самое страшное и ненадежное человеческое общество. Именно в этой среде — первые предатели, доносчики и фискалы. Перед начальством они трусливые подхалимы. Перед уголовниками — шакалы. Гиены — для остального населения барака. Они мельтешат, суетятся, все вынюхивают и постоянно подслушивают. За шепотку чая готовы продать, оболгать кого угодно, и даже у отпетых уголовников они вызывают раздражение и презрение.

Сейчас, когда невыносимая жара и духота держат всех в напряжении, в бараке идет карточная игра. Играют уголовники. Игра страшная, жестокая, не знающая пощады. Проиграно уже все, что составляет лагерно-материальные ценности. Теперь идет игра на человеческую жизнь. Не берусь сказать, простым ли жребием жизнь одного «стукача» попала в обойму игры, или уж очень надоед он всем, но играют именно на фискала. В бараке — леденящая тишина. Только хриплое, прокуренное дыхание игроков да короткая матерщина, комментирующая отдельные моменты карточной игры. Стукач после приступа визга, воплей и рыданий ползает в ногах у игроков. Страшным ударом в солнечное сплетение его вынудили замолчать, и теперь он только икает и шепчет что-то посиневшими губами. Слышно, как лязгают о железную кружку его зубы.

Тем временем в бараке стало совсем темно. От напряжения смертельного розыгрыша никто не заметил, что тучи, все лето проходившие мимо зоны, собрались прямо над бараком. На улице все почернело. Еще какое-то мгновение мертвой тишины, вдруг дикий порыв ветра почти срывает кровлю, сталкивает черные рваные куски неба друг с другом, раскалывая их на части змеевидной молнией... И тут же, без паузы, гром, от которого, казалось, вздрогнули стены, покрывает всё.

На какой-то миг эти нечеловеческие звуки отрывают играющих в карты от их страшного занятия, несущего за собой смерть. Но накал игры так велик, что буквально один вздох отделяет игроков от финала. Все, игра закончена. Дикий визг приговоренного к смерти Стехи перекрывает даже оглушающие раскатистые звуки грозовой тьмы. Стеха катается в ногах у уголовного, проигравшего его, Стехину, жизнь, и вымаливает себе прощение. Он готов лизать пол под ногами своего убийцы, «жрать землю», ломать и крушить все по его приказу, только бы остаться живым.

— Ну, ладно! — милостиво изрекает игрок и вдруг замечает из другого угла барака полыхающие синим пламенем гнева глаза. Глаза человека, которого он давно ненавидит и, не признаваясь в этом даже самому себе, где-то глубоко внутри побаивается, что лишь усиливает его ненависть.

Этот человек — заключенный Григорий Пономарев. Вновь небо рвется под очередным ударом молний, заглушающим начало фразы:

— ... дарю тебе жизнь, но за это ты пришьешь сейчас попа! Ну!

Какое демонское ликование! Барак замирает от неожиданности и ужаса. Большинство барачных привычно-равнодушно наблюдают за происходящим. Но души тех, кто знает отца Григория, содрогаются от столь неожиданного поворота событий, от произвола и разнузданности, и от чувства своей собственной незащищенности. На лице Стехи застыл мертвый оскал, как маска, будто навечно приросшая к нему. В остекленевшем взоре — смесь

ликования, подобострастия и необъяснимого страха. Он кидается за орудием убийства — заточкой — стамеской, отточенной до остроты бритвы. Она припрятана где-то внутри барачной печи. Отец Григорий только успевает осенить себя крестным знаменем и призвать на помощь Царицу Небесную.

В этот миг очередная грозовая молния, раскроив небо надвое, ударила в печную трубу барака и, как бы втянутая движением воздуха внутрь печки, влетела в нее и ушла под землю, разметывая вокруг себя печную кладку. Во все стороны, как от взрыва, с грохотом полетели искореженные кирпичи. Загорелась крыша барака над развороченной печью, и неуправляемый пламень стал перекидываться на близлежащие нары. Не видно ничего.

Дым, пламя, стена поднятой от обломков кирпичей пыли... Горящие, как сухой хворост, нары близ печи — привилегированные места уголовников.

Молнии, одна за другой, продолжают распарывать небо. Кажется, что все они направлены в барак. Словно весь гнев Божий обрушился на головы безумцев. В бараке страшный крик, стоны. Люди через развалы кирпича, через горящие нары, толкая и давя друг друга, разносят в щепки дверь барака, спеша выскочить наружу. В дверях свалка. Крики боли и ужаса. И еще один непонятный звук — словно где-то открыли шлюз. Люди выскакивают из горящего барака, задыхаясь от дыма, и едва не валятся с ног от стены дождя, который после сухой грозы накрыл буквально все: горящую крышу и догорающие нары, слепившихся в проеме снесенной барачной двери людей и неподвижные тела вокруг обломков печного фундамента.

Вот она, расплата. Еще две минуты назад эти выродки, раздуваясь от самодовольства, вершили дела и жизни барачных заключенных. Калифы на час! Пришел их жалкий конец. Барачная «элита», совсем еще недавно возлежащая на нарах вокруг печи и проигрывающая в карты человеческие жизни, сама приняла смерть, побитая камнями. Как символично: в древности преступников казнили, забивая их до смерти камнями.

Гроза в ту ночь бушевала почти до утра. Скоро появилась охрана. Пожар, благодаря дождю, скоро был потушен. Пораженных молниеносной смертью уголовников быстро унесли. Раненых отправили в больничный барак. Всех остальных распределили кого куда. Но даже по прошествии нескольких месяцев отец Григорий больше не видел ни в своем новом отряде, ни в других отрядах главных участников трагических и страшных событий той ночи.

Справедливый суд Божий каждому воздает по делам его!

В бараке смертников

На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспиде и василиска наступиши и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и, покрыю и, яко позна имя Мое.

(Пс.90)

Откроем еще одну страницу тяжелой, порой на краю гибели, жизни отца Григория в заключении, чтобы еще раз убедиться, что значит истинная, бескомпромиссная вера в Господа, и чтобы почувствовать, как Он близок к нам. *Просите, и дано будет вам*, — говорит Писание. Как быстро, мгновенно слышит Господь Своих детей. Помощь Его приходит незамедлительно. Бывает порой так, что мы не получаем просимое, но не потому, что Господь нас не слышит, а потому, что это нам не полезно.

Первые годы после возвращения с севера батюшка кое-что рассказывал о своей лагерной жизни, но не часто. Чем старше и умудреннее он становился, тем плотнее закрывалась дверь его воспоминаний о годах лагерных страданий. Но иногда, в исключительных случаях, он вспоминал то страшное время только для того, чтобы на собственном опыте оказать реальную помощь своим духовным чадам.

Идет беседа... Кажется, что все аргументы исчерпаны, а окормляемый батюшкой страждущий человек не слышит, не понимает и готов совершить неразумный и губительный шаг. В таких исключительных случаях несколько скупых батюшкиных слов о его страшной, на грани выживания жизни в заключении и рассказы о незамедлительной помощи Господа отрезвляют, наконец, упряма.

Эпизод из жизни отца Григория, о котором хочется рассказать, я слышала еще в юности, но тогда он не запал в душу так глубоко, потому что все, что рассказывал папа, было леденяще жутко, и память, как самозащита, размывала отдельные фрагменты рассказов, да и я была еще слишком молода, чтобы что-то понять.

Уже во время работы над этой книгой одна духовная дочь отца Григория повторила мне этот рассказ. Мои воспоминания о жизни родителей, ожившие в ходе разговора, как в фокусе, сконцентрировали давно забытое, а недостающие звенья, о которых я услышала, составили целостную картину. Круг замкнулся. Все встало на свои места, и многое в скрытой от постороннего взгляда жизни отца Григория и матушки Нины стало мне понятным, вызвало трепет и уважение. В душе моей были задеты самые трогательные и чистые струны, навсегда остающиеся в памяти человека — как вразумление и как пример на пути стяжания Духа Святаго.

Женщина, поведавшая мне свои воспоминания, — глубоко верующий человек со сложной, изломанной судьбой. Она всегда беспрекословно слушалась батюшку. Видимо, в очень уж крутой жизненный водоворот попала эта раба Божия, так что батюшка в долгой беседе с ней привел пример из своей лагерной жизни. Этот рассказ лег в основание следующей части главы «Голгофа».

* * *

Годы в заключении не идут, а ползут, но каждый день жизни может оказаться последним. Состав заключенных лагеря часто менялся. Скорее всего — специально, чтобы люди не успевали сплотиться или как-то сдружиться. Менялось начальство, и вновь прибывшим была глубоко безразлична твоя предыдущая жизнь. Новый день — новые страдания, новые люди, новые ситуации. Только голод все тот же, нескончаемый и изнуряющий до изнеможения. Летом чуть меньший, а зимой доводящий одних до суицида, других до убийства кого-то из таких же заключенных; третьих — до психического расстройства. В общей массе голод «подчищал» зону к весне процентов на 50–60 — и вот готовы уже «вакантные места» для новых страдальцев.

Наиболее сильные личности рук на себя не накладывали, не ввязывались в бессмысленные кровавые побоища, и даже психика у них оставалась незадетой. Но от хронического истощения и непосильной работы организм человека не выдерживал и давал сбой. Часто этот «сбой» проявлялся в заболевании глаз, которое в народе называют «куриной слепотой». Болезнь эта проявляется в том, что с наступлением сумерек человек теряет зрение. Он не видит ни дороги, по которой надо идти, ни пайки заработанного хлеба, ускользающей прямо из-под носа с барачного стола. Заболевание развивается очень быстро, и люди лишаются последнего кусочка хлеба, который даже не продлевает жизнь, а, скорее, оттягивает смерть. Таких больных

выселяли обычно в отдельный барак. Практически это барак смертников. Их, конечно, гоняли на работу. Днем они видели, но вечера ждали с ужасом, чтобы, цепляясь в темноте друг за друга, под окрики охраны и насмешки «братвы» как-то добраться до места. А там их уже поджидали лагерные «шакалы», для того чтобы успеть выхватить хлебную пайку у почти незрячего человека, ослабленного тяжелыми трудами и голодом.

И так день за днем, только жизнь заключенных в этом бараке длилась недолго. Конец приходил очень быстро и всегда однозначно. «Барак смертников» — и этим все сказано.

Где-то уже на седьмом году заключения отец Григорий почувствовал грозные признаки «куруной слепоты». Болезнь развивалась моментально, и не прошло и месяца, как его перевели в барак к «смертникам». Над отцом Григорием сгустился мрак безнадежности. Почти ничего не видящий, бредя после изнурительного труда в толпе таких же слепцов и зная, что сейчас опять будет украдена его пайка, в нем блеснула пусть малая, но надежда: выжить. И он взмолился Богу:

— Господи Иисусе Христе! Милостивый! Ты столько раз оказывал мне помощь и защиту. Остаются только три года до окончания срока моего заключения. Дай мне возможность дожить до этого времени и выйти из лагерного ада. Дай возможность послужить Тебе в храме Божиим. Дай увидеть, обнять ненаглядных моих родных, и тогда я буду любить и оберегать их всеми своими силами, но принадлежать — только Тебе, Господи! И жена моя, горячо мною любимая, будет мне только сестрой. Я уверен, что она поддержит меня, ведь крест христианский — это не просто бездумная покорность судьбе, а свободно избираемая бескомпромиссная борьба с самим собой. Господи! Приими обет мой и помоги, спаси и помилуй раба Твоего, грешного Григория.

Нести крест свой — значит полюбить Христа и принести себя Ему в жертву, как Он принес Себя в жертву за весь род человеческий! Закончив молитву, отец Григорий устремил свои невидящие очи в небо. Он шел, вернее, карабкался в толпе таких же несчастных людей, в слепоте добирающихся к своим нарам, которые в любую минуту могли стать смертным одром.

Всю силу своей веры, надежды и любви ко Господу как единому Защитнику от хорошо отлаженной лагерной машины убийств вложил отец Григорий в свой страстный молитвенный молчаливый крик. Крик души. И ... «О, Боже! О милостивый Боже!» — его незрячие глаза озарил на мгновение свет! Он был непередаваемо яркий, но не слепил. Он был ярче солнца, но ласкал измученные глаза. Он осветил каждый уголок его пылающей души и онемевшего тела. Он был светлее материнской улыбки. Это был свет Божественный!

Батюшка упал на колени, задыхаясь от потрясения. Рыдания содрогали все его существо. Слезы, которыми он не плакал с детства, текли из его измученных глаз по щекам, и он даже не утирал их. Они были как лекарство, как бальзам для его изнемогающих души и тела. Свет этот дивный давно исчез, но отец Григорий отчетливо увидел звездное небо, увидел вдали свой барак, копошащихся несчастных слепцов и охрану, не реагирующую на стоны и вопли сбившихся в кучу людей. Он взглянул внимательно на охранников — лица их были тупы и привычно озлоблены. «Они же зрячие, — подумал отец Григорий, — но ничего не видят, как Евангельские слепцы». Значит, видел он один? Бог услышал его! Господь видел, что батюшка уже на краю гибели, и Он снова и снова спасает его!

Волна невысказанных благодарных мыслей, поднимавшаяся в душе отца Григория, накрыла его с головой. Ему хотелось плакать, смеяться и бесконечно радоваться. Он не мог взять себя в руки. Он пел хвалебную песнь Господу и благодарил Его в своей ликующей душе.

Тем временем толпа добралась до барака, где, как гиены с наглыми и горящими глазами, слепых заключенных выжидали постоянные воры хлебных паяк, а точнее — воры жизней. Когда батюшка подошел за своей пайкой, и блудливая воровская рука привычно скользнула вперед, отец Григорий резким и точным ударом кулака, как кувалдой, прихлопнул ее к столу. От неожиданности и боли «шакал» взвыл, а батюшка уверенно произнес: «Вот так! Пошел вон!» С этого дня в их барак ворье заходило все реже. Вскоре начальству стало известно, что заключенный Пономарев видит. Через пару дней его перевели в другой барак. Потрясение, пережитое им, укрепило его веру и усилило пламенные молитвы к Богу.

Обеты, данные отцом Григорием Господу, при встрече с матушкой Ниной были приняты ею как должное. Ведь они были плоть едина. Так что они уже не двое, но одна плоть. *Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф.19:6).

Отец Алексей

Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его; долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

(Пс.90)

Шел шестой год после освобождения отца Григория из зоны. Он имел уже соответствующий документ со всеми подписями и печатями на право его свободного передвижения и отъезда. Но все это была лишь хорошо замаскированная форма задержания человека в магаданском крае, куда из более цивилизованных мест и по контракту-то не заманишь, а работники тут нужны. Формально все конституционные нормы по отношению к нему были соблюдены: выдан паспорт — но реально возможность попасть, как они говорили, «на материк» была минимальной. Большинство бывших заключенных, освободившись из зоны и сделав напрасные попытки уехать, оставались тут же. Постепенно приживаясь, они начинали новую жизнь.

На материк можно было попасть лишь самолетом. Пассажирских рейсов в то время не было, летали только транспортные или почтовые самолеты, на которые брали по 2-3 человека кроме команды, в основном — начальство. Местное же малочисленное население писалось в негласную очередь на годы вперед. Кроме того, стоимость перелета до любого места, где были открыты к тому времени пассажирские авиалинии, была баснословно велика.

Отец Григорий устроился работать в систему Дальстроя, записавшись в очередь на вылет и собирая каждую копейку на оплату дороги до материка и на билет со многими пересадками до Свердловска. Ему довелось поработать и с геологами, и на метеостанции, и просто на строительстве дорог.

Покатилась череда лет, формально свободного, но фактически запертого (только уже не в стенах зоны, а в необъятных просторах Севера) человека, выжившего в сталинской каторге и теперь прилагающего все усилия, чтобы вырваться на родину к семье.

Жил он, где получалось: летом — в палатках, зимой — в бараках геологов, в вагончиках дорожников и в передвижных станциях метеослужбы. Как и раньше, он оставался сдержанным и молчаливым человеком, но не угрюмым. Он был трудолюбив и вынослив. Зона выработала в нем обостренное чувство опасности, связанное с природными явлениями, сложными жизненными ситуациями и человеческими конфликтами. Народ на Севере в те далекие времена в большинстве своем был грубый и малообразованный. Население края пополнялось тогда в основном освободившимися из зоны заключенными.

К отцу Григорию по северным суровым меркам относились хорошо: умен, трудяга, никогда не подведет, верный человек, но — «не свой». Не пьет, не сквернословит, а иногда взглянет своими синими глазами, да так, что не поймешь — или он тебя почему-то жалеет, или знает что-то такое, от чего становится не по себе. Языки даже грубиянов и матерщинников под этим взглядом прилипали к гортани. Ну, не свой он был среди них, хоть и уважаемый человек.

Работая, отец Григорий творил Иисусову молитву — так повелось еще с зоны. Его молодая и цепкая память, которая с младенчества была настроена на молитвы, восстановила почти всю Божественную Литургию, главы из Священного Писания, молитвы за здравие и за упокой, утреннее и вечернее правило, тексты акафистов. Кроме того, он читал и светскую литературу, которую удавалось добыть. В его бумагах был найден список авторов и книг, прочитанных им после освобождения. Среди них, в основном, классика. Книги Максима Горького, Стефана Цвейга, Джека Лондона... Сохранились даже отдельные выписки из прочитанного, много страниц выписано из «Тружеников моря» Виктора Гюго. Живой, светлый ум батюшки все время старался увидеть мир глазами других людей.

Позднее, когда батюшка служил уже настоятелем Свято-Духовской церкви в Смолино, он, как послушание, благословлял своим духовным чадам чтение книг писателей-классиков. Одна духовная дочь отца Григория, Любовь, рассказывала, что получила однажды от батюшки благословение читать книги Виктора Гюго. Прочитав 6 томов из полного собрания сочинений писателя, она остановилась на чтении трагического произведения «Валентин и Валентина» и, потрясенная событиями, описанными в романе, пришла к батюшке со словами: «Все, больше читать не могу...» Отец Григорий, внимательно взглянув на Любовь, тихим голосом сказал: «А больше и не надо...» Так сбывались слова батюшки, записанные им в духовном дневнике: «Большое дело — давать читать с размышлением. В этом секрет подхода к душе. А непродуманно дать чтение — это просто забросать книгами, не сообразуясь с наклоном человека. Когда от книги прочитанной осталось впечатление, это значит — попал в цель, а если не так, то считай свой заряд пропавшим».

Чувство одиночества на чужбине, часто подкрадывающееся уныние и тягостные раздумья скрадывала только молитва. Очень часто отец Григорий думал о своих родных. О любимой супруге, о дочке, которая росла без него. Он не слышал ее детского лепета, не видел ее первых неуверенных шагов и успехов в музыке, которые она имела благодаря героическим усилиям своей мамы Нины Сергеевны. Все было без него. Что ж, видно, так угодно Господу. Болело сердце об отце — архимандрите Ардалионе. Из писем жены между строк он мог понять, что связи с отцом совершенно оборваны. «Где же ты, мой дорогой друг, отец, наставник и учитель! Вряд ли стальные челюсти ГУЛАГа пощадили тебя!» Где отец матушки Нины протоиерей Сергей? Где все, столь любимые и дорогие сердцу люди, сгинувшие в пучине 37-го года?

Последние годы отец Григорий почему-то особенно остро вспоминал свое короткое и трагическое знакомство с покойным батюшкой отцом Алексием, его напарником по шахте. Для себя он четко решил, что если Господь даст ему вернуться домой, то свою дальнейшую жизнь он посвятит служению Богу и Церкви. Это был и завет отца Алексия, и обет Богу, данный заключенным Григорием Пономаревым во время пребывания в бараке смертников. Если бы даже не эти страшные и мучительные события лагерной жизни, то отец Григорий все равно посвятил бы себя служению Церкви, для которого он был уготован с детства.

Воспоминания об отце Алексии подолгу тревожили его душу. Работая в системе Дальстроя, он неплохо знал окружающие места. Знал и расположение своей бывшей зоны, и места захоронения умерших узников. Погребение узников нельзя было назвать «захоронением». Это были огромные котлованы, вырытые в короткое северное лето. В течение всего остального года они заполнялись телами умерших. По мере наполнения котлована трупами, они слегка

прикапывались землей, и то не из соображения человечности и гуманности, а по необходимости санитарной профилактики. Тела же несчастных, умерших зимой, просто штабелями, как поленницу дров, складывали где-то там же, а по весне, хочешь не хочешь, тоже приходилось хотя бы слегка присыпать их землей. Тут бродило много диких, отощавших за зиму волков и лисиц. Мелькали и пушистые шубки соболей. Стаи воронья кружились над этими мрачными местами поругания человеческих останков. Они свидетельствовали о еще более странном разложении — растлении душ живых людей, ведающих этими «полями скорби».

Почвы, часто болотистые, ускоряли, конечно, процесс «выравнивания местности», но обычная тундровая растительность вела себя странно. Целые поляны над захоронениями были покрыты огромными, гипертрофированно разросшимися кустами морошки. Ягоды на них были не оранжевые, а до отвращения кроваво-красные, ядовито-спелые. Мхи, травы и лишайники выростали много крупнее своих собратьев из обычной лесотундры. А нежные, розово-лиловые и белопенные тончайшие цветочки, на неделю покрывающие обычную тундру и знаменующие собой полярное лето, тут не появлялись и вовсе.

Ничто не могло скрасить хоть на миг угрюмость и мрак этих мест. Что-то незримо наваливалось на тебя в этих местах, давило и душило до изнеможения. Однако отец Григорий, преодолевая себя, иногда приходил в эти места и читал заупокойные молитвы и акафисты. Читал 17-ю кафизму из Псалтири. Все это он помнил с детства. Странная мысль о том, что он, сам не зная как, может хотя бы примерно определить место захоронения отца Алексея, часто посещала его. Он понимал, что это почти неисполнимо, и гнал от себя нелепые мысли. Но они вновь и вновь настойчиво прорывались в его сознании.

Осенью 1952 года он снова, и уже в последний раз, посетил эти места скорби. Необходимая сумма денег для дороги домой была почти собрана, и нашлись люди, которые могли помочь ему улететь, предположительно, ранней весной.

Первые морозы уже схватили болотистую почву. На свежем снегу еще более ярко и зло, чем осенью, алела, как разбрызганная кровь, отживающая свой век морошка. Мхи, седые от заморозков и уже чернеющие под снегом, покрывали всю поверхность огромной поляны, на которой стоял отец Григорий. Он прощался со всеми усопшими: ворами, бандитами и невинно осужденными, и молился за них. Молился и за тех исповедников православной веры, которые пострадали за Христа. Сколько их прошло по тропе страданий за эти страшные десять лет заключения?..

Окружавшая тишина нарушалась лишь шелестом растений, напоминающих об уходящих в вечность минутах.

Мысли об отце Алексии щемящей раной в сердце не давали ему покоя. Прочитав, как обычно, все заупокойные молитвы, он с мольбой обратился к Господу: «Господи Иисусе Христе! Если есть на то Твоя благая воля, соверши невозможное: укажи место упокоения отца Алексея! Я снова буду просить Тебя, чтобы Ты принял его в Свои светлые обители. На краткий миг нашей земной жизни он был мне как отец. Помоги мне, Господи запечатлеть в своем сердце все, что связано с дорогим человеком».

Тусклое на закате дня солнце осветило напряженное, устремленное в небо лицо отца Григория и его глаза, увлажненные слезами. Бросив прощальный взгляд на поле, сквозь слезы он увидел вдалеке какой-то странный отблеск: то ли осколок стекла блеснул на солнце, то ли это был какой-то огонек. Смахнув скупые слезы, он напряженно вгляделся и вновь увидел этот огонек, почти на снегу. Он быстро зашагал к нему, боясь потерять его из виду.

Где-то вдали по краю поляны прошли два человека. Они как будто уходили от странного огонька и вскоре скрылись в подлеске. Отец Григорий почти не обратил на них внимания: мало ли кто может тут проходить — те же дорожники или геологи, возможно, сокращали себе дорогу, проходя этой кладбищенской поляной, ведь это была незакрытая территория. Он очень боялся потерять из виду маленький огонек, который как бы звал, чем-то привлекая к себе. По мере приближения стало видно, что он горит не прямо на снегу, а на конце тоненькой палочки, воткнутой в снег, и вот-вот потухнет.

Теперь он ориентировался только на эту желтоватую на фоне снега палочку. Огонек исчез совсем, но когда он подошел еще ближе, сердце его стало отбивать гулкие, мучительные удары. Он не верил своим глазам, но палочкой этой оказалась... свечка. Тонюсенькая восковая свечка. Самая настоящая. Откуда здесь, в таком безлюдном месте горящая церковная свеча? Он 16 лет не держал ее в своих руках. Кем была зажжена эта поминальная жертва?

Мысль его остановилась на тех двоих, что ушли в подлесок. Но что-то подсказывало сердцу, что молитва его услышана, *ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*. Как близок к нам Господь, как Он видит и слышит нас, как любит и всегда откликается и помогает!

Когда отец Григорий подошел ближе, фитилек свечи уже обуглился, а по воздуху плыл сизоватый дымок. Уняв kloкочущее сердце, он вновь зажег свечку. Сотворив благодарственные и успокойные молитвы, он поцеловал землю, где горела свеча. В душе его волной прокатилась тихая светлая печаль и одновременно радость и благодарность Господу. Конечно, это было место захоронения отца Алексея. Отец Григорий тогда еще не был священником и не мог по полному чину совершить панихиду, но все, что зависело от него в тот момент, он выполнил.

Домой он возвращался при свете луны, печально освещающей этот скорбный земной уголок. Но времени он не чувствовал, только понимал, что до конца исполнил свой долг перед покойным отцом Алексием. Отец Григорий бесконечно благодарил Господа за чудесную помощь и за возможность Промыслом Божиим исполнить свой христианский долг.

В эту же ночь он увидел во сне отца Алексея. Батюшка был в полном священническом белоснежно сверкающем облачении. На голове его сияла митра, переливаясь светом драгоценных камней и золотом шитья. Глаза его, трогаящие душу своей кротостью и младенческой чистотой, смотрели на отца Григория с любовью и радостью. Рядом с отцом Алексием стоял еще один старец, такой же светлый и сияющий, но не знакомый отцу Григорию.

«Ну, Гришенька! Вымолил! — был голос. — Спасибо тебе, сынок, за память, за молитвы. Они услышаны. Теперь простимся надолго. Я буду за тебя молиться, а тебе предстоит еще большая долгая жизнь и много подвигов во славу Божию. Храни тебя Господь!» Он благословил отца Григория, и на этом сон оборвался. А может, это был не сон? Отец Григорий ощутил себя лежащим с открытыми глазами, устремленными в ночное небо. Желтая луна заливала все кругом своим нереальным призрачным светом. Вокруг нее было большое светлое сияние, а это, говорят, к морозам. Так началась последняя магаданская зима в жизни отца Григория.

Уже к концу марта 1953 года ему сказал и, чтобы он подготовил деньги для самолета. В апреле он уволился из системы Дальстроя и, получив все документы, в этом же месяце навсегда распрощался с 16-ю годами заключения и тяжелых непосильных трудов, которые стали для него восхождением на свою Голгофу. Он благодарил Бога за все и, прося Его помощи и покровительства в дальней дороге, покинул этот край человеческих страданий, направляя свой путь к новой жизни, новым подвигам и свершениям во славу Божию. *Дивен Бог во святых*

Глава 4. Встреча

Шел 1953-й год. Страна еще не ощутила перемен после смерти Сталина. Намертво закрученные во всех областях жизни гайки пока не ослабели. Нужно было время.

Апрель в том году был какой-то несмелый. Днем солнце уже сильно припекало. От оттаявшей земли поднимался пар, ручейки, стремясь слиться, захватывали потемневшие, набухшие пласты снега и льда. А ночью опять все застывало так, что утренний снежный наст выдерживал вес взрослого человека, и нам, подросткам, интересно было испытывать его на прочность.

Весна не спешила. Мы с мамой продолжали жить в Свердловске, в районе Верхисетского завода, в каморке, снятой у предприимчивого пенсионера. В этой летней дощатой будке он проделал окно, сам сложил печь — источник моих бесконечных мучений, ведь редкий день ее можно было истопить так, чтобы дым шел в трубу, а не в нашу комнатушку. Вот такую «квартиру» мы и снимали. Тут мы бедовали уже две зимы, не находя ничего лучшего. Твердая уверенность мамы, что я должна продолжать музыкальное образование, привела нас в Свердловск из Нижнего Тагила и удерживала тут. Тогда, по своему юному возрасту, я не могла оценить незримый ежедневный подвиг, который совершала мама ради меня.

Работала она в швейном ателье на другом конце города и получала мизерную зарплату, не зная, как растянуть ее и на квартирную плату, и на дрова, и на питание и одежду. Меня она почти не видела, уезжая из дома очень рано и возвращаясь поздно вечером, так как оставалась подрабатывать сверхурочно. Кроме этого, она переделывала еще кучу домашних дел, непосильных для меня, подростка, и только измученное, землистого цвета лицо и глаза, в которых, казалось, навечно поселилась тревога, выдавали ее состояние и усталость. Мы очень любили друг друга, и каждый мой успех в музыке радовал ее больше, чем меня.

Самым счастливым временем для нас бывали приезды бабушки, Павлы Ивановны (маминой мамы). Она постоянно жила в Нижнем Тагиле, в семье старшей дочери. Жалея и понимая, какие тяготы несет мама, она приезжала к нам погостить и помочь в домашних заботах. Это всегда была радость. У мамы светлело лицо, тревога немного отпускала ее, а я, греясь в бабушкиных хлопотах и внимании, превращалась в обыкновенную беззаботную школьницу.

В том году она приехала где-то в середине апреля и провела у нас уже несколько дней. Было обыкновенное серое утро. Мама давно уже уехала на работу, я собиралась в школу, радуясь, что я не одна: у нас гостит бабушка. Вдруг в нашу каморку постучал хозяин и подал бабушке телеграмму: «Прилетаю 20-го рейс №... Крепко целую. Гриша». Но что это? Прочитав телеграмму, бабушка начинает медленно оседать на пол, теряя все краски в лице. Она лежит... и непонятно, дышит ли. Я испугалась, ведь мне еще никогда не приходилось видеть, как люди теряют сознание. Мне страшно, мне очень страшно. Кажется, что она умерла. Интуитивно решаю, что ей надо понюхать нашатыря, и почему-то обязательно, обязательно надо ее посадить. Если она будет сидеть, не будет так страшно.

Наконец, очень медленно она приходит в себя, смотрит так, словно вернулась издалека. С трудом садится, что-то вспоминает и... заливается странными светлыми слезами. Бабушка, наша опора, и вдруг... И только тут до меня дошел смысл телеграммы: «Прилетаю 20-го... Гриша». Значит, это папа? Значит, сегодня прилетает мой папа?! Сознание отказывается принять эту радость, наступает какая-то пустота. Да, радость, оказывается, бывает очень трудно пережить. Мало-помалу мы с бабушкой обретаем способность связно говорить. Как

сказать маме? Она столько вынесла! Надо ее как-то подготовить, иначе может случиться непоправимое.

Мама приехала раньше обычного, какая-то взволнованная, с сильной головной болью. На работе у нее вдруг подскочило давление, ей стало плохо, вызвали «Скорую» и, оказав необходимую помощь, отправили домой на директорской машине. Что за странное волнение, ведь она пока ничего не знает? Но в глазах ее застыл вопрос. Она даже не спрашивает, почему я не в школе и что с бабулей...

Все-таки случайностей не бывает, и бабушка приехала именно в это время для того, чтобы предварить папин приезд и помочь маме справиться с неожиданной и невместимой радостью. Моя мудрая бабуля, накапав в чашечку валерьянки, в приказном порядке укладывает маму в постель. Шутка ли? Давление... «Скорая». Надо лежать. Таблетка аспирина для мамы, валерьянка и валидол под язык. Меня она отправляет выяснить время прилета самолета.

Когда я возвращаюсь, непереносимое напряжение в воздухе, которое, казалось, можно было пощупать рукой, рассосалось. Мама уже сидит. Видно, что они обе плакали, и я прихожу к ним плакать третьей.

Однако у бабушки вид победителя, осуществившего сложнейшую операцию. Она смогла, сумела своим материнским чутьем подготовить маму принять эту радость. Мама сидит, не расставаясь с телеграммой, словно этот дорогой бумажный листик может улететь навсегда.

Самолет прилетает поздно вечером. Регулярных автобусных рейсов в аэропорт нет. В те годы люди мало летали самолетами. Добраться можно было только на такси, а это больше половины маминой зарплаты, иного выхода нет. И вот, оставив бабушку, которая вдруг как-то ослабела, мы отправляемся в аэропорт. Встречать папу? Кажется, что это какая-то сказка, далекая от реальности. Мы едем уже в темноте по старому Сибирскому тракту. В окне машины мелькает угрюмый еловый лес. Неуютно, даже более того, просто страшно. А мама, обычно такая чуткая ко всему, сидит совершенно отрешенно. Какие мысли, какая работа кипела в ее дорогой душе? Уже не узнать.

Наконец мы приехали. Аэропорт 1953-го года в Свердловске — это простой длинный барак, рядом забор, за которым идет строительство. Тогда еще не было даже и старого аэропорта. Народу почти нет, все закрыто. Самолетов не видно. Пахнет керосином и пылью одновременно. Мимо нас проходит группа смеющихся людей, среди них — летчики. Голоса затихают, и мы узнаем, что папин рейс задерживается по метеоусловиям. Кажется, что эти слова совсем из другого мира. Наверное, он прилетит не раньше завтрашнего дня. Дойдя до верхней точки нервного напряжения, наступает спад. Как защита. Надо возвращаться домой. Мама испуганно пересчитывает деньги, мелочь — все что есть, чтобы расплатиться за такси. А как ехать завтра? Ничего, она очень рано встанет, съездит на работу, чтобы предупредить и занять деньги. Ей дадут. Ее любят на работе. Говорят, что она всегда вносит мир в их беспокойный женский коллектив.

Половину ночи мы не спим. Просто не в состоянии заснуть. Пузырек с валерьянкой заметно пустеет. Но вот и утро. Мама выглядит страшно: глаза и веки красные, синие мешки под глазами, отекает лицо. Походка неуверенная. Уехала отпрашиваться. «Господи, дай ей сил!» Бабуля старается держаться, но это дается ей с трудом. Проходит часа два-три в бессмысленном метании по комнате в ожидании мамы. Глаза все время на воротах — когда она придет?

Но вот ворота открываются, и... входит мужчина. Невысокого роста. Очень крепкий,

широкоплечий. На нем костюм и плащ, светлая сорочка подчеркивает странный цвет его лица (северный загар). У него синие-синие глаза. Он осматривается и, как будто бывал тут раньше, решительно идет к нашему дощатому домику. Открывает дверь и... подхватывает бабушку, готовую упасть.

— Гришенька!..

— Мамочка!..

Слышны только обрывки слов и глухое прерывающееся рыдание. Он оборачивается. Какой-то миг он поглощает меня глазами, он весь уходит во взгляд. Потом хватает меня и целует, и смеется, и плачет, и снова смеется.

— Доченька моя? Лелечка?

Он смотрит, смотрит... Я просто оглушена таким шквалом эмоций. И тоже смотрю, смотрю... на него. Так вот он какой, мой папа! Какой он мощный, крепкий, какой у него благородный облик и синие, синие глаза, и черные волосы, чуть седые на висках! Он красивее всех на свете!

Но в глазах его вопрос. Ну, конечно... Где она, где его бесконечно дорогая Ниночка? Где, где же она? Он стоит на пороге открытой двери нашей комнатухи, когда во двор входит измученная, изнуренная женщина — силы ее на исходе. Женщина видит его... и на миг останавливается. Но кто же она? Такая молодая, почти девушка, тоненькая, стройная в своем темно-зеленом платье в полосочку. Глаза сияют, как два солнца. Она не идет, а скользит по воздуху. Кто эта красавица? Это моя мама! Он кидается ей навстречу, и она падает в его объятия...

Уже к вечеру мы немного успокаиваемся, чтобы говорить, говорить, вспоминать и плакать, хотя слез уже не хватает. Но еще не осознаны все утраты, еще столько не рассказано. Это придет потом.

Засыпая, утомленная переживаниями, я слышу, как в ушах моих равноправно звучат три голоса. Настоящая полифоническая музыка: тихая беседа родителей, трудное, старческое дыхание заснувшей бабушки и сильный шум дождя. Первого настоящего дождя после зимы, смывающего и уносящего в лету остатки зимы и бури пережитых скорбей. Легкие, светлые мечты о будущем смежают мои усталые веки. Как хорошо, как спокойно, когда есть папа. «Слава Тебе, Господи, что дал нам эту дорогую минуту встречи!»

Глава 5. Отец Григорий

Способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит.

(2Кор.3:5-6)

Жизнь сложилась так, что мое общение с отцом было не постоянным, а скорее эпизодическим. Первая наша встреча, как уже сказано, произошла по приезду его с Севера, когда мне было почти 16 лет.

Не прожив и месяца после возвращения, папа осуществил данный им обет — отдать всего себя на служение Богу и Православной Церкви. Мама, конечно, его поддерживала. Прослужив недолгое время диаконом в Иоанновской церкви Свердловска, он получил постоянное место в

небольшом районном городке Кушва, куда они с мамой и поехали. Я же осталась в Свердловске продолжать учебу, и с этого времени фактически началась моя самостоятельная жизнь.

Конечно, мы виделись. Все каникулы я проводила у них. Но велики ли каникулы для познания внутреннего мира человека, прошедшего такой сложный путь? Да и я, в силу молодости, была слишком занята своими проблемами, чтобы глубоко понять, что пережил он и как формировался (лучше сказать, выковывался) его характер. Он попал в сталинскую «мясорубку» всего в 24 года. Как он не сломался духовно и физически в столь молодом возрасте? Именно там возмужала его воля и укрепилась вера. Каким сильным, но внутренне закрытым человеком приехал он с Севера.

И в последующие годы жизнь тоже ставила перед ним сложные и трудные задачи, но они отвечали уже новому времени... В те годы я не могла заметить и оценить его постоянный духовный рост. И лишь теперь, стараясь понять и охватить его личность, сложить воедино его записи, дневники, письма, вкладывая в недостающие звенья свои воспоминания о его беседах с родными, советы многочисленным духовным чадам, несущим ему свою боль и неразрешенные вопросы, — я пытаюсь выявить его самые главные требования прежде всего к себе, а затем — к людям. Вера. Чистейшая, беззаветная, безусловная вера и надежда на Господа при любых обстоятельствах... Но как сделать эту веру не застывшей, не мертвой, а живой, трепетной и приносящей спасительные плоды? Это стало его целью и в самосовершенствовании, и в постоянной духовной помощи всем нуждающимся в нем.

В годы служения в Кушве, а потом в Нижнем Тагиле он был переполнен энергией, которая находила выход в самых различных проявлениях. Он с наслаждением работал в храме, приводя в порядок церковные книги, иконы, киоты. Его часто можно было видеть в церковной ограде с плотниками, столярами. Одновременно он с пастырской теплотой и терпением окормлял вверенную ему Господом паству, ведя неутомимую духовно-просветительскую работу. Надо сказать, что к концу 50-х и в 60-е годы духовной литературы в стране почти не осталось, и то малое, что удавалось найти батюшке, он переписывал вручную, тиражируя для многочисленных духовных чад. Позднее удалось купить пишущую машинку, и отец Григорий специально научился печатать, чтобы более полно удовлетворять духовный голод всех страждущих. Постоянная привычка печатать духовную литературу сохранялась в нем до последних дней жизни. Будучи уже смертельно больным, он еще пытался напечатать страничку, другую... Так и остался после его кончины лист бумаги, вставленный в машинку, с недопечатанным словом... Не смог. Но у многих верующих остались как память о батюшке перепечатанные им самим и благословленные тетрадки с духовными записями.

Читая его дневник, можно проследить как он постоянно и пытливо всматривается в себя, совершенствуя и обостряя свой дух. Он постоянно как бы наблюдает себя со стороны. В его записях все чаще появляется мысль о значении времени — конкретного времени, отпущенного каждому. Как это время использовать с максимальной пользой? В дневнике настойчиво звучит тема часа в течение суток. Контроль: что сделано за час, на что он потрачен? Думаю, что тут не последнее место имела жизнь в заключении, в лагере. В шахте или на лесоповале реальность того, что любой час может быть последним, повышалась в сотни раз в сравнении с жизнью на воле. Очень настойчиво проводится мысль, что в любой час надо быть готовым предстать пред Господом с ответом за все.

Через год служения диаконом в Кушве, 6 ноября 1955 года, в день празднования иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость» Преосвященнейший архиепископ Свердловский Товия совершил рукоположение отца Григория во иереи. Вскоре батюшку переводят в Нижний Тагил.

Паломничество

После рукоположения отца Григория в сан иерея, вместе с матушкой Ниной им удалось осуществить свою давнюю мечту и побывать у истоков Православия на Руси — в Киеве, чтобы молитвенно припасть к киевским святыням.

Матушка с большим волнением отнеслась к этой поездке. И вот в один из теплых октябрьских дней перед глазами отца Григория и матушки Нины предстал Киев с его многочисленными храмами, монастырями и Печерской Лаврой, куда отец Григорий мечтал доскакать на своей деревянной лошадке еще в детстве. Город поразил их своим великолепием и красотой. В те годы большинство православных храмов было закрыто, и осмотреть их возможно было лишь как экскурсантам. После Великой Отечественной войны Киев жал в руинах, но храмы восстанавливались одновременно с городом. Это были как будто прежние храмы, они стояли с позолоченными куполами, только теперь в них располагались различные госучреждения и музеи.

Древний Софийский собор — колыбель Киевской Руси — был открыт; иногда в нем совершались богослужения. Сила и величие духа чувствовались в этом древнем храме... Свет, заливавший его сверху, высвечивал верхний ярус икон, сияющих позолотой. Причудливо отражаясь в разноцветных лампадах, свет постепенно растворялся внизу, не в силах охватить весь храм. Иконостас, уходящий куда-то ввысь, казался удивительно легким, так что иконы, помещенные в нем, будто бы парили в воздухе. Отца Григория и матушку поражало все. Они любовались архитектурой Андреевского храма, росписями Владимирского собора, древними святынями Покровского и Флоровского монастырей.

Поразила их и красота самого города. Киевские бульвары со знаменитыми каштанами, выложенные каменными плитками, были усыпаны в эти октябрьские дни ворохами разноцветных опавших листьев. В воздухе то и дело кружила теплая золотая метель, так мало похожая на северную невьянскую осень. Шурша легкой листвой, они медленно шли по направлению к Киево-Печерской Лавре, вспоминая такой же осенний день их свадьбы.

Главной целью их приезда было, конечно, посещение лаврских пещер.

Уже на подходе к Лавре на отца Григория и матушку налетел вольный днепровский ветер, который то сбрасывал батюшкину шляпу, то закручивал на узорных плитах тротуара воронки из сухих листьев. Как расшалившийся ребенок, он неожиданно кидал легкую, сухую листву в лицо прохожим, но отец Григорий был глубоко сосредоточен на предстоящем посещении дорогих святынь, он ничего не замечал вокруг и шел к пещерам, призывая в молитвах помощь Божию.

* * *

В войну налеты и бомбежки немецких самолетов повредили внешний облик Лавры. После войны многое было восстановлено и какое-то время «дальние» или, как их еще называли, «нижние» пещеры были открыты для паломников. Верхние же были закрыты для всех.

«Когда во время Великой Отечественной войны немцы заняли Киев, — читаем мы в житии святого преподобного Кукши Одесского, — то немецкий комендант города пожелал посетить всемирно известные пещеры Киево-Печерской Лавры, в то время еще закрытые. Для этого нашли монаха — бывшего насельника обители. Осмотр начался с ближних пещер. В то время мощи почивали в раках открыто, не под стеклами. Около раки преподобного Спиридона-просфорника, почившего 800 лет тому назад, комендант остановился и спросил, из чего

сделаны эти мощи. Монах стал объяснять, что это тела людей, своей святой жизнью сподобившихся нетления. Комендант, не веря его словам, взял свой пистолет за ствол и рукояткой ударил с силой по руке преподобного Спиридона: сухая потемневшая от веков кожа лопнула на запястье, и из раны хлынула настоящая алая кровь (следы трех засохших потоков ее заметны и сейчас на руке преподобного). Увидев это чудо, комендант в ужасе бежал из пещер, а за ним и вся его свита. На следующий день по городскому радио немецкая комендатура объявила, что Киево-Печерская Лавра открывается, и желающие могут поселиться в ней... Вскоре немцы разрешили открыть и женские монастыри: Покровский, Флоровский, Введенский» («Житие и чудеса преподобного Кукши Одесского». Одесса, 2000 год).

Буквально перед приездом отца Григория и матушки массовые посещения пещер временно ограничили. Объясняли это тем, что в легких песчано-сланцевых породах горы, потревоженной бомбежками, произошла деформация, в результате чего в пещеры якобы стала попадать днепровская вода. Женщина, приютившая у себя моих родителей, работала в музее, находящемся на территории Лавры. Она была глубоко верующим человеком; почти всю жизнь она прожила в Киеве, проводя экскурсии по Лавре. С отцом Григорием и матушкой она познакомилась в Нижнем Тагиле, когда гостила там у своих родственников. Она и выхлопотала для них особые пропуска для посещения нижних пещер. Она же рассказала отцу Григорию и матушке много интересного из истории Лавры. На вопрос об отношении сотрудников музея к монастырю женщина ответила, что почти все они приходили на эту работу убежденными атеистами, но за время пребывания в стенах Лавры насмотрелись такого, что их прежние убеждения поколебались. Так, например, был известен факт, как в музей поступило распоряжение вынести из пещер все святые мощи и уничтожить их. Ночью приехали грузовики, но когда на них перенесли мощи святых, ни одна машина не завелась. Отправили за подводами, переложили на них святыни, но лошади встали на дыбы. Святые мощи снова разнесли по пещерам и оставили в монастыре.

В хронике Киево-Печерской Лавры сотрудниками музея зафиксирован и такой случай, который произошел за год до последнего открытия монастыря. В пещеру проник злоумышленник, чтобы, выполняя заказ мафиозной группы, спекулирующей на продаже за границу икон, тайно набрать и вынести из Лавры часть мощей святых угодников. Сотрудники музея заметили, что более двадцати гробниц осквернено, и в этот же день объявили поиск грабителя. В одном из дальних концов пещеры несчастный был обнаружен сидящим в оцепенении и не имеющим сил даже пошевелиться. В таком положении его и вынесли из пещер сотрудники милиции. Позднее он рассказал, что в тот момент, когда он, совершив задуманное преступление, собирался скрыться, какая-то неведомая сила заставила его пойти в самый дальний угол пещеры, где на него навалилась такая тяжесть, что он не мог более сдвинуться с места.

* * *

Помолившись у надвратной церкви, отец Григорий и матушка с благоговением, затаив дыхание, вошли на территорию Киево-Печерской Лавры.

В целом территория всех пещер Лавры так огромна, и их сложный лабиринт на разных уровнях так переплетается, что даже в отведенном для посещения паломников условном квадрате без проводника легко заблудиться. На территории Лавры отца Григория и матушку ждала уже их провожатая.

Пройдя почти по всей территории монастыря, они подошли к нижним пещерам. Вместе с другими немногочисленными паломниками им отметили пропуск и разрешили посещение. Они зажгли свечи и стали спускаться по крутому, уходящему куда-то вниз коридору.

Некоторое время спуск продолжался, потом коридор резко поворачивал и далее уже проходил на одном уровне, то расширяясь, то сужаясь. Тут же начинались первые захоронения насельников Лавры: ранние и более поздние.

Прямо вдоль коридора, в легких известковых стенах были выдолблены ниши, в которых и погребали подвижников. Перед каждым из них горела неугасимая лампада. Здесь же висела икона святому, под которой был написан тропарь или молитва преподобному.

Волнение, которое испытывали отец Григорий и матушка при спуске к мощам святых Божиих угодников, совершенно улеглось, уступив в душе место тишине, покою и благоговению. Они медленно шли, останавливаясь и читая, кто здесь покоится. Молились... Имена многих святых были им незнакомы.

По мере продвижения вперед, мощей становилось все больше. Легкое благоухание, тонкий неземной аромат наполнял ниши. Паломники уже не держались плотной кучкой. Кто-то молился у одной раки, кто-то у другой.

Говорили, что в пещерах подолгу жила старлица, питаясь подаянием и ночуя у святых мощей.

Время словно остановилось для отца Григория и матушки. Трудно сказать, сколько минут, а может быть, часов прошло со времени их спуска, но в какой-то момент матушка вдруг потеряла отца Григория. Буквально минуту назад она видела его коленапреклоненную фигуру, характерный окат плеч, наклон головы, но сейчас его... нет. Это было столь неожиданно, что вначале она даже не испугалась. Решила, что он, наверное, прошел чуть вперед. Она тоже прошла немного вперед, но там его не оказалось. А может, она не слышала, углубившись в молитву, как он вернулся назад? Она поспешила обратно. Тоже нет. Спутница их, хоть и подбадривала матушку, но напугана была не меньше. Кричать, звать? — но святость этого места не позволяла разговаривать громко. В испуге они метались, стараясь не потерять того места, где видели отца Григория последний раз. Кроме того, женщина-экскурсовод предупредила, что в пещерах много боковых ходов, так что можно заблудиться. Волнение матушки нарастало. Она в изнеможении упала, прижавшись к какой-то раке, и взмолилась: «Господи! Не дай ему потеряться. Где же он, что с ним случилось?»

Наверное, исчезновение батюшки, беготня испуганных женщин туда-сюда и не были столь долгими, но им показалось, что прошла целая вечность, прежде чем прямо у противоположной стены коридора, где в нише сидела матушка, стал еле заметен слабый свет, и вскоре высветился новый ход — коридор куда-то вглубь пещеры, до этого совершенно невидимый. Еще минута, и две тени промелькнули в этом проеме. Какая-то странная сила не давала женщинам тут же вскочить и побежать навстречу, ноги — как отнялись и приросли к земле. Вглядываясь в темноту, они увидели, как одна фигура поменьше ростом сделала земной поклон перед другой. Человек в длинном монашеском одеянии благословил первого и тут же исчез. Исчез и ровный голубоватый свет, в котором показались фигуры, совсем не похожий на слабое мерцание свечей. В эту же минуту у прохода, ставшего опять почти незаметным, оказался батюшка. Свеча его не горела...

Матушка бросилась к нему, ее знобило. От отца Григория шло едва уловимое благоухание... Он тоже дрожал, но голос его был тихий и ласковый:

— ...Что ты, Ниночка! Да разве можно так переживать? Все это время я молился тут рядом, в нише. Вы просто обе меня не заметили. Не надо. Успокойтесь. В таком святом месте ничего страшного случиться не может.

У матушки стучало от волнения сердце, дрожали губы и руки. Отец Григорий еще что-то говорил ей, тихо и с убеждением. Постепенно страх стал отступать. Ей вдруг стало стыдно за то, что она думала об опасности в месте, которое само по себе хранит своей святостью.

Женщина, их сопровождавшая, очевидно, тоже переволновалась. Вскоре они вышли из пещер — совершенно в другом месте, в небольшую рощицу на берегу Днепра. Все молчали, осознавая произошедшее, женщины вспоминали исчезновение батюшки и его столь неожиданное возвращение, странный отсвет, в котором они видели незнакомую тень. Кто это был? Когда при дневном свете матушка взглянула на отца Григория, то увидела, что его синие глаза сияли, он был какой-то отрешенный, взгляд его отражал не земное, но небесное.

Пройдя через рощицу, они оказались на самом берегу реки. Темно-синие воды Днепра, синее небо, синие глаза батюшки, а наверху — возвышающаяся Лавра с горящими в заходящем солнце многочисленными золотыми куполами. Они шли берегом реки к дому, где жила их гостеприимная хозяйка. Величественный Киев панорамой разворачивал перед ними свои богатырские плечи с позолоченными маковками-шлемами больших и малых городских храмов.

Спустя много времени, мама несколько раз пыталась расспрашивать батюшку о его явном отсутствии в пещерах Лавры во время их паломничества и о таинственной тени, оказавшейся рядом с ним, но отец Григорий упорно твердил, что все это ей только показалось, или отмалчивался вовсе. Не знаю, рассказал ли он матушке со временем об этом таинственном событии. Может быть, и рассказал, но только матушка Нина умела хранить тайны...

В Кургане

В 1962 году архиепископ Свердловский Флавиан назначил отца Григория настоятелем Свято-Духовской церкви в поселке Рябково города Кургана.

Несколько месяцев прослужил батюшка в рябковской церкви, к тому времени уже «приговоренной» городскими властями к переоборудованию под кинотеатр. А вскоре верующим предложили новое место под строительство молитвенного дома в поселке Смолино, который и был построен с Божьей помощью трудами отца Григория и его духовных чад.

Престол нового молитвенного дома освятили в честь Святого Духа. Из рябковского храма перенесли церковную утварь, иконы, богослужебные книги и священнические облачения, и богослужения возобновились. Много лет отец Григорий, окормляя созданный им приход, служил один. Он и строитель, и настоятель, и требный батюшка одновременно. Жизнь его была настолько спрессована во времени, что с новой силой звучит в его духовном дневнике тема значения и силы часа.

В те годы он служил один. За всю свою жизнь батюшка, можно сказать, не имел полноценного отпуска. Он служил круглый год. Вставая в 4-5 часов утра, батюшка готовил себя к Божественной Литургии. Потом сразу же крещение, венчание, панихида... А в городе уже ждут его с требами. Сообщение с Курганом было тогда через поселок Восточный. Через Тобол переправлялись в то время различными способами: и лодки, и плотики, иногда — мостки почти без перил. С требным чемоданчиком со Святыми Тайнами при температуре 25-30 градусов жары добирался батюшка в любую точку города и близлежащих поселков на общественном транспорте или пешком. Где-то ждали его на исповедь и причастие, где-то — на соборование, но как бы далеко и сложно не было добираться, он никогда никому не отказывал. Домой приходил белее мела, чтобы сбросить насквозь промокшую одежду и... быстрее в храм ко всенощной. Только вечером он давал себе немного отдышаться, обдумать проведенный день и еще успеть подготовиться к следующему, такому же. Конечно, только Господь давал ему силы.

Что такое отпуск, он просто не знал.

Лет 13-15 батюшка жил такой напряженной жизнью. Но ему готовились новые испытания.

Свои трудности и переживания он тщательно скрывал, стараясь оградить близких от лишних волнений, но его душевная боль вылилась в стихи, явно не рассчитанные на читателя:

Сердце

Бедное сердце! О, сколько тревоги
Ты испытало со мною в пути!
Сколько раз чувствуя тяжесть дороги,
Ты учащенно стучало в груди.
Но и теперь ты, почуяв ненастье,
Что собралось над твоей головой,
Бьешься, волнуешься, хочешь, чтоб счастье
Снова лилось полноводной рекой.
Полно, утихни же, в мире коварном,
Где суждено нам с тобою шагать,
Больше ты будешь, родное, печально,
Много придется терпеть и страдать.
Долго придется тебе еще биться
И волноваться в стесненной груди,
Пусть тебе сладкое счастье не снится
В жизненном нашем тяжелом пути.
Пусть тебе видятся шумные грозы,
Бури, ненастья и море скорбей,
Ненависть дикая, только не розы
И не хвала от коварных людей.
Так обновимся в служении верном,
Путь христианский со мной продолжай
И своим стуком тревожным, чрезмерным
Ты уже больше меня не пугай.

Писано 10/II 1975 года.

Папа был слишком закрытым человеком, чтобы посвящать в свои тяготы близких. Кроме мамы, конечно. Поэтому я не могу объяснить причины его переводов сначала в Шадринск, вскоре в Куртамыш, потом в Усть-Миасс и так далее... Скорее всего, это было связано с отношением к нему уполномоченного по делам религиозных организаций Курганской области. Но факт остается фактом: мои престарелые родители, живя в Кургане, стали «перелетными птицами». Церковный дом, где они жили все годы службы в Свято-Духовском храме, им пришлось освободить, и они купили маленький домик здесь же, в Смолино, где и жили до самой смерти.

Уезжая на воскресные и праздничные дни в другие приходы, они оставались там на неделю, иногда на полторы, и возвращались в Курган, чтобы снова ехать на очередную субботнюю и воскресную службу. Переехать совсем на каждое из мест нового назначения родители не могли, так как понимали, что это носит временный характер и переводы с прихода на приход спонтанны и необъяснимы. За ними, как по команде, следовали многочисленные духовные чада батюшки, верные им и в радостях, и в трудностях. И храмы маленьких городков и поселков епархии наполнялись церковным пением и чтением милых курганцев.

Приезжая в Курган, я совершала вместе с ними эти беспокойные поездки. Как я отметила для себя, чтобы добраться из дома в Смолино до очередного районного храма, они должны были преодолеть около четырех пересадок. Первая — из дома через Тобол до городского рынка; вторая — от рынка до автовокзала; третья — на рейсовом автобусе до районного центра, четвертая — на местном автобусе до храма. Иногда бывало, что они шли пешком около 11 километров, например, в Усть-Миасс.

Такая жизнь у моих престарелых уже родителей продолжалась не год или два, а лет пять или шесть... и прекратилась лишь тогда, когда у отца Григория резко обострилась давно возникшая желчнокаменная болезнь, на болевые приступы которой он не обращал до поры внимания. Произошло это в Куртамыше: острейший приступ желчнокаменной болезни, осложненный перитонитом... Почти умирающего его на машине привезли в Курган. На волоске от смерти он был прооперирован, практически без какой-либо надежды. Уже позднее, когда его перевели из реанимации в отделение, студенты-медики приходили посмотреть на выжившего после почти безнадежной операции пациента. Свершилось чудо, он поправился и еще более 10 лет служил Господу и Его Церкви, помогая верующим духовными советами и молитвами.

После перенесенной операции батюшка еще иногда выезжал служить в небольшие приходы. Он уже не был настоятелем в родном Свято-Духовском храме, и служить там ему теперь удавалось все реже. Это обстоятельство отец Григорий тяжело переживал — тут и новый приток молодого священства, и, конечно, уходящие силы самого батюшки... Надо было видеть лицо отца Григория, когда он приходил из смолинского храма и говорил: «А я завтра служу Литургию!» При этих словах он весь прямо светился. Очень любил батюшка служить в маленьком храме крестильного дома при Свято-Духовской церкви.

Еще в 1970 году, когда отец Григорий постоянно служил в церкви Смолино, он, видимо, уже почувствовал грядущие скрытые гонения, выраженные в необъяснимых хаотичных переездах с одного прихода на другой. Для себя он написал в это время молитву на каждый день. Молитва была найдена в его архиве уже после преставления, его и матушки.

Молитва отца Григория

«Только на нынешний день»

Господи! Я не молюсь о будущем, далеком и о нуждах завтрашнего дня; лишь ныне сохрани меня под покровом Твоим, только нынешний день.

Спаситель! Будь со мной в труде моем и молитвах, помоги мне быть добрым в делах и словах только нынешний день. О, пусть я не буду настойчив в исполнении своей воли.

Не попусти, Господи, чтобы я произнес слова бесполезные, оскорбительные, преступные. Внуши устам моим слова ободряющие, утешающие и радующие всех, с кем я встречаюсь в нынешний день.

Благодать Пречистой Матери Твоей, Господи, да сопутствует мне и поможет при встречах с людьми.

Пусть я не буду причиной чьих-либо страданий, печали и слез на нынешний день..

Господи! Бедствие приближается ко мне: дай мне силы встретить беду без ропота и уныния, как вестницу Твоей правды и любви ко мне на нынешний день.

Не прошу я, Господи, о завтрашнем дне; завтра, быть может, я буду близ Тебя, но пощади

меня, научи меня, сопутствуй мне только нынешний день. Аминь.

17.11.1970 года

Много лет отец Григорий и матушка Нина ездили исповедоваться к отцу Павлу Ездакову — скромному, глубоко настроенному священнику, который служил в одном из сельских приходов. Отец Павел соответственно исповедовался у отца Григория. Их обоих связывала глубокая сердечная дружба и взаимная привязанность. Встречаясь, они часто и подолгу беседовали на темы духовного и нравственного воспитания паствы. От отца Павла батюшка и матушка всегда возвращались домой духовно обновленные, с особым душевным подъемом. После ухода из жизни отца Павла батюшка Григорий подолгу, с особой глубиной и серьезностью молился за упокой его души. Чувствовалось, что отцу Григорию очень не хватало общения с отцом Павлом, возможности поделиться своими мыслями, трудностями, проблемами духовной жизни прихода и просто человеческого общения.

* * *

«Слава Тебе, явившему мне красоту вселенной...»

(Из акафиста «Слава Богу за все»)

В памяти моей всплывают моменты общения отца Григория с природой. Глядя на поля, деревья, травы, цветы, он не уставал повторять: «Как много дал нам Господь, и как порой мы бываем к этому бесчувственны и неблагодарны». Скромный полевой цветок мог восхитить его и вызвать расстроганные чувства своим совершенством. Особенно любил он смотреть на небо, говоря, что нет ничего прекраснее неба в любое время.

Летом я приезжала к ним сначала на каникулы, а потом, уже работая, во время отпуска. Родители мои жили тогда в Смолино, в церковном доме, огород которого подходил прямо к обрыву, к реке. По узкой тропочке можно было спуститься к воде.

С обрыва нам открывались такие бескрайние дали! Под ногами плескался тогда еще довольно чистый Тобол. На другой его стороне — пологой и песчаной, вольно раскинулись огромные поляны, овраги и овражки, заросшие дикой вишней, мелким кустарником, камышом и полевыми травами. А маленькие болотца и ручейки бывшей старицы Тобола были приютом всякой летающей, плавающей и ползающей живности, резвящейся среди водяных лилий, кувшинок и высоких, нарядных стеблей иван-чая.

Поля, еще не распаханые и не застроенные коллективными садами, наполняли все вокруг дивными, целительными ароматами. Река гасила шумы города, и только иногда проходящий по Омскому мосту поезд, похожий издали на игрушечный тепловозик с вагончиками, привлекал к себе внимание или гудком, или ненавязчивым перестуком колес.

Батюшка сколотил у нашего забора на краю обрыва скамеечку и теплыми вечерами, уже после службы, любил посидеть, подумать, послушать тишину, любясь красотой и гармонией наступающего вечера.

С удовольствием принимал он в свою компанию и нас с мамой. С этого места мы особенно любили смотреть на небо, которое завораживало своим необъятным куполом.

А какие волшебные краски доводилось видеть нам чаще всего при закате солнца! Казалось, невозможно так тонко, искусно соединить нежную лазурь, где-то вспыхивающую изумрудной полосой, переходящую вдруг в нестерпимо ярко блестящее золотое облачко, с багровыми

клубами, похожими на гигантские люстры, которые, медленно выцветая и переливаясь через все оттенки розового, истаявали вдали.

Наше светило, устав за день, медленно опускалось за городом, но феерия красок и света не заканчивалась. Вот поплыли по необъятному небу, как по морю, белые, кудрявые деревья, подсвеченные розовым. Вот они почти незаметно для глаз превратились в длинные узконосые палевые ладьи, а те, в свою очередь, слились в огромный, старинных очертаний парусник. Ну, прямо «Летучий Голландец» какой-то. А вот из него возник замок с башенками, бойницами, но только где же этот ошеломляющий золотисто-палевый цвет? Его уже и в помине нет. И замок — голубой, даже серо-сизый, и в постепенно надвигающихся сумерках можно еще видеть, как из него вытянулось длинное, забавное лицо в шляпе... Шляпа-то уж совсем потемнела. Вот и первая звезда...

С реки вдруг потянуло уже ночной сыростью. Тихо так, что слышно, как плеснула рыба, а с противоположного берега из камышей стали медленно выползать, вытягиваясь, длинные полупрозрачные ленты тумана, окутывая кусты и почти ложась на воду, усиливая тишину настолько, что, кажется, звенит в ушах. Или это комары? Ну, конечно, да еще какие злющие...

— Пошли скорее домой, — говорит матушка. — Чай, наверное, давно остыл.

Папа с просветленным лицом, словно умывшись в этой вечерней свежести и красоте, неторопливо встает.

В глазах отца Григория еще отражается небо, и лицо светится теплом и благодарностью к Создателю.

Праздник «Николы зимнего»

Это произошло в одну из первых зим, когда отец Григорий с матушкой Ниной, переехав в город Курган, обосновались в поселке Смолино. Усилиями батюшки и многих верующих был уже построен Свято-Духовский храм в его первоначальном виде — сначала это был молитвенный дом. Все как бы вошло в определенный, хотя и очень спрессованный во времени, ритм жизни для отца Григория.

Поскольку он был единственным служащим священником на весь приход (а значит, по тем временам, и на весь Курган), то и нагрузка была соответствующей. В новом действующем храме он проводил все службы, постоянно исполнял церковные требы, совершая таинства Крещения, Венчания и Соборования. Служил молебны, панихиды, отпевал новопреставленных, исполнял все церковные требы. Кроме того, ему приходилось много ездить по городу и окрестностям к больным и умирающим людям, соборую, исповедуя и причащая всех страждущих.

В какой бы степени усталости ни был отец Григорий, ни разу не случилось, чтобы он кому-либо отказал в исполнении требы, хотя добираться до места порой было крайне далеко и сложно, и все — на общественном транспорте, а иногда и просто пешком. Однако он не считал себя вправе отказать нуждающемуся в помощи из-за того, что трудно добраться до района, в котором жил этот человек. Свое утомление он просто старался не замечать, и Господь давал ему силы. Мерил же он, вероятно, все своей «северной» меркой, столь отличной от общего представления о человеческих возможностях, силе и обязанностях.

В канун праздника «Николы зимнего» (19 декабря), который и в «застойные» времена собирал в церкви много молящихся, стоял лютый мороз, да еще и с сильнейшей метелью. Однако на

всенощной храм был полон, несмотря на то, что попасть в пригородный поселок Смолино было очень трудно. Автобусного сообщения тогда не было; не было и нынешней дороги, так что люди шли пешком через Восточный поселок, краем поселка Мало-Чаусово и через большое поле, изумительно красивое весной и летом. Затем поднимались в горку через замерзший Тобол, а там уж и рукой подать...

Праздничные лица, ярко освещенный храм, немногочисленный, но какой-то особенно душевный церковный хор, управляемый матушкой Ниной, приятные чистые голоса, вдохновенное пение — все грело, ласкало и возвышало душу.

Окончилась всенощная. По зиме, где-то около семи вечера, это уже как ночь. На улицу страшно и выглянуть — так метет. Колючий ветер, нагнавший в притвор храма кучу снега, рвет из рук постоянно открывающиеся и закрывающиеся двери, и струи ледяного воздуха врываются в теплоту храма. Но вот все постепенно расходятся. Батюшка с матушкой одни из последних выходят из церкви, и вцепившийся в них ветер сразу сбивает их с ног. Им-то идти не далеко, минут десять — и дома. А вот как будут добираться все городские? Страшно подумать. Дай им, Господи, сил!

Не успели войти в дом, как сквозь шум и свист метели им послышался робкий стук в ворота. Лай собаки подтвердил, что действительно кто-то пришел. Кто бы это мог быть в такую погоду? И время уже позднее. Только сильная нужда могла выгнать человека из дома... Отец Григорий пошел открывать. У ворот — маленькая скрюченная фигурка: то ли ребенок, то ли старуха. Вся закутана и заревана. Батюшка просит ее войти в дом. Зайдя в кухню и перекрестившись на образа, она падает в ноги стоящему с ней рядом батюшке.

— Да что вы, что вы? Да что случилось- то? Встаньте...

— Не встану, отец, пока не упрошу... Фигурка продолжает ползать по полу и рыдать. Общими усилиями отцу Григорию и матушке удается поднять ее и усадить на сундучок — «приемное место» посетителей. Она долго распутывает свои шали, платки, все время всхлипывая, и вот-вот готова снова упасть в ноги батюшке. Наконец изо всех шалей появляется седая голова и пылающее лицо. Запльвшие от ветра, мороза и слез глаза умоляюще смотрят на отца Григория.

— Батюшка! Старик у меня помирает! Знаю, что и студено шибко, и далёко очень к нам, да и ночь на дворе, но... — она опять порывается упасть в ноги батюшке, — до утра-то он не дотянет. Может, и сейчас уже помер... — выдохнула она.

— Давеча он уж и воду не пил и все батюшку просит. А я говорю: «Куда ж теперь? Да разве в такое время я приведу батюшку из такой дали?» А он только вздохнул и ... даже воду не пьет, — вновь зарыдала она.

Почему-то слова «воду не пьет» вызывали в ней острую душевную боль. Надо заметить, что в горе или страданиях определенный образ или словосочетания, на внешний взгляд самые обычные, часто являются побудительным стимулом к очередному взрыву переживаний и слез. Как будто они нажимают на некую уязвимую «кнопку» в душе, и она вновь и вновь открывает шлюз удерживаемых эмоций.

«Даже воду не пьет...» — фраза эта закрепилась в сознании с чем-то тяжелым, душераздирающим, так что всякий раз, произнося ее, она начинала рыдать снова и снова, словно бы прикасалась к открытой ране.

Отец Григорий бросает взгляд на матушку, а она... Она, преисполненная человеческого

сочувствия к посетительнице, с ужасом осознает, что надо... и сейчас он оденется и пойдет с этой несчастной, заплаканной старушкой в ночь, в бурю, в неизвестность, чтобы выполнить свой священнический долг. Святой долг пастыря. Иначе он не может. И матушка, понимая это, скорбно вздохнув, идет собирать отцу Григорию теплые вещи.

— Хоть чаю глотни, — шепчет она, понимая, что счет идет уже даже не на часы... И больше не настаивает.

Батюшка, проверив тем временем содержимое трюмо чемоданчика, одевается со словами:

— Ниночка, ты не волнуйся. Я вернусь, видимо, не скоро. Старики живут на той стороне города, где-то за поселком Рябково. Ехать долго, а там еще и пешком идти надо. Но ничего — Господь поможет. Ведь ты же понимаешь, что надо.

— Надо, — эхом отзывается матушка. — Идите с Богом. Помогите вам Господь и святитель Николай.

Отец Григорий бросает понимающий благодарный взгляд на самого дорогого, верного ему в жизни человека, всегда понимающего его и поддерживающего.

Они уходят в ночь. Старуха то лепечет слова благодарности, то вновь начинает рыдать... Разговаривать на таком ветру невозможно и надо экономить силы. Полчаса назад он так горячо сочувствовал тем, кто должен был возвращаться из храма в город. И вот сейчас он сам будет преодолевать этот же путь, и даже, по всей видимости, еще более трудный.

Поистине неизвестно, какое испытание ожидает нас в очередной момент жизни.

Дороги не видно. Перебравшись через Тобол, они выходят в открытое поле. Тропинку, протоптанную с вечера, уже полностью перемело. Идти приходится по целине, ориентируясь лишь на слабо мерцающие вдаль огоньки Восточного поселка. Ветер, тут ничем не удерживаемый, творит со снегом что-то невообразимое.

В памяти невольно всплывают воспоминания о том, как на Севере он тоже прокладывал снежную целину в бурю, а за ним, как стая злобных зверей, шли заключенные. Тогда жизнь его висела на волоске.

А сейчас? Да беда ли все это?! Ну, мороз... ну, метет... и пройдет немало времени, когда он сможет дать отдых натруженному за день телу своему. Но ведь он свободен, он на воле, он — пастырь Христов и спешит сейчас, чтобы исполнить свой долг. Он получил от Господа благословение на самоотверженное служение Ему и делает то, о чем так пламенно просил в дни неволи. Пусть ночью или к утру, но он вернется домой, и, даст Бог, будет служить праздничную Божественную Литургию в память святителя Николая. Это ли не счастье?!

Все эти мысли как будто вливают в него новые силы, и он, поддерживая почти падающую спутницу, преодолевает поле, затем Нахаловку, выросшую за поселком, и сам поселок. И они выходят на транспортную магистраль. Теперь надо дождаться троллейбуса, а там, если даст Господь, и дальше доберемся. Поспеть бы... Как всегда, чем хуже погода, тем реже ходит транспорт. Да и вечер уже поздний... Наконец в снежной пурге появляются округлые очертания троллейбуса, и именно нужного им. «Только бы не перемело дорогу в Рябково», — думает отец Григорий.

Мучительно долго едут. Холод начинает пробираться сквозь валенки и теплые носки. Ничего! Тот огонек, вспыхнувший в душе батюшки, когда они шли полем, продолжает гореть,

поддерживая и придавая ему силы. Наконец они доезжают до конечной остановки и устремляются в какие-то глухие и темные переулки.

— Нам, батюшка, идти еще не близко. От лесочка третий наш домик будет, *сам* его рубил...

— Ну, веди, — только и сказал отец Григорий.

В поселке дорога то видна, то утопает в снежных сугробах. Старуха совсем выбилась из сил, и батюшка снова идет первым.

— Теперь уже скоро, — слышит он ее голос, который гложет и относится ветром.

Вдали возникает темный силуэт, порой то проясняясь, то совершенно заволакиваясь снежными смерчами. Через несколько минут, немного ближе видно уже, что не один, а как будто два мужских силуэта двигаются навстречу. Какое-то неприятное чувство вдруг шевельнулось в сердце батюшки. Уж он ли не побывал в переделках!? Сколько раз жизнь его была подобна свече, колеблемой ветром, и, быть может, именно это выработало в нем обостренное чувство опасности. Вот и сейчас он чувствует (просто чувствует, и все), что тут, как говорят — «горячо». Возникает желание свернуть куда-то, пропустить этих людей. Но сугробы, наметенные ветром выше заборов, с двух сторон сдавливают тропинку.

В домах — ни огонька. Почти не освещена и улица, по которой они идут. Только один-единственный столб с горящим фонарем, который борется с ветром, задавшимся целью — сорвать его. Фонарь, раскачиваясь упрямо, нагружено, сердито скрипит под порывами ветра, и слабый свет его выхватывает то крышу дома, то сугроб или хаотически мечется в такт метели — и тогда все в глазах начинает рябить и сливаться до тошноты.

Свернуть некуда. Отец Григорий идет первым, за ним — вдруг притихшая старуха... И как раз под фонарем они сходятся с двумя молодыми парнями. Узенькая дорожка — не разминуться. Батюшка готов шагнуть в снег, лишь бы побыстрее прошли эти двое, от которых исходит такое явное чувство опасности.

— Ну куда ж ты, дед? Ишь, через снег захотел! От нас не уходят.

Один из них издает пронзительный свист, и почти тут же откуда-то из тьмы возникают еще двое.

— Ходишь по нашей улице, да еще с дамой, — глумится он, — да еще с чемоданом!

Ох, как это похоже на уже пережитое им, только там — зона, а тут — воля. Но «звери» — те же.

Давно уже творя Иисусову молитву, батюшка видит, как грязная рука бандита тянется к требному чемоданчику со святынями, а остальные окружают его в предвкушении добычи, ощущая свою спаянность (спаянность волчьей стаи, загоняющей добычу) и радость опьянения чувством собственной безнаказанности и беззащитности своей жертвы.

В руках одного из бандитов батюшка замечает топор. Да, самый обыкновенный, жутко блеснувший наточенным, смертельным лезвием топор. Видимо, не дрова колоть собралась эта группа выроdkов, и чьи-то жизни, возможно, должны были оборваться, не попадись им навстречу отец Григорий.

Как молния, в голове отца Григория возникает образ святителя Николая — угодника Божия, перед иконой которого он молился сегодня на праздничной всенощной. Его живое

молитвенное обращение прямо летит в открытые небеса:

— Святителю отче Николае! Защити!

И... что это? Где эта наглая рука, готовая уже вырвать у батюшки требный че-моданчик?

Батюшка видит, как топор, описав смертельную кривую в воздухе, улетает далеко в сугроб. Он видит спины толкающих друг друга, удирающих бандитов, какие-то их странные дергания, слышит вопли и визги боли, словно они получают невидимые и сокрушительные удары...

Еще миг — и никого нет. Бешено колотится сердце, не унять. Ноги стали, как ватные, и холодный пот струйкой стекает по спине, хотя на улице лютый мороз.

Осеня себя крестным знаменем, отец Григорий оборачивается посмотреть, где же его спутница... и прямо перед собой видит старца. Что-то необычное в нем вновь бросает батюшку в трепет, но трепет благоговейный. Метель совершенно запорошила одежду старца и его головной убор. Но отец Григорий ясно видит светлое, почти светящееся лицо его и глаза, глянувшие на него мудростью веков и глубиной святости. Утихшая было дрожь вновь прошла по всему телу. Старец негромко произнес (или это прозвучало в голове отца Григория?):

— Поторопись! Иди и ничего не бойся! Бог поругаем не бывает! Больше тебя никто не тронет.

В этот момент снежный порыв ветра заставляет остолбеневшего батюшку на мгновение прикрыть глаза, и когда он открывает их, то никого рядом уже нет. Нет и сомнений. И вновь сквозь сердце полились слова молитвы: Воззовет ко Мне и услышу его: *с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое (Пс.90).*

Отец Григорий, упав на колени и не замечая ни стужи, ни яростных порывов ветра, возблагодарил Господа, скоро приходящего на помощь и посылающего ее в лице Своих святых. Помощь, приходящую по молитве... Нет — по истовой сердечной мольбе, ясной и острой, как крик. И по вере в то, что она придет незамедлительно...

Сердце еще продолжало отбивать сильные удары. Сердце, принявшее сначала человеческий страх и смертельный испуг, а затем целую гамму чувств — благоговейное волнение, трепетную любовь и благодарность к Спасителю... И удивление. Почти детское удивление: за что ему, грешному, дается такое крепкое утверждение в вере и ничем непоколебимая решимость нести до конца свой пастырский долг *во имя Твое, Господи!*

Спутница батюшки, от страха почти потерявшая сознание, лежала в одном из сугробов. Батюшка помог ей подняться, и она, придя в себя и озираясь по сторонам, спросила:

— Ты, что ли, их прогнал? Я думала, они тебя зарубили... Ну, думаю, а потом и меня прикончат.

К умирающему отец Григорий все же успел. Он принял исповедь и причастил отходящего ко Господу. Все это батюшка совершал с обостренным чувством особой близости Господа нашего Иисуса Христа и великого чудотворца, «страшного наказателя обидящих» — святителя Николая.

На улице редела та же метель. Снег и ветер сбивали с ног, а батюшка шел и «ничего не боялся», как и было ему сказано, тем более, что идти ему надо было почти всю ночь — транспорт уже не ходил. А утром в храме его ждали уже на праздничную Божественную Литургию. Литургию в день «Николы зимнего». И это придавало ему силы (вместе со всем случившимся в этот вечер) идти, как воину Христову, и ничего земного не бояться. Идти со

своей верной спутницей матушкой Ниной, чтобы до конца, жизни бороться вместе с ней за Православную веру, и, если Богу угодно, вместе дойти до светлого Царства Христова.

Царский крест

Где-то в середине 60-х годов в Курган к отцу Григорию приехала погостить его родная сестра, жена священника матушка Мария Александровна Плясунова. Она передала отцу Григорию большую святыню — царский крест-мощевик, хранившийся ранее у монахини Серафимы.

Вот краткая история этого креста.

Уже более десяти лет вдовствующая, Мария Александровна твердо хранила жизненные принципы покойного протоиерея отца Константина, не только духовно опекавшего в свое время большую часть верующих города Оренбурга, но и, по возможности, поддерживавшего их материально. Отец Константин трагически скончался от опухоли мозга, развившейся вследствие автокатастрофы. Страдая от головных болей, он умер в военном госпитале имени Бурденко в Москве после семимесячного лечения. Мария Александровна погрузилась в дела благотворительности и помогала, чем могла, страждущим и нуждающимся людям. Ее хорошо знали в писательских кругах как человека, обладавшего литературным даром. Она вела обширную переписку со многими поэтами и писателями России. После смерти отца Константина у нее осталось много верных и преданных памяти батюшки друзей, с которыми она была связана многолетней дружбой.

В 50-е годы прошлого уже XX-го века матушка Мария Александровна Плясунова, часто бывая в единственном в то время оренбургском храме, обратила внимание на тихую пожилую женщину монашеского вида, углубленно и трепетно молящуюся. Что-то было в ней необычное при всей скромности внешнего облика — какой-то аристократизм и необыкновенная сдержанность. Молилась она, как сестры Марфо-Мариинской обители — при пояском поклоне касаясь головой пола.

Они познакомились. Их знакомство перешло в глубокую дружбу до конца дней. Матушка Серафима, а это была именно она, о себе почти не рассказывала. Можно было лишь догадаться по нескольким невольно оброненным словам, что в жизни ей выпали сложные испытания, и где-то она, очевидно, близко соприкоснулась с Императорским домом Романовых. В Оренбург, скорее всего, она приехала совсем недавно, а уж потом поселилась в нем постоянно. Об этом — неизвестно. Кто она была ранее в миру, Мария Александровна могла только догадываться, но это никогда не обсуждалось. Возможно после, когда они стали очень дружны, матушка Мария узнала о ней много больше, но только ведь и Мария Александровна была очень сдержанным человеком.

У Марии Александровны и матушки Серафимы был особый душевный контакт — одно мироощущение, одни духовные устремления. Они одинаково любили церковные службы, почитали одни и те же иконы, ценили духовную музыку одних и тех же композиторов, читали одних и тех же писателей и поэтов. Монахиня Серафима стала преданным другом Марии Александровны и оказала огромную духовную поддержку матушке Марии, рано потерявшей супруга.

Матушка Серафима, конечно, знала о брате Марии Александровны протоиерее Григории Пономареве и его матушке Нине. Знала и об их трудной судьбе. Она всегда посылала им через Марию Александровну сердечные поклоны и передавала просьбы о молитве за живых и усопших. К началу 60-х годов монахиня Серафима, чувствуя, очевидно, приближение своего исхода, передала матушке Марии святыню — золотой крест-мощевик с частицами ризы

Господней, ризы Пресвятой Богородицы, Животворящего Древа Креста Господня и с вкрапленными в крест частицами мощей сорока угодников Божиих. При этом матушка Серафима просила поминать ее и тех, кто хранил эту величайшую святыню. Крест, по свидетельству матушки, некогда принадлежал дому Романовых. Вот краткое описание царского креста.

Крест, датируемый 1710-м годом, спаен из нескольких литых частей золота. Две основные пластины, лицевая и задняя, выплавленные в виде креста размером в высоту около 14 см и в длину около 9 см, соединены по периметру золотой полосой шириной около 1,5 см. Крест — четырехконечный; основание его имеет форму пятилистника, правый и левый концы — форму трилистника. Сверху к кресту крепится на специальном шарнире, украшенном жемчугом, подвижная петля в виде квадрата-мощевика с отверстиями-углублениями в торцах. Крест, очевидно, предназначен для ношения на груди. На лицевой части квадратной петли выгравировано изображение Спаса Нерукотворного, с обратной стороны — гравировка текста с перечислением святых, чьи мощи в нем хранятся. Образ Спаса Нерукотворного украшен двумя драгоценными камнями, расположенными в нижних углах петли.

Передняя пластина самого креста фигурно отлита и украшена золотой филигранью. В центре — небольшое объемное изображение Распятия. В изгибах золотой скани размещаются драгоценные камни, среди которых есть рубины и изумруды. На нижнем пятилистнике — шесть обрамленных золотом драгоценных камней, расположенных по кругу, в центре которого находится седьмой камень — крупный изумруд; на боковых трилистниках — по пять драгоценных камней-украшений, расположенных тоже по кругу, в центре которого изумруды такого же размера, что и в нижней части креста; верхняя часть креста-мощевика украшена четырьмя вкрапленными в литье драгоценными камнями, в центре которых — тоже изумруд. Все изумруды примерно одинакового достоинства. На обратной стороне креста (задняя пластина) выгравированы по-церковнославянски сокращенные слова: «*Часть ризы Господни, часть ризы Пресвятыя Богородицы, Животворящее Древо Креста Господня*», а также кратко имена сорока угодников Божьих, чьи святые мощи хранятся в кресте-мощевике. Вот полные имена этих святых: «*Честного и славного Пророка, Предтечи Крестителя Господня Иоанна; святого Андрея Первозванного; преподобного Саввы Сторожевского; святого праведного Лазаря Четверодневного, епископа Китийского; святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского; святителя Амвросия, епископа Медиоланского; святителя Спиридона Тримифунтского; святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа Московских; святителя Иоанна, архиепископа Новгородского; святителя Арсения, епископа Тверского; святителей Гурия, Варсонофия и Германа Казанских; преподобных Антония, Пимена и Евфимия Великих; преподобного Алексия, человека Божия; преподобного Саввы Освященного; преподобных Иоанна Лествичника, Даниила Столпника и Григория Декаполита; священномученика Антипы; преподобного Иоанна, спостника Симеонова; великомученика Феодора Тирона и мученика Мины; святых благоверных князей Александра Невского и Даниила Московского; преподобного Сергия, игумена Радонежского; преподобного Тихона чудотворца; преподобных Александра Свирского и Пафнутия Боровского; преподобного Антония Римлянина, новгородского чудотворца; преподобного Макария, игумена Калязинского, чудотворца; блаженного Максима Московского, Христа ради юродивого».*

К кресту было приложено сопроводительное письмо, которое почему-то оказалось без начала и без окончания, исписанное старческим нетвердым почерком с буквами «ять», «фита» и так далее. Это письмо, к сожалению, ныне утеряно, но общий смысл его был в том, что сей святой крест, принадлежащий в свое время князю Василько, а затем князьям Шаховским, был передан ими роду Романовых и принадлежал царствующей семье.

Вскоре после передачи креста матушка Серафима преставилась ко Господу. Умирая, она просила Марию Александровну молиться за упокой ее души. С этого времени Мария Александровна постоянно заказывала сорокоусты за упокой души монахини Серафимы и через некоторое время приняла решение передать крест-мощевик брату — протоиерею Григорию Пономареву.

Отец Григорий с почтением и глубокой ответственностью принял эту святыню на хранение, понимая, что время передачи ее Православной Церкви еще не пришло. На протяжении всей своей жизни батюшка глубоко и сердечно поминал в заупокойных молитвах монахиню Серафиму. Мария Александровна тоже продолжала молиться о ней. Вот что она рассказала мне однажды летом, когда я приезжала к ней в Оренбург: «Рано утром я неожиданно проснулась, словно меня вдруг кто-то позвал. Прямо около кровати, где я спала, в первых утренних лучах солнца стояла матушка Серафима, ласково мне улыбаясь. Образ ее был светлым и легким. Я, конечно, растерялась и немного привстала, а она низко-низко поклонилась мне до земли и... исчезла». Это было в 1985-ом году.

О том, что в доме моих родителей хранится великая православная святыня, кроме матушки Нины и меня, никто не знал. Батюшка часто в трудных жизненных ситуациях молился перед этим крестом и всегда получал просимое.

Расскажу о случае, который произошел на моих глазах. К отцу Григорию привезли мальчика, сильно искусанного собакой. Подростку должны были делать серьезную операцию на руке, так как у него начался остеомиелит. Операция предполагала иссечение загнившей кости на кисти руки и замену ее имплантантом. Подросток, перенесший уже 3 или 4 чистки больной кости, был в плохом состоянии. Остеомиелит продолжал развиваться, но больного отпустили на две недели, чтобы он набрался сил перед операцией, Здоровье его было в угрожающем состоянии, когда батюшка встал на молитву. Он молился перед святыми, чьи мощи хранились в кресте-мощевике и несколько раз прикладывал святыни к больному ребенку.

Чудо произошло буквально за 2-3 дня до отъезда мальчика на операцию. Во время очередной перевязки в глубине гниющей раны появилось что-то серое, твердое, как бы инородное. Мальчик, истощенный болезнью, мужественно преодолевая боль, обыкновенным пинцетом зацепил этот предмет, который легко поддавался, и вытащил из раны небольшой фрагмент кости фаланги большого пальца. Боль тут же отступила. Рану немедленно обработали, к ней снова приложили животворящий крест со святыми мощами, и отец Григорий вновь и вновь стал возносить молитвы ко Господу и Его святым. Следующее чудо последовало почти сразу за первым. За три дня рана, мучившая подростка более полугода, грозившая ему стать инвалидом и, возможно, лишением части руки, жуткая рана, для излечения которой были безуспешно испробованы все средства современной медицины, очистилась и закрылась. К третьему дню не потребовалось даже перевязки, так как на руке была довольно глубокая, но совершенно закрытая полость со свежим, только что затянувшимся алым рубцом. Края полгода незаживавшей язвы соединились. Сам мальчик, его мать, родные и отец Григорий, потрясенные, молчали.

Позднее были вознесены благодарственные молитвы ко Господу, Пресвятой Богородице, Животворящему Кресту Господню и молитвы об упокоении монахини Серафимы, православных христиан из рода Шаховских и царского рода Романовых.

Мария Александровна пережила своего брата на два года и скончалась в возрасте 97 лет. Тайна царского креста так и осталась до конца нераскрытой и ушла вместе с ней.

На этом история креста не закончилась. До 25 октября 1997 года он так и продолжал тайно

храниться в доме отца Григория. После ухода из жизни моих родителей крест, естественно оказался у меня. В течение двух лет эта святыня находилась в моем доме, а когда я уезжала — в семье моих близких друзей — редактора журнала «Звонница» Елены Александровны Кибиревой. Елена Александровна рассказывала, что в период ее редакторской работы над книгами проповедей протоиерея Александра Шаргунова, царский крест избавлял ее от мучительных головных болей в период этой напряженнейшей работы. Присутствие в рабочем кабинете святыни и сугубое обращение в молитвах к святителям [Василию Великому](#), [Иоанну Златоустому](#) и [Григорию Богослову](#), чьи мощи наряду с другими вложены в крест, придавали ей особые силы и укрепляли духовно.

В 1999-м году после перехода в мир иной отца Григория и матушки Нины, крест-мощевик был передан мною в екатеринбургский храм Преображения Господня, что на Уктусе.

Должна отметить, что настоятель Преображенского храма протоиерей Николай Ладюк проявил особое благоговение и мужество, приняв на себя ответственность в хранении этой святыни. В течение двух лет крест-мощевик, облеченный в специальный деревянный крест-распятие, выносился для всеобщего поклонения на середину храма. В год прославления Архиерейским Собором в лике святых Царской Семьи Николая II было принято решение о передаче креста-мощевика в монастырь святых Царственных мучеников, что на Ганиной яме. Это событие произошло в день рождения Государя-императора Николая II и день памяти Иова Многострадального 19 мая 2001-го года при следующих обстоятельствах.

По благословию Высокопреосвященнейшего Викентия, архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского, после отслуженной им в Преображенском храме г. Екатеринбурга Божественной Литургии и молебна святым Царственным мученикам, новомученикам и исповедникам Российским, царский крест-мощевик крестным ходом в специально изготовленном для этого торжества киоте был перенесен на Ганину яму — место уничтожения тел святых Царственных страстотерпцев. Во время крестного хода был отслужен молебен святым Царственным мученикам, новомученикам и исповедникам Российским на Вознесенской горке города Екатеринбурга, около бывшего Ипатьевского дома, где ныне воздвигается храм-на-крови в память Всех Святых, в земле Российской просиявших.

Далее крестный ход проследовал до Рождественского храма, построенного в наше время на Уралмаше. Здесь Высокопреосвященнейший владыка Викентий отслужил всенощное бдение воскресного дня. Ему сослужили настоятель храма митрофорный протоиерей Владимир Зязев и клир епархии. Вечером того же дня архиепископ Викентий в сопровождении священства и верующих возглавил крестный ход на Ганину яму. От храма Рождества Господня крестный ход начал свое движение в восемь часов вечера. В одиннадцатом часу царский крест-мощевик встретили на Ганиной яме в строящемся в честь святых Царственных страстотерпцев мужском монастыре. Из рук владыки крест принял строитель монастыря монах Сергей (Романов), который прошел весь крестный ход от Преображенского храма до монастыря. Здесь вновь был отслужен молебен святым Царственным мученикам.

В напутственном слове при передаче монастырю креста-мощевика, принадлежавшего Царскому дому Романовых, архиепископ Викентий говорил о том, что Господь облагодетельствовал уральскую землю великой святыней во искупление русским народом грехов за убиение Царственных мучеников. «Сегодня, — сказал Высокопреосвященнейший владыка Викентий, — мы совершили с вами покаянный крестный ход, освятив город Екатеринбург крестом, перед которым молилась Царская Семья свои последние годы. Господь еще раз показал нам, что Он не оставляет нас Своей неизреченной милостью и будет пребывать с нами во веки веков. Возблагодарим Господа нашего Иисуса Христа за Его великие благодеяния к нам, недостойным!»

«Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!» — с этими словами владыка троекратно осенил всех присутствующих царским крестом.

А затем братия монастыря, отслужив Божественную Литургию воскресного дня, совершила крестный ход вокруг обители, благословляя царским крестом новое строительство и всех служащих, труждающихся и молящихся. Во время крестного хода, по рассказам очевидцев, крест обильно благоухал, заполняя лесные окрестности монастыря, строящегося во имя святых Царственных страстотерпцев — Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны, Цесаревича Алексея, Царевен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии.

* * *

В добавление к сказанному привел важное свидетельство, подтверждающее историческую подлинность реликвии. Во время водосвятного молебна в доме, где 1998 году хранился Царский крест-мощевик, было замечено следующее. Между двумя пластинами креста, отошедшими друг от друга со временем, образовалась небольшая щель. В нее хорошо было видно, что вся полость креста разделена как бы сотами, в каждой ячейке которых уложена светлая частичка мощей, залитая, очевидно, воском или специальной смолой. В верхней части Креста виднелись отдельные кусочки ткани и просвечивающий даже через темную смолу кусочек дерева — частица Животворящего Древа Креста Господня. Ум отчетливо понимал, что эти святыни не для праздного взгляда, а для молитвы святым, стяжавшим еще при земной жизни благодать Духа Святаго. Вот свидетели земной жизни Господа нашего Иисуса Христа — проповедник покаяния Иоанн Предтеча, друг Господень Лазарь Четверодневный... «Господи, молитвами всех Твоих святых прости нас, грешных!»

Царский крест-мощевик и святые, чьи мощи более трех веков хранятся в нем, молитвенно соединяют нас не только со свидетелями славы Божией, но и с новомучениками и исповедниками Российскими — свидетелями славы святых Царственных страстотерпцев.

«Господи, укрепи нас в грядущих испытаниях, укрепи весь русский народ.

Святые Царственные мученики, новые мученики и исповедники Российские, все святые, молитесь Бога о нас!»

Молитва царскому кресту-мощевнику

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианом на сопротивных даруй и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство!

Спаси, Господи, и помилуй рабов Твоих (имя рек) молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, силою Честнаго и Животворящаго Креста Твоего, молитвами святых Твоих: честнаго и славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; святаго Андрея Первозваннаго; преподобнаго Саввы Сторожевскаго; святаго праведнаго Лазаря Четверодневнаго, епископа Китийскаго; святителей Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго; святителя Иоанна Милостиваго, патриарха Александрийскаго; святителя Амвросия, епископа Медиоланскаго; святителя Спиридона Тримифунтскаго; святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа Московских; святителя Иоанна, архиепископа Новгородскаго; святителя Арсения, епископа Тверскаго; святителей Гурия, Варсонофия и Германа Казанских; преподобных Антония, Пимена и Евфимия Великих; преподобнаго Алексея, человека Божия; преподобнаго Саввы Освященнаго; преподобных Иоанна Лествичника, Даниила Столпника и Григория Декаполита; священномученика Антипы; преподобнаго Иоанна, спостника Симеонова; великомученика Феодора Тирона и

мученика Мины; святых благоверных князей Александра Невского и Даниила Московского; преподобного Сергия, игумена Радонежского; преподобного Тихона чудотворца; преподобных Александра Свирского и Пафнутия Боровского; преподобного Антония Римлянина, новгородского чудотворца; преподобного Макария, игумена Колязинского, чудотворца; блаженного Максима Московского, Христа ради юродивого, их же святые мощи в кресте предлежат, яко усердно к вам прибегаем, скорым помощникам и молитвенникам о душах наших.

Попали, Господи, тернии всех прегрешений наших вольных или невольных, и да вселится в нас благодать Твоя, просвещающая и освящающая всякого человека.

Молитвами Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и всех святых Твоих, Всемилостивый Спасе, примири души наша. Дажь нам дар покаяния и молитвы. Аминь!

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: монахини Серафимы, всех православных христиан из рода Шаховских, протоиерея Константина и его матушки Марии, протоиерея Григория и его матушки Нины, ныне нами поминаемых, и прости им вся согрешения вольная и невольная и даруй им Царствие Небесное. Аминь!^[1]

«Коленька нашелся...»

На дворе стоял май. Батюшка, который просыпался очень рано, занимаясь утренними хозяйственными делами, обратил внимание на понуро стоявших у окон его дома еще нестарых мужчину и женщину. Они не стучали, не звонили, а как-то неуверенно толклись у палисадника. Простые, скромно одетые приезжие привлекли внимание батюшки своим совершенно потеряннм видом. Он просто ощутил, что эта пара несет на себе какое-то горе, пригнувшее их к земле.

Они так и не позвонили и не постучали. Батюшка пошел и открыл им ворота — он чувствовал, что большая беда привела этих людей. При виде отца Григория, они, словно не веря своим глазам, бросились к нему. Получив благословение и приглашение войти в дом, женщина начала плакать навзрыд, мужчина тоже едва сдерживал рыдания.

Усаживая своих ранних гостей, отец Григорий поставил чайник, понимая уже, что они, очевидно, с поезда. По замученным и усталым лицам было видно, что люди проделали немалый путь. Первые слова о том, откуда они приехали, были просто ошеломляющи. «Мы, батюшка, из Нефтеюганска. Нас Мария прислала. Сказала, что вы ее хорошо знаете», — говорили гости с удивительной простотой и наивностью, даже не представляя, какое количество людей ежедневно проходит у отца Григория на исповеди. Эта самая Мария из Нефтеюганска и направила своих знакомых к поразившему ее чем-то батюшке Григорию из Кургана. Она так и сказала им: «Езжайте к отцу Григорию в Курган. Живет он в Смолино». Это были все координаты, ориентируясь на которые, несчастные двинулись в такой далекий путь. Но они добрались и поведали батюшке о своей беде.

Оказалось, что у них пропал единственный пятилетний сын — Коленька. Пропал буквально за какие-то минуты, играя около своего дома. Испуганные родители обежали всех знакомых, заявили в милицию, но ребенок как в воду канул. И никто нигде даже похожего на пропавшего ребенка не припоминал.

Потянулись дни и ночи — чередование надежды и безысходности. Еще молодые родители буквально за неделю превратились в согбенных стариков. Как жизнь свела их с Марией, побывавшей у батюшки, трудно сказать, но какой надо было обладать уверенностью в том, что

священник из Смолино поможет, чтобы посылать к нему людей из далекого северного города, откуда можно было вылететь только на самолете! Поверив ей, несчастные приехали к отцу Григорию за помощью...

Матушка Нина плакала, принимая ранних гостей, устраивая их отдохнуть и не смея обнадежить даже словом. Пока они отдыхали, батюшка молился. Молился долго, до изнеможения. Он клал земные поклоны, устремляя свои глаза, так много видевшие человеческого горя, на Нерукотворный Образ Иисуса Христа, висевший в переднем углу их смолинского дома. Позднее он сказал своим гостям:

— На все воля Господня. Без Его воли ничего не происходит, а тут такое несчастье! Надо молиться и просить Бога вернуть вам сына, но не забывайте всей душой своей сказать, что вы во всем полагаетесь на Господа. Пусть будет по воле Его. Сегодня отдохните, а завтра пойдите в храм, исповедуйтесь и причаститесь оба. Господь видит ваше горе. Его Промысл неисповедим. Возможно, Он хочет, чтобы вы осознали свои грехи и что-то исправили в жизни. Подумайте. Может быть, когда-нибудь вам и откроется, почему это произошло, но только не озлобляйтесь. Господь всегда все устраивает к лучшему. Молитесь оба. Я тоже буду молиться.

И батюшка молился. Молился вечером, ночью, молился на Литургии. После причастия он предложил им отслужить молебен Пресвятой Богородице «Скоропослушнице». Днем гости вернулись раньше, позднее пришел батюшка. Он выглядел утомленным, но лицо его было светлым, а голос радостным. Он сказал:

— Мы все просили Господа, взывая к Нему о помощи. Сегодня вы можете ехать домой, но продолжайте молиться. Я думаю, что мальчик ваш жив и найдется.

Какая-то глубокая, сильная вера и убежденность прозвучали в голосе батюшки. И эти сгорбленные, сдавленные тяжестью горя люди вдруг распрямились. Они нерешительно, несмело заулыбались, благодаря батюшку и матушку, и ободренные уехали. Через неделю в Курган на имя Пономарева Григория Александровича пришла телеграмма из Нефтеюганска: «Коленька нашелся. Жив, здоров. Просим разрешения приехать, поблагодарить всей семьей. Чупрынины».

Семья вместе с найденным Коленькой прилетела на одни сутки к батюшке и матушке. Они рассказали, что ребенка похитил какой-то нищий, чтобы вместе с ним просить подаяние во время скитаний. Никакого физического вреда мальчику не нанесли. Задержали их на тюменском вокзале, а так как было дано объявление в розыск, это ускорило развязку событий.

Ни одна пламенная молитва ко Господу не остается не услышанной Им, а когда к покаянной молитве родителей присоединяется молитва пастыря, Господь не оставит ее без ответа.

«Услышал Господь моление мое...»

Чем большее время отдаляет меня ото дня ухода моих дорогих родителей, тем глубже, проникновенней становятся образы близких и любимых мною людей. Отлетает бытовая шелуха, а события их жизни обретают свою подлинную ценность. О некоторых из них я узнала уже после кончины отца Григория и матушки Нины из рассказов духовных чад батюшки.

Живая трепетная нить, связующая нас с Господом, иногда ясно обозначается, показывая, что Он слышит мольбы верующих в Него и мгновенно откликается, подавая им скорую помощь.

Письмо. Письмо, пришедшее ко мне через два с половиной года, как нет с нами отца Григория

и матушки Нины. Читая его, убеждаешься, что слово, живой пример, рассказанный в нужное время, бывает лучше любого лекарства.

Эпизод из жизни отца Григория. Небольшой, но страшный фрагмент, дающий утвердиться другим людям во всепобеждающей силе молитвы...

Темным ноябрьским вечером 1999 года прихожане Свято-Духовского храма после вечернего богослужения собрались на остановке в ожидании рейсового автобуса. Автобус задерживался. Жгучий ветер, набирающий скорость в притобольских степях, налетал и пронизывал до дрожи, холод от стылой земли растекался по всему телу. Люди замерзали, невольно теснясь друг к другу. И вдруг раздался голос: «А вы знаете, как отец Григорий, спасая свою жизнь, шел всю ночь по зимнему лесу, стараясь успеть к праздничной Литургии?..»

Этими словами Анна Михайловна Новикова, прихожанка Свято-Духовского храма в Смолино, начала рассказ об известном ей случае из жизни отца Григория.

«Где-то в 70-х годах, когда батюшка был единственным на весь приход священником, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы ударили первые морозы. Земля, рано застывшая, покрылась снегом, и погода более напоминала зиму, чем осень. После всенощной за батюшкой на машине приехали какие-то люди и попросили его поехать с ними, чтобы исповедовать и причастить больного где-то недалеко от Кургана.

Отец Григорий собрался и уехал на потребу. Напрасно матушка Нина ждала его весь вечер и всю ночь. Не смыкая глаз и не успевая вытирать слезы, она простояла все это время перед образом Нерукотворного Спаса, вознося свои молитвы ко Господу о благополучном возвращении батюшки.

Утром, придя в ЦЕРКОВЬ, она увидела общее беспокойство верующих, связанное с отсутствием отца Григория, так как обычно он приходил в храм задолго до начала Литургии. Ничего утешительного сказать прихожанам она не могла. Стараясь не плакать, рассказала, что вечером на машине (что было в то время редкостью) его увезли к больному куда-то под Курган. Всем миром стали читать молитву «Во время бедствия и при нападении врагов» и акафист святителю Николаю.

Через короткое время в храме появился отец Григорий. Он был совершенно закоченевший, едва шевелил губами и даже не мог расцепить пальцев на ручке тремного чемоданчика — они словно примерзли. Одет он был легко, так как его увезли на машине, пообещав привезти обратно.

Что удалось узнать? Оказывается, это был ложный вызов. Треба явилась предлогом, чтобы вывезти отца Григория подальше за город. Это были злоумышленники. Вполне возможно, что замышлялось большее, у батюшки были Святые Дары, поэтому он был под особой защитой... Что и как случилось, в подробностях батюшка никогда не рассказывал. Известно только, что далеко за Курганом он был выброшен из машины в лесу и оставлен на морозе за много километров от жилья.

Весь вечер и ночь старый священник, молясь Господу и благодаря за то, что ему не причинили физического вреда, крепко сжимая тремный чемоданчик, шел и шел по безлюдному лесу. Когда он добрался до окраин Кургана, уже начиналось утро. Творя непрерывно Иисусову молитву, он так и дошагал до Смолино.

От сильнейшего переохлаждения, физического переутомления и нервного напряжения

служить Литургию он не смог. Но все верующие, сам отец Григорий и матушка Нина соборно возблагодарили Господа за спасение. Молились и о здоровье бабушки».

Анна Михайловна закончила свой рассказ. Так стал известен этот случай. Но ни бабушка, ни матушка Нина никогда не рассказывали об этом скорбном происшествии. Всегда верно служа Господу, твердо надеясь на Его неизреченную помощь, они старались и во всех окружающих зародить неугасимую искру веры в Его милость.

Глава 6. Матушка Нина

Добротельная жена — венец для мужа своего.

(Притчи Соломона 12:4)

Немного о семье...

Нина была третьим ребенком в благочестивой семье протоиерея Сергея Увицкого и матушки Павлы Ивановны.

Все дети в этой семье были удивительно музыкальны. Несмотря на то, что никто из них профессиональным музыкантом не стал, каждый был по-своему ярко одарен в музыкальном отношении и чем-то проявил себя в музыке. Это, вероятно, они унаследовали от родителей: сам отец Сергей играл на скрипке, Павла Ивановна имела приятного тембра довольно крепкое сопрано, играла на фортепиано и смолоду пела и солировала в церковном хоре.

Старший брат Нины Михаил окончил музыкальное училище и, став позднее инженером, занятия музыкой никогда не оставлял. Сестра Ольга имела сильный красивый голос, и только трудности послереволюционных лет не дали состояться ей как певице. Младший брат Николай довольно успешно занимался композицией. Писал музыку для фортепиано, вокала и хора, в том числе и духовную хоровую музыку. Некоторые его произведения исполняются и сейчас.

Нина, в сравнении со старшей сестрой, имела более скромный голос, но обладала необыкновенной музыкальностью, абсолютным слухом и навсегда сохранила тягу к хоровому пению. Бывая еще ребенком на богослужениях в храме, она заливалась слезами от духовных песнопений Турчанинова, Гречанинова, Чайковского и Рахманинова. Вместе с сестрой они с раннего детства пели в церковном хоре, которым управляла их мама — матушка Павла Ивановна.

Забегая вперед, добавлю еще один фрагмент из маминой жизни. Последний год жизни, когда мама сильно болела, у нее нарушился сон. Просыпаясь в два-три часа ночи, она больше не могла заснуть... «Вот проснусь, — говорила она, — а время как остановилось... Мучение. Тогда я начинаю мысленно пропевать, одновременно управляя хором, то «Литургию» Чайковского, то «Всенощную» Рахманинова — от первой ноты до последней. И так до рассвета».

...Жизнь складывалась сложно. Детям священников не давали учиться в школе. Все они получали домашнее образование и сдавали экзамены экстерном. Отец Сергей в 30-х годах подвергся репрессии, и думать о продолжении образования детей было бесполезно. Надо было выживать. Сестры окончили курсы бухгалтеров и устроились работать. Братья, работая, где только возможно, заочно окончили машиностроительный техникум, а позднее и политехнический институт, став инженерами.

Первые уроки...

Шел 1932-й год. Семью Увицких разбросало кого куда. Самое страшное и тяжелое, что опять, уже который раз, арестовали отца Сергия, и на сей раз ощущение было такое, что ему не вырваться из этого ада. Матушка Павла Ивановна то одна, то с младшим сыном Николаем ездившая на свидание к отцу Сергию и в прежние его аресты, в этот раз вернулась с Беломорканала совершенно подавленная. Даже хуже — она была как неживая. Эта мужественная женщина, так много пережившая и всегда с терпением принимавшая удары судьбы, на этот раз сломалась. Душу ее накрыл беспросветный мрак. На ее вмиг постаревшем, осунувшемся лице остались одни глаза, но в них лучше было не смотреть — смертельная тоска, боль и какая-то растерянность. Она рассказала детям, как прошла ее встреча с отцом Сергием.

— Вряд ли он выживет, — говорила Павла Ивановна, — настолько плох.

Опухший, совершенно седой человек, он еле передвигал ноги. Не исключено, что его били. Это было их последнее свидание.

Понимая, как нужна детям мать, она старалась справиться с собой. А жизнь требовала свое. Семья должна была выживать: чем-то питаться, зарабатывая себе на жизнь. Дочери Ольга и Нина, которые, казалось, обошли все работы в городе, получали отказ, как только кадровики знакомились с их анкетами: «дети священнослужителя», «отец репрессирован». То же самое происходило и с младшим сыном Николаем. Он перебивался временными работами, не имея возможности учиться. Немногим лучше обстояло дело у старшего — Михаила. К этому времени у него была своя семья. Вместе с женой Галиной он работал в музыкальной школе в Новороссийске и, видимо, сведения об аресте отца туда не дошли. Они ждали пополнения в семействе, но даже такая радостная весть не могла вывести Павлу Ивановну из депрессивного состояния.

Наконец сестрам все же удалось окончить бухгалтерские курсы. Ольга еще оставалась в Нижнем Тагиле с мамой, а Нина впервые уехала одна, найдя работу счетовода в небольшом рабочем поселке при Верх-Нейвинском заводе. И вот она одна среди чужих людей. Народ казался ей суровым и неприветливым. Однако Нина была рада, что сможет хотя бы немного заработать, чтобы помочь родным. «На работе прилежна, старательна, усидчива; выполняет все поручения...» — характеристика Нины Увицкой с места работы.

Появилась и новая подруга Зина, ласковая и приветливая, непохожая на других. Она работала вместе с Ниной в заводской бухгалтерии и все время стремилась вовлечь ее в орбиту интересов своей жизни.

На дворе сентябрь. Становится холоднее. Дожди уже не ливневые — веселые, летние — а мелкие, морозящие. Уральская осень торопится.

Вернувшись с работы на свою временную квартиру (комнатку в маленьком домике), Нина увидела на столе письмо со знакомым почерком. Из Новороссийска, от брата Миши. Она с беспокойством вскрыла конверт. Что там? Как дела у Гали, которая вот-вот будет мамой?..

Оказалось, что совсем недавно у Нины появился племянник Коля. Теперь она «тетя Нина», как писал брат. Нина представила себе это маленькое существо, которое пока не знает, сколько горя и скорбей понесли его родные, и волна нежной ласки затопила ее женское сердце.

Забегала Зина, отвлекая ее от теплых мыслей. Сама не зная почему, Нина убрала письмо, ничего не рассказав о семейной радости. Никого не хотелось впускать в свой домашний мир,

такой родной, но такой истерзанный. Зина, ничего не заметив, весело болтала о чем-то своем. Она уговаривала Ниночку пойти к себе:

— Пойдем. Ну что за охота сидеть одной? Ко мне придут наши девчата. Посидим, попьем чаю со свежим вареньем, послушаем пластинки.

Уговорила. Девушки — все знакомые. Только одну из них Нина видела впервые. Она приехала к кому-то в гости. С пронзительным и каким-то тяжелым взглядом темных глаз, она была довольно красива, но одновременно развязна и цинична. Искрина, так звали незнакомку, сразу не понравилась Нине. Очевидно, взаимно. Весь вечер та язвила и подсмеивалась над ней. Видя, что Нину коробят грязные слова, Искрина с особым удовольствием рассказывала неприличные анекдоты...

Но что случилось с девчатами! Их просто не узнать. Попав под влияние гостьи, они преобразились, так же кривлялись и сквернословили, пытаясь подражать ей.

— Давайте гадать! На блюдечке! — предложила Искрина.

— Да что ты, ведь гадают только на Святках...— раздались голоса девчат.

— Глупости. Гадают круглый год, у нас получится. Я — хороший «проводник»...

— Кого? — неожиданно для себя вы палила Нина.

— А то сама не знаешь? Святоша!

— Да будет вам, — вмешалась Зина. — Ну, гадать, так гадать.

Нина резко встала.

— Я пойду. Не могу этого терпеть, ведь это же очень страшно. — Она хотела добавить: «И грех большой», — но потом подумала: «Все равно не поймут».

Искрина, недобро усмехаясь, подошла к Нине.

— Так ты говоришь, что у нас не получится?

Нина подумала: «До чего противная и въедливая, и есть в ней что-то бесовское...»

— Да. Не получится. Сидите, ерунду городите. Покойников каких-то вызываете, фараона египетского... А на самом деле каждая из вас блюдечко подталкивает — какие хотите, такие и выкручиваете ответы. Ерунда все это, я пошла.

И уйти бы ей, но тут Искрина прямо взвилась.

— Нет уж! Ты погоди. Ишь ты, хочешь быть умнее всех. Мы и без фараона египетского обойдемся. Ох, как я тебя сейчас посрамлю.

— Да что ты можешь?

— Я тебе докажу, что блюдец никто не толкает, оно само ходить будет и через того, кто умеет, — нажала она голосом, — правду скажет. А ты, — она стала подыскивать слово пообиднее, побольнее, просто не-ве-жест-вен-ная!

— Невежественная? — Нина чуть не задохнулась от обиды.

— Девочки... — захлопотала опять Нина, — и охота вам ссориться?

Однако Искрина, вцепившись в Нину и удерживая ее, громко заявила:

— Иди на кухню. Загадай любое имя и фамилию. Сиди и жди. А мы вызовем духа. Может даже, и фараона, — прибавила она, бледнея от злости. — Напиши имя на бумаге и держи в кармане, а дух нам «скажет», кого ты загадала. Идет? Свя-то-ша!

Обида захлестнула. Внутри у Нины все клокотало от наглой настойчивости и попыток оскорбить ее. «Если сейчас уйти, — подумала Нина, — девчата скажут, что я испугалась, а Искрина права. Все как-то гадко и неприятно». «Ну ладно, — решила она. — Все равно будут перебирать знакомых парней с завода. А я напишу такое имя, о котором никто в Верх-Нейвинске не знает. Никто». Она села за кухонный стол и, нервничая, написала на клочке бумаги имя, отчество и фамилию своего новорожденного племянника, о существовании которого она сама узнала только несколько часов назад. «Надо поставить на место эту ворожейку...»

Из-за закрытых дверей комнаты доносились беззаботные смешки наивных девчат и грубые окрики Искрины. Стало тихо. «Блюдечко толкают. Ну-ну, — едко подумала Нина. — Сейчас ты у меня получишь!» За дверями стало еще тише, и в напряженной тишине кто-то выдохнул: «Само... Вот это да! Действительно, само...» Через несколько минут в комнате раздался вздох разочарования. Все ждали знакомое имя... Можно было бы посмеяться и поязвить над зазнавшейся, как им казалось, Ниночкой, но результат ворожбы вызвал у простодушных заводских девчат недоумение.

Дверь в кухне распахнулась, и на пороге появилась Искрина. Глаза ее недобро сверкали. Казалось, что она видела что-то важное лично для себя. Вся она была налита силой и энергией, от которой Нине хотелось бежать. Девчонки замерли, чувствуя недоброе. Задуманная шутка давно перешла во что-то странное, непонятное им, злобно висевшее в воздухе...

— Ну, святоша, заходи, — возвестила Искрина. — Слушай: Николай Михайлович Увицкий. Родился 24 августа 1932-го года. Привет «тете».

Как Ниночка не потерялась от потрясения, страха и чувства глубокого омерзения? Она молча бросила на стол свою записку с именем племянника и выбегая на улицу крикнула:

— Да уходите вы все! Неужели непонятно, кто она...

Вслед ей прозвучал демонический смех, эхом отраженный в сенях и во дворе... Она бежала по темным улицам поселка. Ей казалось, что за ней гонится целая стая нечисти, а в ушах продолжал звучать грубый, надменный хохот Искрины: «Святоша!..»

Нина не спала всю ночь. Ей казалось, что кто-то стучит в окно или скребется в углу за хозяйскими сундуками. На миг забывшись, она вздрагивала от звучащего внутри голоса: «Свя-то-ша!» Она молилась, пила крещенскую воду и снова молилась, прося прощения у Господа за то, что, чувствуя острую неприязнь к демонической гостье, она сразу не ушла, боясь обидеть Зину. И самолюбие, наверное, выиграло. Да и перед девчатами неловко.

Она еле дождалась утра. Забежав на работу, Нина отпросилась на полдня... Недалеко по тагильскому тракту — село, где был действующий храм. Большой, красивый, стоящий на горе, он даже при подходе к нему вызывал светлое чувство и радость. Нина не раз бывала там и на

всенощной, и на Литургии. Знала батюшку. К нему она и устремилась, чтобы исповедовать грех, в сети которого она, сама не понимая как, попала. Под спасительными сводами храма сердце ее стало постепенно успокаиваться, ведь вокруг привычная с детства умиротворяющая тишина, лики святых. Батюшка издали заметил появившуюся в непривычное время Нину. Вид у нее был потерянный. Покаявшись, она преклонила колена перед Распятием и Святым Евангелием и обрела желанный покой.

Старенький священник, который знал всю семью Увицких, очень сокрушался по поводу ареста отца Сергея. Сам со дня на день ожидая подобной участи, пожурил ее:

— Вот видишь, Ниночка! Демон, как лев рыкающий, ищет себе жертву. Он и в образе молодой девицы может явиться, действуя через нее... Не огорчайся. Успокойся и впредь внимательней выбирай, с кем общаться. Учись резко обрывать все разговоры, насторожившие тебя. Молись. Господь милостив! В воскресенье причастись Святых Христовых Тайн. Иди с Богом, а я помолюсь за твоих родных. Дай, Господи, вам сил и здоровья.

В Верх-Нейвинск Ниночка вернулась спокойной. Душа ее, столкнувшись с реальной злобной силой, получила серьезный урок. Чистая доверчивая юность растаяла в ней навсегда. Знала бы она тогда, что это лишь первые уроки. Сколько натисков страшной силы, облеченной в разные образы, ей предстоит еще пережить. Но она твердо помнила, что если Господь не попустит, то ни один волосок не упадет с ее головы. Так всегда говорил ее папа — протоиерей Сергей Увицкий. Надо только всегда с верой обращаться к Господу и уповать на Его помощь.

На Пихтовке

До начала Великой Отечественной войны наша семья, то есть бабушка Павла Ивановна, я, мама, ее сестра Ольга и брат Николай жили в Нижнем Тагиле на частной квартире. Дяде Коле, к тому времени работавшему в отделе главного механика Уралвагонзавода, предложили переселиться в небольшой городок километров в семи от завода, именуемый Пихтовкой.

В поселке стояло около 30-ти одноэтажных коттеджей, построенных в конце 30-х годов по немецкому проекту и рассчитанных на 2-х хозяев. В изумительно красивом месте, под пихтовой горой, стояли улицей эти уютные дома. В каждой половине дома было по четыре комнаты, большая кухня с отдельной дверью на улицу, застекленная открытая веранда, выходящая в небольшой садик. Вдоль домов прямо с завода провели асфальтированную дорогу, ходил рейсовый автобус. При въезде в Пихтовку стояла автономная котельная, дающая тепло всему мини-городку. Население поселка составляли семьи инженерно-технических работников завода.

Весь городок утопал в густом пихтовом лесу. Целительные ароматы пихтача наполняли все вокруг. Вдоль неширокой асфальтированной дороги пролегала специальная дорожка для велосипедистов, поодаль которой стояли заросли шиповника и проходила кромка леса. Открытая веранда и палисадник дома вели на улицу маленького городка, а с черного хода кухни можно было выйти прямо в лес и собирать грибы и ягоды, растущие здесь в изобилии. Мои первые детские воспоминания хранят образ огромной красавицы-березы, растущей у порога кухни, в тени которой мы с мамой часто отдыхали. С другой стороны дома через дорогу — фонтан в виде большого цветка, вытесанного из камня. Он стоял на цветущей поляне среди зарослей шиповника, окруженный огромными синеватыми лапчатыми пихтами.

Для нашей семьи, скитавшейся по частным квартирам Нижнего Тагила, дом на Пихтовке был неожиданным чудом. Бабушка, которая очень любила цветы, насадила в гипсовые вазоны и причудливые подставки, сооруженные на открытой веранде дома, душистый табак, настурцию,

левкой и флоксы. В палисаднике у нас росли розы разных сортов. Вечерами мы наслаждались этими цветочными ароматами, перемешанными с лесным воздухом. Собираясь вместе, мы слушали поселившегося в кустарнике у нашего дома соловья. Помню, как всех напугала летучая мышь, внезапно свалившаяся на белое платье тети Лели. А какой невероятно большой и таинственно-далекой казалась ночная луна, в отблеске которой розовые кусты отбрасывали длинные призрачные тени! В них что-то шелестело и стрекотало. Свою нотку нежного аромата в этот сказочный мир вливали лесные ландыши, растущие прямо у фонтана через дорогу. Наверное, эти тихие минуты, наполненные радостью общения с природой, даны были нашей семье, как передышка перед предстоящими тяготами голодного военного тыла.

В двух соседних комнатах нашего дома жила семья репрессированного священника Леонида Коровина.

Война нас застала уже на Пихтовке. Голод, нищета и лишения подкрадывались постепенно. Сначала с перебоями стал ходить рейсовый автобус до поселка, затем появились длинные очереди в магазине... В разговоре взрослых часто мелькало слово «карточка», которое врезалось в мою детскую память особенно остро.

С питанием становилось все хуже и хуже. Женщины, собираясь группами по 5-7 человек, отправлялись в деревни, чтобы поменять что-то из одежды на муку, крупу или картошку. Продукты проедали и снова подбирали одежду, уже на следующий обмен. Мама тоже включилась в эти изнурительные походы и ни свет, ни заря уезжала, чтобы успеть вернуться в тот же день. Она работала в то время швеей-надомницей и дневные отлучки за продуктами покрывала ночной работой. Продукты приходилось нести на себе — это очень подорвало ее здоровье: она получила грыжу и потом всю жизнь страдала от мучительных болей.

Голод нарастал. Скоро менять уже было нечего, да и в деревне все оскудело, а продуктов давали все меньше и меньше... Выстаивая многочасовые очереди, бабушка, пряча глаза, приносила все меньше хлеба. Жить в городке становилось сложнее. Жители Пихтовки часто вынуждены были возвращаться с завода пешком, а иногда вообще не могли добраться до дома.

Вскоре для танков, которые начал выпускать «Уралвагонзавод», потребовались испытательные полигоны. По распоряжению завода, все неработающее население поселка, кроме детей и стариков, было отправлено на раскорчевку леса. Мама тоже попала на эту работу. Кругом — вековые, хвойные леса. Деревья пилили и вывозили специально обученные бригады. На огромных оголившихся площадях оставались крепкие пни поваленных лесных кедров, которые и должны были раскорчевывать небольшая кучка женщин да несколько дряхлых стариков. Пни, разросшиеся на несколько метров в ширину, увозили, площадь выравнивали и превращали в полигон для испытания новой техники.

Даже для крепкого здорового мужчины раскорчевка леса вручную — это непосильно тяжелый труд. Что же говорить о постоянно недоедающих женщинах, работающих каелками, топорами да пилами. Вечерами мама приходила чуть живая. Ни говорить, ни есть она уже не могла. Только пила воду и валилась от усталости с ног... Полежав несколько часов, она вставала и садилась за швейную машинку, чтобы выполнить и эту норму, без которой можно было лишиться продовольственной карточки. А с утра — снова на раскорчевку...

Оголилась наша Пихтовка. Раньше мне казалось, что никто не доберется в этот дремучий лес, до которого, как в сказке, три года скакать... Но сейчас, если взглянуть по обе стороны Пихтовки, можно увидеть деревни, которые скрывались ранее за высокими кедром, да ферму, одиноко стоящую на горизонте. Я хорошо помню свои детские впечатления того времени. Передо мной — пихтовая гора, вся покрытая одинокими пнями. Щемящее чувство утраты.

Разрушился фонтан через дорогу, улетел соловей, и ухаживать за бабушкиными розами уже не было сил.

На открытых полигонах рядом с поселком стали размещаться подразделения новобранцев — молодых солдат, еще не побывавших на фронте. Зимой они так замерзали на лютном ветру, что просились погреться в наши дома. Конечно, их пускали. С голодными, не по возрасту усталыми глазами и часто отмороженными руками, они набивались в комнату. Кто-то из них (очевидно, посмелее) просил: «Мамаша, дайте, пожалуйста, горячей водички попить...» Бабушка откликнулась на все их нужды. Она оттирала им замерзшие руки, смазывая их жиром, поила горячим чаем... Мама, не выдерживая, уходила плакать на кухню. Минут через двадцать командиры поднимали их и вновь уводили на предбоевую подготовку. Вытирая тряпкой растаявший от солдатских сапог снег, бабушка вздыхала: «Мучают мальчишек...» Помню, как однажды мама, думая, что я не слышу, сказала бабушке: «А сколько их не вернется домой... Совсем почти дети...»

С каждым месяцем в коттеджах становилось все холоднее, батареи почти не грели. Руки коченели так, что мама уже не могла шить по ночам на швейной машинке. В одну из морозных ночей, когда температура на улице опустилась до 30 градусов, батареи почти во всех домах поселка разморозились. Жить на Пихтовке стало невозможно. Люди начали покидать дома. Укладывая свой скарб и прощаясь друг с другом, они плакали. Так мы снова оказались в Нижнем Тагиле, где нашей семье дали две комнаты. Мне было тогда около пяти лет.

Снова в Нижнем Тагиле

При переезде в Нижний Тагил наша жизнь мало в чем изменилась. Мама по-прежнему «зарабатывала иглой». Бабушка занималась хозяйством и посещала Казанскую ЦЕРКОВЬ на Вые, где она управляла правым хором.

В военные годы маме было около 30 лет. Она трудилась, не покладая рук. По возможности ходила в ЦЕРКОВЬ, чтобы помолиться, надеясь на чудо возвращения отца Григория из мест, откуда почти никто не возвращался.

Как, чем жила молодая женщина, объявленная женой «врага народа» и воспитывавшая маленького ребенка? Конечно, глубочайшей верой в Бога, вложенной в нее с рождения, и надеждой на Его спасительный Промысл. Большую помощь ей оказывали родные — ее мама Павла Ивановна, сестра и брат. Все это давало возможность продержаться маме тяжелейших 16 лет, которые вместили в себя и Отечественную войну, и послевоенные трудные, голодные годы.

Несмотря на изнуряющие хлопоты по дому, работу швеей и постоянные заботы о дочке, она находила время, чтобы петь в церковном хоре. Мама глубоко и искренне любила классическую музыку. Она часто слушала радио, по которому в те годы транслировалось много прекрасных концертов и опер. Знала и любила матушка Нина произведения русской и зарубежной классики и как музыковед-профессионал могла много и долго рассказывать о ней. Но хоровая музыка оставалась всегда ее первой и последней любовью. Слушая исполнение хорошего хора, мама затихала, углубляясь в себя. Глаза ее увлажнились, и вся она погружалась в музыку. Она могла стать профессиональным дирижером-хоровиком. Все данные к этому были: абсолютный слух, точная ориентация в структуре произведения (чисто интуитивная), хорошая музыкальная память, широкий музыкальный кругозор при ярко выраженной эмоциональности и ясный жест, что немаловажно для хормейстера. Она могла на протяжении 1-2-х тактов перейти голосом в любую партию: сопрано, альты, теноры — в зависимости от того, где нужна была поддержка. Музыканты понимают, как это непросто.

Только музыка врачевала постоянно кровоточащую рану — утрату любимого человека, страх за его судьбу...

Тем временем дочка подрастала, с малых лет проявляя унаследованную способность к музыке. Матушка Нина любила вспоминать о том, как Леля, еще не умея стоять на ножках, чисто интонировала за поющими, вызывая умиление у родных и знакомых. Это приводило к мысли, что девочку надо учить музыке, развивая ее талант. Но за учебу надо платить, и матушка Нина трудилась на пределе своих сил. К этому времени она уже работала в высокоразрядном швейном ателье и была первой мастерицей по шитью мужских сорочек, так что все стремились оформить заказ именно у нее.

* * *

Всем в это послевоенное время жилось нелегко. Картошка заканчивалась очень быстро. Я хорошо помню большую кастрюлю вареной картошки величиной... с копейку. По своей детской глупости, я почти с ненавистью смотрела на этот горох, который нам с бабушкой предстояло перечистить. Чистить горячую вареную картошку всегда утомительно, да еще такую мелочь... Может, ее было не так уж и много, но тогда мне казалось, что эта работа никогда не закончится.

Как умело вела себя в этом случае бабушка! Никаких приказов, устыжений. Она просто говорила: «Не хочешь — не делай. Правда, твои пальчики тоненькие, ловкие, они лучше справились бы с этой мелочью, чем мои, но если тебе так неприятно — не мучайся. Только посиди немножко со мной». Она принималась за эту бесконечную работу и начинала рассказывать либо что-то из прочитанного, либо вспоминая события своей жизни. Она была великолепная рассказчица! Все оживало в ее воспоминаниях.

Слушая бабушку, я механически беру картошечку и очищаю ее своими действительно ловкими детскими пальчиками. Бабушка как бы между делом подвигает мне мисочку для очисток и бросает на мои колени старое полотенце. И вот через час-полтора готова кастрюля очищенной картошки, и меня отпускают погулять во двор. Ни ссор, ни скандалов, а дело сделано

А очистки — отдельная история. Картофельную кожуру с налипшими кусочками вареной картошки бабуля, подсолив, скатала в шарики и — в духовку. Правда, есть их было почти невозможно. Взрослые сконфуженно давились, а бабушка решительно съела несколько штук, но видя, что за ней с интересом следит все семейство, засмеявшись, отступила, и непонятно было, смеется она или плачет.

Еще одно тяжелейшее переживание, выпавшее на долю семьи. Старший бабушкин сын Михаил жил со своей семьей в Нижнем Тагиле и работал на Вагонке. В 1947-м году, уже после войны, его столкнули с подножки трамвая. Он упал и очень ударился. Долго болел, а через год его отправили в свердловскую больницу с диагнозом «онкологическая опухоль», где он и умер. Вся наша семья глубоко пережила эту утрату, а бабушка на время потеряла память, которая вернулась к ней не сразу.

Так трудно складывалась наша жизнь в Нижнем Тагиле.

Под покровом святителя Николая

«Детка наша, доченька! Поздравляем с праздником святителя Николая. Девятнадцатое — его день. Не забывай к нему прибегать. Святитель Николай — всегда во всех скорбях и нуждах наш скорый помощник! Много раз в жизни на себе испытали!! Крепись, родная...»

Из письма отца Григория и матушки Нины к дочери

Росла я довольно хилым ребенком. Вероятно, это складывалось из многих факторов. Через месяц и 10 дней после моего рождения у мамы начались тяжелые переживания в связи с арестом папы, что, естественно, не могло не сказаться на мне. Конечно, семья старалась дать мне все лучшее, но порой нечем было даже накормить. Одним словом, годам к десяти, когда я в младших классах больше болела, чем училась, врачи нашли у меня ревматизм, ослабленные легкие на грани заболевания и нарушения лимфатической системы. Мама была в панике, потому что нужного лечения дать мне была не в силах, дорогие лекарства были для нас недосыгаемы... Она только плакала и молилась, уповая на Господа. И что же? В доме, где мы жили тогда, жила семья главного инженера Нижнетагильского рудника — муж, жена и двое ребятишек примерно моего возраста. Как ни странно, в те тяжкие военные годы люди были дружнее и, в большинстве своем, внимательнее друг к другу. Часто знали трудности и проблемы окружающих и не только словами, но и делами помогали друг другу, кто чем мог.

Семья главного инженера, конечно, жила много лучше, чем мы. На лето хозяйка с детьми выезжала в район рудника, в маленький поселок, стоящий в лесу, и дети имели возможность три месяца отдыхать на природе, набираясь целебных сил. Кроме того, местные поселковые жители держали коров, кур и всякую мелкую живность, поэтому для питания были доступны молоко, творог и яйца. Узнав про мое нездоровье, жена инженера тетя Ира, женщина милая и сердобольная, предложила маме взять меня вместе с детьми на все лето на загородную квартиру.

Но надо было знать меня в те годы. Я не могла прожить без мамы ни дня. Именно поэтому я не прижилась в детском садике в свое время, а за год до этого, летом, сбежала на третий день к маме из оздоровительного детского лагеря. Словом, в младших классах я была совершенным «маминым хвостиком», и жизнь в чужой семье, хотя и на лесном воздухе и при хорошем питании, все равно не принесла бы пользы моему здоровью. Мама, понимая, какое благо для меня жизнь в сосновом лесу, решает взять дополнительную работу и договаривается с местными жителями, чтобы снять комнатку на один месяц. «Мама возьмет с собой работу, — мечтала я, — чтобы вечерами шить на ручной машинке тети Иры. А с утра и днем мы будем ходить в лес, недалеко от поселка, собирать землянику, сколько хватит сил, чтобы за земляничный сезон восстановить мое здоровье». О маме я тогда, увы, не думала.

И вот мы на даче. Лечение мое было изумительно приятным. Утром мама давала мне парного молока и ягод, и мы, взяв корзинки, отправлялись в лес. Так было, почти каждый день. Лес я полюбила еще с тех пор, как провела младенчество на Пихтовке. Прошло столько лет, а я до сих пор помню ровный, умиротворяющий, как морской прибой, шум сосен, напоенный ароматом хвои и смолы. От этой лечебной воздушной ванны перехватывало дыхание. А посмотришь на траву — красно. В то лето было удивительно много земляники, даже местные жители не припоминали подобного. За 2-3 часа мы набирали полные корзинки этого чудного лекарства и отправлялись в свой временный дом. Мама кормила меня и заставляла поспать. Затем мы снова уходили в лес и к вечеру опять приносили полные корзинки ягод.

Не меньше, чем ягоды, меня лечила сама природа. Лето выдалось прекрасное — ночью пройдет дождь, а утро встречает тебя сиянием солнца, синевой небес, ликующим пением птиц и жемчужным сверканием еще непросохших после дождя травинок. Чтобы попасть в ближайший лесок, надо было пройти краем ржаного поля. Рожь, еще зеленая, была выше меня. Узенькой тропочкой мы идем вдоль поля. Не видно ничего, кроме шелестящих, чуть покачивающихся колосьев. Только порой, как маленький прожектор, ослепит тебя сверкающая на солнце дождевка. Если зайти поглубже в рожь, то выходишь оттуда весь промокший, за что мне здорово попадало от мамы. Она боялась за меня, но это был такой приятный душ! А если

сесть на тропинку и посидеть, не шевелясь, вслушиваясь в шум колосьев, — начинало казаться, что само время, величественно шелестя «плащом» часов и минут, проплывает мимо тебя в вечность.

И еще — жаворонки! Кто слушал утром пение полевых жаворонков, поймет меня. Какие-то негромкие, но удивительно далеко разносящиеся посвистывания, разновысотные перекликивания, почти флейтовое пение — это он, этот малыш, купаясь в синеве небес, каждой своей песней славит природу, жизнь и своего Творца...

Увидеть певуна непросто: стоишь, запрокинув голову в небо, звук слышишь буквально со всех сторон, а кроме синевы, от которой так ломит в глазах, ничего не видно. А он поет! И вдруг на мгновение блеснет на солнышке Перламутровой яркой звездочкой — и опять его нет... А песня все льется. Мне кажется, что лечить можно даже пением жаворонков.

За эти дни мы с мамой сблизилась еще больше, но я никак не понимала, зачем нужно обо мне так беспокоиться? Своей болезни я не ощущала. Мама все вечера просиживала за шитьем, выполняя заказы от поселковых женщин. Часто она шила просто так, видя, что человек беден. В те послевоенные годы не то что готовую одежду, но даже ткань купить было трудно.

Маму сразу полюбили в этом маленьком поселке. Добрая от природы, да и сама так много пережившая, она хорошо понимала людей, сочувствовала им и всегда посильно помогала. Она не была болтлива и советы свои давала от чистого сердца. Люди приходили к ней, чтобы поговорить, пожаловаться на свою трудную жизнь... Узнав, что мама лечит меня земляникой, местные жители стали приносить и ягоды, и молоко... Простые женщины! Сколько, несмотря на трудности войны, сохранилось в них благородства, женского сочувствия и солидарности. Часто думаешь, куда подевалось это бескорыстное участие людей друг в друге? Ведь жили, в общем-то, плохо, но душевной чистоты и доброжелательности в людях было много больше, чем сейчас.

Проходили дни, похожие один на другой, но не утомляющие своим однообразием. Вот осталась уже всего одна неделя нашего пребывания в поселке. Я часто ловлю на себе внимательный, любящий и успокоенный взгляд мамы. Да и я чувствую себя такой здоровой. Мы продолжаем жить в нашем режиме, я, правда, почти не могу смотреть на ягоды... Мамины новые знакомые, заходя, говорят: «Смотри-ка, Нина! Совсем ладненькая у тебя девчонка стала! И кто бы мог подумать!»

А мы все ходим по знакомым уже полянам, близлежащим лесочкам и тропинкам. Глубоко в лес мы боимся забираться, да и нет в этом необходимости. Лес щедро угощает нас как своих гостей. Вот и малина появилась, а маслята — уже давно. Правда, по серьезному идти за грибами надо далеко, но нам хватает. Каждый день на опушках мы находим веселые стайки золотистых грибочков, которые мама так вкусно жарит. Порой попадаются даже белые. А вот грузди, их надо искать в том еловом лесу, что немного подальше. Среди прошлогодней листвы, сухих трав присматриваешься к земле, а она в бугорках. Копнешь, и... какая радость — найдешь вдруг крепкий грибок, стремящийся своей головенкой приподнять землю. К шляпке с углублением прилипла травинка моха или старого листика. Теперь смотри лучше! Все эти бугорочки — целое семейство груздей. Знай только собирай. От лесной красоты буквально перехватывает дыхание. Вот под пологом лапчатой царственной ели укрываются на высоких стебельках ландыши, источающие тончайший аромат. Они словно светятся в синеватой тени еловых ветвей. Мною овладел охотничий азарт сорвать, унести домой...

— Не тронь, Леленька! Ведь мы на днях уезжаем. Пусть тут живут и радуются.

— И вправду...

Но что это? У самого ствола ели, среди сухих старых веток, лежащих на земле, стоит, слегка опираясь на них, темная старинная храмовая икона с налипшими на нее прошлогодними иголками. Мама торопливо подходит ко мне, пролезая через лежащие ветки. Икона сильно попорчена, но на ней можно различить лик святителя Николая. Наверное, когда-то она была в металлической ризе, еще остались дырочки от гвоздиков, крепивших ее. Ризу сняли — видимо, была серебряная, однако икона прописана вся целиком. Что же с ней было? Сняв ризу, икону унесли в лес? Хорошо, что еще в лес, могло быть много хуже. И сколько же она тут стоит? Ведь поселок недалеко. Сколько тут пробежало людей в поисках грибов, сколько глаз скользнуло, не заметив!

Мамочка бережно поднимает икону и осторожно обтирает. Лик Святителя немного суровый. Основание иконы почернело и покрылось плесенью. Наверное, она провела тут не одну зиму. Мама взволнована. Мы бережно укладываем ее на мамин головной платок. Придя в наш временный дом, еще раз обтираем икону и внимательно рассматриваем. Пострадала она меньше, чем показалось вначале. Мама бережно обтирает ее ваткой, смоченной в крещенской воде. Решили, что обсудим с родными, оставлять ли ее себе или унести в храм.

Весь вечер мама задумчива, она как бы ушла в себя.

— Ну что с тобой? — обращаюсь я к ней. — Ведь хорошо, что икону нашли, иначе она могла бы совсем пропасть или попала бы в чужие руки?

— Да, конечно, Леленька, — отвечает мне мама, но вывести ее из задумчивого состояния не удастся.

Через пару дней мы покидаем нашу дачу. Мама тепло прощается со своими новыми знакомыми.

— Приезжайте к нам на следующее лето. Снова отдохнете, комната для вас всегда будет.

Тетя Ира протестует:

— Ну чего ты вдруг заторопилась? Дождитесь субботы, муж отвезет вас на «газике», ему все равно надо ехать в город.

Но мамочка торопится. Она договаривается, чтобы соседи забрали наши уже упакованные вещи, а сама собирается идти сегодня.

— Да ведь тут недалеко, если без груза. Не больше часа ходьбы. Мы же за месяц столько километров намотали, — смеется она.

Тепло прощаемся со всеми. Нас выходят проводить за поселок. Идти легко — хорошо укатанная дорога. Есть только одно место, которого мама побаивается. Я слышала, как она расспрашивала женщин, не опасно ли тут ходить?

Плотной стеной с двух сторон стоит густой и какой-то угрюмый еловый лес. Кажется, что дорога сдавлена им. Случись что — ничего не видно ни в ту, ни в другую сторону. И так примерно с километр. У нас только одна сумка с готовыми изделиями маминой работы и, конечно, икона. Идем бодро. Подходим к плотному участку леса, попутчиков, к сожалению, нет. Мы обе не показываем друг другу, что побаиваемся. Собственно, мама и не догадывается, что я слышала ее разговор. Но я чувствую, что она вся как-то напрягается, натягивается и,

стараясь говорить непринужденно, невольно понижает голос.

Некоторое время идем молча. Вскоре мама, повинувшись какому-то внутреннему порыву, неестественно-оживленным голосом вдруг говорит мне:

— Мы сейчас свернем с дороги в лес. Я уверена, что в этом лесу должны быть ландыши. Ты так хотела их нарвать, помнишь? Принесешь ландыши бабуле, ей будет приятно...

Обдираясь о колючие ветки и сухие сучья, мы быстро пролезаем через плотно стоящий вдоль дороги ельник, который больно колет голые руки и ноги. Прошли сквозь живую хвойную изгородь, стоящую вдоль дороги. В самом лесу попросторнее, но тоже неудобно. Уж скорей бы кончился этот мрачный лес. Идем лесом, но как бы вдоль дороги, как вдруг издали слышим какие-то звуки — мужские голоса, похожие на брань; слышится шум телеги. Мы замираем в своей засаде. Через несколько минут видим через частокол елок лошадь, запряженную в телегу. На телеге — целая компания пьяных мужиков, озвучивающих свое присутствие хохотом и бранью. Едут небыстро, в сторону поселка...

Все. Проехали.

Голоса постепенно замирают. И только тут я вижу, что мама давно стоит, достав икону, и как бы ограждает ею меня и себя. Постояв еще чуть-чуть, чувствую, как вдруг ослабели ноги, как дрожат руки. Мамочка энергично шагает по лесу, и вскоре мы вновь выходим на дорогу. Да и лес редее. Вот и выбрались, слава Богу! Уже видна окраина города. Идти становится все легче и веселее. Я признаюсь маме, что тоже знала о ее страхе и разделяла его. Мама теплым, любящим взглядом смотрит на меня, и в нем что-то новое: «Взрослеет дочка!»

— А ландыши для бабули? — говорю я. В нашем смехе — разрядка от пережитого напряжения.

— Пойдем, родная. Бабуля нам и без ландышей рада будет. Вон ты какая стала свеженькая и крепкая. Что, интересно, скажут врачи?

Вечером неожиданно приезжают тетя Ира с мужем. Она заплакана и взволнована. Они долго разговаривают с мамой; потом тетя Ира уходит, а мама рассказывает нам, что шайка мужиков, от которых мы укрылись в лесу, оказалась бандитской. После войны много было таких. Они приехали в поселок, зная, что днем в нем только женщины и дети. Стали врваться в дома и забирать все лучшее, избивали почти до смерти заупрямившегося деда. Все ломали, крушили на своем пути. У тети Иры унесли швейную машинку. Когда все «почистили», сели и уехали — а дед тот умирает. Вечером тетя Ира с мужем, понимая, что мы с мамой могли с ними столкнуться, в волнении поехали в город узнать, что с нами. Мамочка рассказала ей все с момента находки иконы и о том, как мы, почувствовав опасность, пересидели в засаде... Тетя Ира расплакалась и сказала:

— Вот какая у нас жизнь! Ведь и мы с мужем верующие и крещенные, но разве Коле при его должности возможно это проявить? Уволят с завода, и куда мы тогда? Ты вот шьешь прекрасно, а я ничего не умею, так и живем. И в храм ходить не смеем...

Мама, не размышляя, подарила ей так неожиданно пришедшую к нам икону святителя Николая, тем более, что и мужа-то у тети Иры звали Николаем. Вот такая история. Семья эта долго дружила с нами. Тетя Ира через бабушку и маму посылала в храм деньги на свечи, подавала записки на Литургию.

Что же касается моего здоровья, врачи сказали, что почти все анализы у меня прекрасные. Это казалось им невероятным.

— Наверное, все лето на юге отдыхали?

— Нет, — ответила мама. — Сосновый бор под Нижним Тагилом да земляника...

Она хотела добавить еще что-то, но не стала. Не поймут. Я, наверное, тоже не до конца понимала тогда, что такое самоотверженная материнская любовь, умноженная на веру во всемогущую помощь.

* * *

Когда я переехала в Курган в 1995-м году, чтобы помогать своим ослабевшим родителям, папа дал мне кусок бирюзового шелка, из которого я сделала покров для любимой маминой иконы святителя Николая из села Утятское, перед которой она обычно молилась в Свято-Духовском храме. Я вышила на ткани стеклярусом кресты, обшила нарядной тесьмой и прикрепила внизу с двух сторон по веточке искусственных ландышей. Работала долго и кропотливо. Когда все было готово, я, прежде чем отдать в храм, принесла показать маме, чтобы воскресить в ее памяти кусочки нашей жизни в Нижнем Тагиле.

В день, когда я принесла показать свою работу, матушка Нина, упав в огороде и ударившись головой, совсем потеряла зрение; видела только свет и темноту. Она трогала руками мою вышивку, стараясь ее представить, и вдруг вспомнила: «Ландыши! К иконе святителя Николая? Как трогательно! Когда меня прооперируют, я обязательно все рассмотрю, очень интересно». Покров унесли в храм и облачили им икону Святителя. После операции матушка Нина начала видеть одним глазом, но больше ни разу, по состоянию здоровья, не смогла побывать в храме...

Трудные годы

Труды мамы не были напрасными. С музыкой у меня все обстояло благополучно. Выступления на городских концертах, выезды музыкальной школы с показом лучших учащихся в город Свердловск... В числе этих детей была и я. Так время подошло к выпускному седьмому классу.

Помню торжественный выпускной экзамен, его принимал представитель Свердловской консерватории. После экзамена маму попросили войти в экзаменационный класс. Она долго оставалась наедине с комиссией за закрытыми дверями и вышла совершенно счастливая и одновременно испуганно-озабоченная. Комиссия посчитала необходимым рекомендовать ее дочери Ольге продолжить музыкальное образование на профессиональном уровне в музыкальном училище. Это означало, что нам надо перебраться в Свердловск, потому что в Нижнем Тагиле была в те времена только музыкальная школа-семилетка. Ради моего образования маме необходимо было решиться на переезд в другой, незнакомый город, где не было ни жилья, ни работы, ни родных рядом. Не было ничего, кроме остро стоящего перед ней вопроса: «Что же делать?» И ответить на него могла только она. Сколько горячих молитв было вознесено к Спасителю, чтобы решиться на такой судьбоносный шаг? И Господь подал ей вразумление в виде сна. Но сон этот увидела не она, а я — ее дочь, даже не подозревавшая о глубине маминых сомнений и терзаний.

Однажды утром я рассказала ей:

— Мамочка, ты знаешь, я сегодня видела во сне нашего Господа Иисуса Христа.

Мама побледнела.

— И что было дальше?

— Как будто я сижу в комнате за роялем, и вдруг входит Он. На голове у Него веночек из роз. (Есть такая детская песенка: «Был у Христа-младенца сад...» Песня «вошла» в сон в виде венка из роз.)

— Ну и что же потом? Господь тебе сказал что-нибудь?

— Да. Он дал мне ноты, свернутые в трубочку, и попросил поиграть Ему. А потом... я не помню, что было...

Как тут быть? Ведь ребенок не может придумать такое от себя. Самое интересное, что я до сих пор помню свое состояние от сна: мне тогда почему-то казалось, что это кошунство. Как я посмела видеть во сне Самого Господа? А Он еще со мной разговаривал, и ноты дал. Сон я рассказывала маме почему-то с чувством вины. Мама же это восприняла по-другому. После совета с родными моя бесконечно дорогая мамочка, перенапрягая в очередной раз свои силы, решила на переезд в Свердловск. Опять поиск жилья, работы, трудности самого переезда, ведь занятия музыкой требовали не менее 3–4 часов в день, значит надо перевозить и инструмент...

Отрезок нашей свердловской жизни я достаточно подробно описала в главе «Встреча». Конечно, если бы не мама, ничего из музыкального образования на профессиональном уровне у меня не получилось бы. То, что я стала музыкантом, — только ее заслуга, только ее самопожертвование.

Пятно

Чтобы лучше представить себе нашу с мамой жизнь в Свердловске, расскажу об одном эпизоде.

Сейчас, на общем фоне нашей современной жизни, этот случай может показаться незначительным, почти пустяком, но не надо забывать, что это было начало 50-х годов, когда кусочек штапеля на платье казался роскошью. Так жило подавляющее число людей.

Ателье женской одежды индивидуального пошива, где работала мама, считалось высокоразрядным. В нем принимали заказы из дорогих тканей. После войны особо выделялись семьи военных, только что вернувшихся из Европы. Их благосостояние было значительно выше, чем у других людей. Приезжая на Родину, они привозили в подарок своим родным красивые трофейные ткани, которые большинство наших женщин видело впервые.

В один из вечеров мама пришла домой напряженная и заметно взволнованная. Взглянув на нее, я поняла — что-то произошло. А случилось следующее... Несколько дней назад в ателье, где работала мама, поступил заказ от жены приехавшего в отпуск военного. Для пошива платья заказчица принесла редкой красоты материал, полюбоваться которым сбежались все женщины ателье. Это был тончайший шифон жемчужно-голубого цвета с ажурными узорами из панбархата того же оттенка. По всей ткани проткана искристая нить. Ткань — мечта!

Женщины восхищались материалом, ахали и вздыхали. Заказчица, миловидная и приветливая блондинка, была непринужденно говорлива. Пока снимали мерки и обсуждали фасон, она рассказала почти всю свою биографию. Наконец, обговорили срок заказа, и она ушла. Заказ определили по высшему разряду сложности и отдали в работу маме. Ответственность, конечно, большая!

Прошла первая примерка, все, казалось, было нормально. Этим заказом мама дорожила

особенно, без молитвы к работе не приступала. Ткань — очень сложная для пошива, рассчитана на швейные машины совершенно другого уровня, которых в ателье просто не было. Материал то тянулся, то сжимался, собираясь вдоль золотистой нити, заправленной в машинную иглу. Мама волновалась и часто мыла руки, чтобы не запачкать ткань. Она постоянно протирала швейную машину и стол, где лежали детали изделия.

В тот злополучный день с утра она приступила к обработке круглой горловины платья. Положив ткань под машину, она прошила намеченный шов и вдруг с ужасом заметила, как по линии шва расплывается жирное, масляное пятно, капнувшее, очевидно, с машинной иглы. Мама вскрикнула, прижав ладони к лицу, и... словно онемела. Коллеги, зная сдержанный характер мамы, подбежали к ней и одновременно все застыли у ее рабочего места. Картина была, конечно, удручающая: по нежному жемчугу шифона на линии горловины расплзлось жирное темно-бурое пятно...

Оказалось, что накануне вечером в цехе работал механик, регулируя и смазывая швейные машины, но мама об этом не знала.

Она сидела, как окаменевшая, понимая, что беда непоправимая — ей не только не хватит денег на новую ткань, но такую просто не найти. Все попытки вывести пятно оказались безуспешны. Пробный лоскуток затерли до дыр — зловерное пятно торжествующе оставалось на ткани.

Вечером, не помня, как закончился рабочий день, она поехала в Иоанновскую церковь, единственную действующую в то время в Свердловске. Молилась, плакала. Домой вернулась с опозданием, и по ее заплаканному виду я поняла — случилось что-то недоброе. Рассказывая об этом, она плакала, я — тоже. Непоправимость беды была очевидна. Перед сном мы присоединили к вечернему правилу молитвы Пресвятой Богородице «Скоропослушница», акафист святителю Николаю и, утомленные переживаниями, уснули.

На следующий день неожиданно позвонила заказчица и сказала, что не сможет прийти за платьем в указанный срок, так как уезжает отдыхать по «горящей» путевке. Неприятные выяснения задержались на месяц.

Жизнь продолжалась. Мама со свойственной ей аккуратностью выполняла другие заказы. Платье со злополучным пятном висело в шкафу у заведующей. Ни мама, ни ее коллеги по ателье так и не смогли ничего придумать, чтобы избавиться от пятна, которое жирным ободком охватило вырез горловины. «Ну, не плачь ты, Нина! Что-нибудь придумаем», — больше для утешения говорила заведующая.

Как мама молилась этот месяц! Почти каждый день после работы она ездила в храм, и даже ночью я видела ее склоненной перед иконами. Положение казалось безвыходным. «Где взять столько денег, чтобы заплатить за ткань, купленную на валюту? какой трудный разговор предстоит с заказчицей, как подвела она репутацию ателье...», — эти мысли измучили маму. За месяц она осунулась, похудела, тая на глазах...

Придя в один из вечеров домой, она, пытаясь, но не в силах что-то рассказать, снова начала плакать. «Ну вот, — подумала я, — теперь надо продавать пианино, больше все равно нечего». Но произошло следующее. Днем в ателье позвонила веселая и ничего не подозревающая заказчица и справилась о своем платье. Заведующая ответила, что с пошивом возникли некоторые осложнения, и заказ пока не готов...

— Как хорошо, — последовал неожиданный ответ. — Мне хотелось бы изменить фасон платья и сделать вырез поглубже. Это очень сложно? Дело в том, что я не могу приехать на примерку —

оформляю документы за рубеж... Пожалуйста, сделайте вырез по своему усмотрению, а я приеду уже за готовым платьем.

Это было совершенно неожиданное для всех решение безвыходной ситуации — простое и без дополнительных затрат. По горячим молитвам мамочки тяжелая неприятность разрешилась сама собой.

— Ну, Нина, тебя и вправду Господь любит, — говорили ей женщины из ателье, — просто удивительно, какое произошло чудо...

Мама быстро взялась за работу и дошила платье, которое стало еще более модным и нарядным. Молодая женщина, довольная новым фасоном, радостно поблагодарила заведующую и, не задерживаясь на примерке, забрала заказ, уехав на черном автомобиле в свою красивую, недоступную для других жизнь.

После этого случая мама несколько месяцев заказывала в церкви благодарственные молебны. Она сильно пережила все, что случилось, и, очень медленно приходила в себя.

У Господа все возможно. Казалось, ситуация безвыходная, но как скоро приходит Он на помощь, когда мы с и надеждой полагаемся на Него.

Послесловие к главе «Матушка Нина»

С момента возвращения отца Григория с Севера и последующего отъезда на место его назначения в город Кушву начинается следующая, скромная с виду, но наполненная новыми заботами, трудностями и волнениями страница подвижничества матушки Нины. Теперь она становится регентом кушвинского церковного хора, помощницей папе во всех его делах, хозяйкой дома священника, к которому постепенно начинают тянуться со своими радостями и печалью люди. Постоянные репетиции с хором, службы. А ведь душа болит теперь о ней, о дочке. Ей всего шестнадцать, и она одна...

Время течет, батюшку переводят в Нижний Тагил. Авторитет его растет. Растет и число страждущих, обращающихся к отцу Григорию за помощью. Теперь уже люди приезжают и останавливаются на пару дней у них дома, и всех надо принять, обогреть, всем улыбнуться. А еще не только накормить, но и уложить на ночлег. Для всех должна быть чистая постель. Кого-то из немощных прихожан надо и на вокзал проводить. Гости сменяются одни другими. Родители почти не бывают одни. Матушка, к тому же, опять несет послушание регента уже в нижнетагильском храме. Годы идут, и с ними увеличивается число духовных чад отца Григория. Помню, как на праздники им приходило по 50–60 писем с поздравлениями.

Есть два типа человеческой психики. Экстраверты легко и как-то незаметно для себя общаются одновременно с большим числом людей. Это нетрудно им, потому что естественно для их характера. В противоположность им существует другой тип нервной деятельности — интроверты («в себе»). Эти люди на общение идут нелегко, любое событие в их жизни, даже самое незначительное, оставляет, как камень, брошенный в воду, долго расходящиеся круги. Они так же дружелюбны ко всем, но постоянное общение с посторонними людьми тяготит их, каков бы ни был гость.

Такой была матушка Нина Сергеевна по природе человек сдержанный. А условия жизни, в которых она теперь оказалась, тяжелы были даже для стопроцентного экстраверта. Контакты, постоянный прием людей, хозяйские хлопоты и общение... — непрекращающееся общение с людьми после шестнадцатилетней полной изоляции, тишины и уединенной работы швеей. Но

она сказала себе: «Если идут и едут к батюшке, значит, в нем нуждаются. Я, как матушка, как самый близкий человек, должна обеспечить ему возможность общения с людьми. В этом мой долг жены священника. Долг матушки. Как бы это ни было трудно, я должна себя преодолеть и, если потребуется, создать для батюшки и его гостей атмосферу душевного комфорта и бытовые удобства, какие только в моих силах». И так всю оставшуюся жизнь. Проходили годы, и чем сильнее и опытнее духовно становился отец Григорий, тем большее число людей тянулось к ним в дом.

А с дальнейшим переездом в Курган возникли дополнительные трудности. Матушка, как всегда, несла послушание регента. На курганском приходе, в поселке Смолино, папе пришлось служить одному, поэтому во время приездов правящего архиерея мама несла двойную нагрузку: во-первых, надо на должном уровне обеспечить церковное пение, ведь архиерейские службы намного сложнее для хора и регента, во-вторых, после службы она уже не регент, а хозяйка дома, в котором Владыка, как правило, останавливался ночевать вместе с сопровождавшим его клиром. Она должна устроить приезжих по возможности удобно, приготовить угощение, всех накормить. Сами же батюшка с матушкой ютились в полуподвальной комнатке этого же дома, так как в те времена отдельного помещения для приема высоких гостей не было.

Я помню, как мама с радостью, немного краснея, показывала мне благодарственное письмо архиепископа Климента:

«Спасибо хору и регенту Пономаревой Нине Сергеевне за прекрасное пение, очень способствующее высокому настрою всей службы. Получил настоящее истинное музыкальное удовольствие, столь редкое теперь. † Архиепископ Климент».

Позднее, к сожалению, матушка Нина оказалась гонимой. Представить себе невозможно, как остро она переживала, когда ее отстранили от регентства в церковном хоре Свято-Духовского храма, который она создавала в течение многих лет, вкладывая свой опыт, знания, труд и талант. Оказалось, что партитуры, которыми руководствовалось на протяжении многих десятков лет не одно поколение священства Пономаревых и Увицких, «слишком сложны», даже «не нужны» и могут быть не поняты молодым поколением верующих. Ее ноты были отложены в сторону, хор постепенно переформировали, и более она уже никогда не регентствовала в Смолино.

Не нужна...

Глава 7. Корни наши — опора наша

Господи, сподоби небесной славы родителей моих и близких, бодрствовавших над детской моей колыбелью, взрастивших и воспитавших меня. Господи, прослави пред ангелами благовествовавших мне слово спасения, учивших меня добру и правде святыми примерами своей жизни...

(Акафист об упокоении усопших, икос 10)

Рассказывая о жизни моих родителей, невозможно не сказать несколько слов о судьбах протоиерея Александра (архимандрита Ардалиона) и матушки Надежды Пономаревых — родителях отца Григория, и о протоиерее Сергии и Павле Ивановне Увицких — родителях матушки Нины.

О семье Пономаревых

Бабушка Наденька, как ласково ее называли, ассоциировалась в моем детском сознании с зеленым холмиком за алтарем невянской кладбищенской церкви. «Тут похоронена твоя бабушка Надя», — говорила мне мама, и глаза ее становились печальнее обычного. Видя ее печаль, я тоже пыталась грустить, но маленькому детскому сердцу горечь утрат была еще неведома.

— А какой была моя бабушка?

— Доброй и нежной. Она была очень красивая.

— А почему она умерла, — спрашивала я, глядя на фотографию молодой хрупкой женщины, — ведь она была нестарая?

— Господь, Леленька, знает, когда призвать к Себе. У бабушки было слабое здоровье. Ты уже большая девочка и должна понимать, что она не вынесла бы тех продолжительных испытаний, которые выпали на долю семьи Пономаревых. Сначала арестовали твоего дедушку — архимандрита Ардалиона, принявшего после ее смерти монашеский постриг, а затем и сына — твоего папу... Господь знает силы каждого, и теперь она молится за всех нас там... И ты о ней молись.

Очень мало сведений осталось и о протоиерее Александре (архимандрите Ардалионе). Известно только, что ему, как и многим, предъявили обвинение по 58-й статье и осенью 1937-го года куда-то увели. Жизнь его, видимо, оборвалась почти сразу, потому что к тому времени он был уже в монашестве, что вызывало особую неприязнь у властей. Бескомпромиссный характер архимандрита Ардалиона, священника не в первом уже поколении, скорее всего ускорил печальный исход; на все запросы о нем в разные годы (даже после смерти Сталина) ответа никогда не было. Где и при каких обстоятельствах погиб архимандрит Ардалион — неизвестно.

По рассказам отца Григория, отец Александр обладал большой эрудицией, свободно владел несколькими иностранными языками. Конечно, такой заключенный, тем более священнослужитель, был невыносим для пролетарских «троек НКВД» ...

Увы! Так мало знаем мы о дорогих нам людях! У меня в руках — Евангелие отца Александра с надписью от 28 мая 1934-го года: *«В благословение и руководство в жизни дарится сие Евангелие милому и дорогому сыну Григорию Александровичу от любящего отца. А. Пономарев».*

Просматривая эти пожелтевшие листочки, можно представить те духовно-нравственные принципы, которыми руководствовалась семья Пономаревых. Вот несколько страничек, вложенных в Евангелие, с чернильными записями, сделанными рукой отца Александра:

«Это так нужно, здесь люди не от злобы ж своей действуют, а это Бог через них хочет испытать мое терпение и смирение. Буду все терпеть ради Иисуса Христа».

«Внимай себе; да не будет в сердце твоём тайного слова незаконного» (Втор.15:9).

«Евангелие, по словам Григория Двоеслова, это река, которую легко переплывет ягненок, и в которой свободно может купаться слон. Восьмилетняя девочка с наслаждением, восторгом будет зачитываться Библией, и семидесятилетний ученый с гениальным умом, глубоким опытом будет с благоговением углубляться в нее».

И далее рукой отца Александра выписаны стихи И. С. Никитина:

Измученный жизнью суровой,

Не раз я себе находил

В глаголах Предвечного Слова

Источник покоя и сил.

Как дышат святые их звуки

Божественным чувством любви,

И сердца тревожные муки

Как скоро смиряют они.

Здесь все в чудно сжатой картине

Представлено Духом Святым

И мир, существующий ныне,

И Бог, управляющий им.

И сущего в мире значенье,

Причина и цель, и конец,

И Вечного Сына рожденье,

И крест, и терновый венец.

Как сладко читать эти строки,

Читая, молиться в тиши,

И плакать, и черпать уроки

Из них для ума и души.

И вновь выполненные от руки чернильные записи отца Александра:

«Иосиф Флавий говорит, что изучение на память слова Закона Божиего есть наилучшее искусство (Кн. 4, гл. VIII, 12), — ...на что он смотрел как на причину счастья».

И далее:

«Внушай слова закона, Израиль, детям своим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогой, и ложась, и вставая. И навяжи их в знак на руку свою, и да будут они повязками над глазами твоими; и напиши их на косяках дома своего и на вратах своих» (ср. Втор.6:7-9).

Читая духовный дневник отца Григория, можно заметить, как много внимания уделял он такой добродетели, как молчание. В его духовных советах чадам есть наставление:

«Что знаешь — молчи, что слышишь — молчи...»

Примечательно, что и протоиерей Александр Пономарев обращался к библейским премудростям, бичующим грех многоречия. Вот его выписки:

«Многоречивый опротивеет, и кто восхищает себе право говорить, будет возненавиден» (Сир.20:8).

«Удар бича делает рубцы, но удар языка сокрушает кости» (Сир.28:20).

И далее ссылка на слова из Послания апостола Иакова:

«Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие» (Иак.1:26).

Может быть, эти выписки, заботливо сделанные протоиереем Александром Пономаревым, призывали и отца Григория к внутреннему вниманию, чтобы стяжать добродетель молчания и учить немногословию духовных чад.

«Нам нужно в памяти держать, — писал отец Григорий, — святую заповедь: «Поминай последняя своя, и во век не согрешишь!» Если будешь это в памяти своей держать, то будешь стараться управлять своими телесными органами: руками, ногами, а особенно малым органом — языком».

Эти мысли отца Григория переплетаются с записями архимандрита Ардалиона:

«Образование характера и духовная культура — важнейшие условия предохранения телесного здоровья от ущерба и растраты. Без исполнения духовно-нравственных интересов всякое физическое укрепление можно сравнить с капиталом, который поступает в руки невоздержанного и расточительного человека и служит для того, чтобы в самое короткое время быть растраченным на удовлетворение дурных страстей».

Хотя об архимандрите Ардалионе мало что известно, но почти все за него говорят записи, оставленные им в 1934-м году не только сыну, но и всем нам... Эти духовные семена, возвращенные не одним поколением священнослужителей семьи Пономаревых, дали плоды во имя Господне в духовном наследии отца Григория.

И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос... (Мк.4:8).

О семье Увицких

О дедушке и бабушке с маминой стороны я знала значительно больше. Я выросла на руках у бабушки Павлы Ивановны. В голодные военные годы, когда мама осталась одна и напрягала все силы, стремясь что-то заработать, бабушка занималась моим воспитанием.

Мы всегда с ней очень дружили. Конечно, она любила всех своих внуков, но они жили с родителями, у меня же была только мама. А папа — где-то там... так далеко, что думая об этом, бабушка, конечно, страдала тройне: за него, маму и меня, совсем еще маленького ребенка.

Жизнь бабушки и дедушки Увицких (в девичестве бабушка носила фамилию Огородникова) началась поэтично. Дедушка — студент Казанского университета и выпускник Казанской Духовной Академии (со значком Академии, каким обозначался «диплом с отличием») — женился на Павлинке Огородниковой при романтических обстоятельствах.

Где они познакомились, точно не знаю, но в то время за бабушкой усиленно ухаживал сын Вятского «городского головы» (они жили тогда в Вятке). Его мать ясно дала понять родителям Павлинки, что если предложение о сватовстве не будет принято, то ворота их дома будут вымазаны дегтем. Старшему поколению хорошо известны последствия такого «позора»...

Положение было тревожным. На семейный совет призвали Сергея Увицкого — об их любви и планах на будущее все домашние Павлинки хорошо знали. Приехали и друзья Сергея по Академии, и вот что было придумано. Родители бабушки договорились «дипломатично тянуть с ответом» нежеланному жениху, а в это время друзья Сергея должны были втайне организовать его венчание с Павлинкой в одном из сельских храмов недалеко от Вятки, верстах в 20–25 по Каме.

В ослепительный летний день семейство Огородниковых отправилось на прогулку на лошадях... На самом же деле в небольшом деревенском храме, где все было уже заранее приготовлено, в этот день состоялось венчание молодой четы Увицких. Всех родных оповестили заранее.

Жених и невеста сияли красотой и счастьем. Все было таинственно и романтично. Венчание всегда волнует и радует душу каждого человека, а тут еще такие особые обстоятельства... Молодежь — в приподнятом «заговорщицком» настроении, пожилые — посмеиваются удачной затее.

Трогательно и проникновенно совершилось таинство венчания в дальнем деревенском храме. А после прямо на лугу одного из берегов Камы были набросаны ковры, расставлены столы, и состоялся свадебный пир под открытым небом.

Лужайку окружали молодые елочки, и вся она была покрыта, буквально как свадебной скатертью, огромными ясноглазыми ромашками такой величины, каких моя дорогая бабушка больше уже никогда не видела.

Было все: и благословение родителей, и свадебные тосты родных и друзей, и сияющие глаза молодых, которые можно было сравнить лишь с блеском камской воды под лучами солнца. Дивные ромашки, как свадебные букеты, украшали этот необыкновенный праздник. Казалось, что любовь, радость и счастье никогда не покинут молодую семью, но только любовь и осталась с ними до конца жизни.

Из леса потянуло вечерней прохладой. Легкие, как Павлинкина фата, облачка речного тумана стали обволакивать ели, стоявшие у реки. Уставшие гости уже собирались в недолгий путь к дому, а молодой месяц с любопытством и удивлением обозревал неожиданных на этой лесной поляне посетителей. Все стало немножко призрачным... Призрачным и нереальным в свете догорающей зари, в ее отблесках на воде и в особой минуте тишины — тишины ожидания будущего.

Огромные фарфоровые чаши ромашек тянутся к месяцу, позванивая своими точеными лепестками... Попискивание птиц... Шорохи лесного зверья, затихающие перед ночным сном... Сон... Дивный летний сон!

Это была гармония природы и человека. Души людей вбирали в себя красоту и благодать, чтобы в тяжелые минуты жизни, засветившись маяком воспоминаний, эта благодать могла дать им силы...

Как часто мы бываем бессильны осознать, сколько даров получаем от Господа — даров, которые мы не заслужили по своей греховной человеческой природе. И конечно, нам никогда

не оценить, не вобрать сполна это Божественное откровение — минуты, соединяющие нас с нашим Творцом.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной.

Срок настанет — Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав,

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленям припав.

Иван Бунин

Вскоре Сергея Увицкого рукоположили во иереи, и он был назначен в один из приходов. Жизнь священника по роду служения чем-то сродни жизни военного. Беспрекословное подчинение, необсуждение послушаний и, чаще всего, переводы с одного прихода на другой...

Молодую чету Увицких назначили в город Могилев, где дедушка служил несколько лет; здесь у них родилось двое старших детей. Затем отец Сергей получил назначение в город Екатеринбург и послушание на преподавательскую работу в епархиальном училище. В Екатеринбурге родились еще двое малышей — моя мама и ее брат Николай.

Жизнь семьи Увицких, по рассказам бабушки, была содержательной, наполненной общением с интересными людьми. В Екатеринбурге у них появились новые друзья: пианистка Мария Николаевна Сенилова и известный уральский писатель Павел Петрович Бажов, который тоже преподавал в епархиальном училище. Какие интересные вечера устраивались у них в доме! Отец Сергей брал в руки скрипку, Мария Николаевна садилась за фортепиано... Павлянька тоже играла и пела. Когда же родился Николай — младший сын Увицких — Павел Петрович Бажов и Мария Николаевна Сенилова стали его крестными.

Шли годы, и дедушка получил новое назначение — в город Камышлов, ректором духовного училища. Это были уже времена смут, волнений и смены властей. Жизнь стала беспокойной и опасной. Духовному училищу дали предписание эвакуироваться в город Иркутск. Уезжали многие — у людей исчезала уверенность в сегодняшнем и, тем более, в завтрашнем дне.

Много лишений, трудностей и невзгод вынесла семья Увицких в последующие годы. Павла Ивановна рассказывала, что когда они жили в Иркутске, то попали под перекрестный обстрел «красных» и «белых». Находясь в университетской ограде, они видели пролетающие над ними снаряды и слышали, как невдалеке рвались бомбы.

Через год Увицкие вернулись в Камышлов, где дедушку неоднократно арестовывали за церковные проповеди. Впоследствии его заключили в екатеринбургскую тюрьму, там он заболел тифом, но после пребывания в тюремной больнице был освобожден. Все жили в большом напряжении.

В Екатеринбурге начинался голод. Бабушка говорила: «Голодали до ужаса»...

В это время из села Меркушино Верхотурского уезда к екатеринбургскому епископу приехали прихожане меркушинского храма просить назначить им священника. Выбор пал на отца Сергия, и всей семьей они едут в Меркушино, под покров праведного Симеона Верхотурского. В этом уезде голода не было. Хлеб — в достатке, торговые ряды завалены огромными рыбинами. Под защитой святого Симеона они понемногу пришли в себя и уже сами могли помогать голодающим, приезжающим в Меркушино из других мест. В Симеоновском храме дедушка много служил и постоянно проповедовал — у него был дар слова. За это его снова стали притеснять.

Опять переезды, служба в нижнетагильском Никольском храме на Вые, куда отца Сергия назначили настоятелем и одновременно благочинным Нижнетагильского благочинья.

Надо сказать, что Никольский храм в Нижнем Тагиле в архитектурном отношении был уникальным. Построенный Демидовыми по типу московского храма Христа Спасителя, он имел нижний храм, в котором находилась усыпальница знаменитых Демидовых с оригинальными скульптурными группами членов семьи, выполненными итальянскими мастерами из мрамора, малахита и нефрита. Дедушка говорил, что это бесценные художественные произведения.

В 1928-м году отца Сергия вновь арестовали. Храм закрыли, а через несколько лет взорвали во всей его красоте. Долгие годы на этом месте был рынок.

Нижний Тагил особо славился своими зарытыми (в прямом смысле) ценностями из дома Демидовых. Детство мое прошло в Нижнем Тагиле, и, бывая в гостях у тагильчан, я часто видела у них необычайной красоты старинную посуду (явно из разоренного дома Демидовых) и древние иконы (возможно, из взорванного Никольского храма). Были и небольшие скульптуры или фрагменты скульптур из малахита и нефрита. Несмотря на свой детский возраст, я интуитивно понимала, что это были шедевры...

В этом же 1928-м году после взрыва Никольского храма дедушку выслали в Вишерский ГУЛАГ.

До 1937-го года, когда НКВД возглавил Ежов, свидания с заключенными, очевидно, можно было добиться легче, чем впоследствии. По милости Божией, бабушке было разрешено свидание с мужем, и она вместе с младшим сыном Николаем отправилась в этот край — край дикой природы, северных коварных рек и речушек, таящих опасность, край огромных лесных массивов, закрытых колючей проволокой, с вышками для часовых. В эти годы почти всю страну стали покрывать огороженные колючей проволокой лагеря и скорбные «поля тишины» — места массовых погребений безымянных заключенных.

Николай сопровождал бабушку в этом нелегком пути, пролежавшем по двум или трем рекам. Они плыли и на небольшом парходике, и на моторной лодке, и даже на простой плоскодонке. Для Павлы Ивановны эта поездка была отчаянным шагом, так как с детства она смертельно боялась воды.

Впоследствии Николай Сергеевич описал эту поездку. Он писал, как они плыли под нависшими над водой скалами громадного утеса, который, неожиданно вырастая, загораживал собой полнеба. При приближении он выглядел угрожающе. Описал Николай и одинокий «камень-говорун». Любые разговоры в этом месте через пару секунд повторялись с прежней четкостью, отражаясь от каменного столба. Впечатлений во время пути было, конечно, очень много, но их перебивал страх и боль за судьбу родного человека.

Встреча с ним состоялась. Лагерное начальство, узнав, что заключенный владеет латынью,

назначило отца Сергия врачом лагерной зоны, посчитав это «наказание» для него вполне достаточным. Как отец Сергей ни уверял, что знание латыни не дает права лечить — убедить кого-либо было невозможно. Именно благодаря тому, что он был «врачом», свидание разрешили на несколько дней.

— Вот и врачую, — говорил он приехавшей бабушке, — молитвой да принципом «не навреди»...

Когда бабушка с Николаем уезжали, дедушка отдал им Иерусалимский крест, в который была вложена частица Древа Господня. Этот крест дал отцу Сергию в Вишерском ГУЛАГе старенький больной священник — отец Николай, который, видимо, боялся, что долго в таких невыносимых условиях не протянет. При обыске отцу Сергию несколько раз приходилось прятать святыню, и он очень боялся, что крест попадет в чужие руки и над ним могут надругаться... Крест этот очень помог бабушке на обратном пути из мест ГУЛАГа. Свидание в Вишере состоялось в июне 1931-го года.

А осенью этого же года бабушкин племянник Петр Игумнов сумел выхлопотать еще одно, двухчасовое свидание, но уже на Беломорканале, куда был переведен дедушка. Жуткие рассказы поведал он бабушке во время встречи. В лагере Беломорканала заключенных подвергали тяжелым пыткам: набивали комнату людьми, вплотную стоящими друг к другу, так что сесть было совершенно невозможно, затем включали ослепительный свет и вынуждали людей часами стоять в таком положении. Охрана в это время следила за теми, кто, изнемогая, начинал падать или висел, удерживаемый своими товарищами. Несчастливого подвергали тяжкому избиению...

И самое последнее свидание, если его можно так назвать — там же, на Беломорканале. Бабушка идет по зоне... Кругом вышки, колючая проволока, повсюду снующие люди... Вдруг ее окликают какой-то старик: «Павлинька!» Так звал ее дедушка. В этом опухшем, совершенно седом, еле бредущем человеке бабушка не смогла узнать своего мужа. Но, взглядевшись в окликнувшего ее по имени человека, вдруг узнала его и зарыдала. Конвоир резко оттолкнул ее, заявив с усмешкой, что «свидание окончено». Это была их последняя встреча. В 1932-м году 12 марта дедушка умер, о чем много позднее было прислано извещение.

На одной из картин современного художника Ильи Глазунова изображена рука «вождя мирового пролетариата» с зажатой в ней огромной курительной трубкой. Рука занимает почти весь холст и загребает несметные толпы бегущих, ползущих и лежащих людей, которые в контрасте с рукой — не больше булавочной головки. Символично! Судьбы многих людей в то время оказались похожими, но когда связываешь эти трагические события с конкретной судьбой дорогого человека, то сердце еще более сжимается от нестерпимой боли и скорби...

Бабушка прожила до 92-х с половиной лет. Сколько еще пользы и добра принесла она за годы своей жизни! Много лет проработала Павла Ивановна регентом правого хора в единственной тогда в Нижнем Тагиле Казанской церкви на Вые. Она переписала огромное количество партитур и партий для хора. Даже лишившись после неудачной операции глаза, она продолжала (правда, с трудом) посещать храм. Хотя сама бабушка жила очень трудно, однако она всегда стремилась помочь бедным и голодным людям. Помогала всем своим детям, воспитывала внуков, и, дождавшись правнуков, преставилась 2 декабря 1977-го года.

Наверное, при встрече с дедушкой в мире ином она радостно могла сказать: «Путь к тебе был долгий и трудный, и каждый из нас шел своей тернистой дорогой во имя Господа нашего Иисуса Христа. Но теперь мы будем вместе славить Его, и ничто не омрачит нашей радости в светлом Небесном Царствии!»

Православные матушки

Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом.

(1Пет.3:3-4)

Примеры беззаветного и ревностного служения Господу и Его Святой Православной Церкви дало не одно поколение семей Пономаревых и Увицких. Но совершенно особенное служение — служение православных матушек, и мне хотелось бы на конкретных примерах, которые хранит еще память, показать значение и роль жены священнослужителя, будь то супруга диакона или иерея.

К сожалению, тоталитарный режим, в котором находилась наша страна 70 лет, уничтожил преемственность традиций православного образа жизни как всего государства, так и всех почти без исключения членов советского общества. Стерты были рамки канонического общения не только Церкви и государства, Церкви и общества, но и общение в самой Церкви верующих, которые в былые времена буквально с рождения впитывали православные устои.

Сейчас многие не знают, как правильно обратиться к священнику, тем более к архиерею, не знают правил поведения в храме, названия икон и многого другого. Может быть, именно поэтому часто случается, что людей, впервые переступивших порог храма, особенно молодых, так резко и даже зло одергивают за их неправильное поведение старушки, чем вызывают неприязненное отношение не столько к себе, сколько к самому храму. Конечно, не каждый человек, только что начинающий ходить в дом Божий, может и хочет понять, что старушка эта не желает плохого, а как умеет, охраняет чистоту церковных традиций. Проявляя ревность не по разуму, она сердится, делая то или иное замечание, повышает голос, вместо того, чтобы тихо, спокойно, вежливо разъяснить человеку, что можно и как нужно. Пишу это потому, что не раз бывала свидетелем таких неприятных сцен в храме.

Конечно, каждый из нас понимает, что в церкви мы лишь временные гости, и люди, приходящие в храм Божий, идут сюда не для выслушивания различного рода замечаний в свой адрес. Они приходят к Богу, Божией Матери и к святым угодникам Божиим. Они приходят к вере. Поэтому каждого из нас должны наполнять доброта и терпение, ласковое, внимательное отношение к ближнему и желание помочь человеку на его пути ко Христу. Об этом часто говорил своим духовным чадам отец Григорий. А если ты видишь, что происходит что-то не так, не по правилам, — ты без злобы и раздражения, а с добром подойди к человеку и тихо объясни, но не кричи на весь храм. Я уверена, что люди поймут и примут доброе и ласковое слово. Ведь никто из нас не станет кричать на младенца или смертельно больного человека и грубо одергивать его, а многие из только что пришедших в храм, как в духовную лечебницу, есть такие же «младенцы» или нуждающиеся в излечении больные люди. С ними нужно обращаться бережно, и тогда вместо озлобления разольется в душе человека благодарное чувство.

Вот как писал о подобной ситуации отец Григорий в своих духовных советах верующим «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души».

На вопрос: «*В храме порой так трудно стоять и молиться: ходят, толкают, разговаривают...*», — он отвечал словами Святых Отцов:

«Да, трудно! Но на храм, как прежде и на монастырь, надо смотреть как на больницу. И молитвы читают: «*Пришел во врачевницу*». И отец [Варсонофий Оптинский](#) говорит, что на

больных не обижаются. Кто чем болен: кто унынием страдает, кто — раздражением, кто — гневом, кто — нетерпением. И всех надо в жизни и в храме терпеть: все пришли к Богу и жаждут исцеления. И, конечно, посмотреть на себя: может быть, и от меня кому-то трудно, и я кому-то мешаю».

Прошу прощения у читателей за то, что невольно отступила от темы этой главы, но такие конфликты, к сожалению, имеют место в нашей жизни и являются печальным результатом утраченных нами православных традиций.

* * *

Никакими словами невозможно переоценить роль и значение матушки в жизни прихода. Несомненен и воспитательный характер поведения матушки, и пример ее как человека, чей образ служения, как сказано в Писании, это *не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом (1Пет.3:3-4)*. То, как общается матушка с людьми: с каждым ли страждущим, обратившимся за духовной помощью к священнослужителю, или с любым другим человеком — является лакмусовой бумажкой, по которой можно понять и настрой, и отношение священника к своей пастве.

Мысли мои возвращаются в далекое детство, и перед глазами встают дивные образы православных матушек, таких разных по характеру и по времени жизни, но одинаково светлых и, если можно сказать, благодатных — матушки священников, служащих в приходах того трудного времени, матушки репрессированных священнослужителей, матушки-вдовы... Так светлы были их лица, несмотря на все бытовые тяготы. Так они были дружелюбны и ласковы с окружающими, что люди тянулись к ним каждый со своей болью, с трудным и порой неразрешимым семейным вопросом, желая ощутить в них хотя бы частицу той благодати, которая дана была их супругам — пастырям.

* * *

Лишь по рассказам старших я знала о своей бабушке — матушке Надежде — матери отца Григория. Сколько света и тепла несла она людям! Как помогала всем, чем только могла: и советом, и сочувствием, и, если надо, материально, всегда стараясь поддержать в них веру и надежду на Господа. Она ушла из жизни очень рано, еще до моего рождения.

Другая моя бабушка — матушка Павла — мамина мама. О ней я, конечно, могу говорить и говорить, потому что почти до шестнадцати лет росла у нее на руках и на ее глазах. Очень многим, что было во мне заложено хорошего, я обязана ей. Помню, как мама вышивала по 14 часов за швейной машиной, зарабатывая на пропитание, а бабушка занималась домашним хозяйством и моим воспитанием.

Сама она была широко образована: знала языки, играла на фортепиано и очень хорошо пела. Она помнила массу историй из своей жизни, из детства и юности. Она много читала, пока позволяло ей зрение, и именно она вводила меня в круг своих литературных симпатий. Сначала сказки А. С. Пушкина, потом его же «Повести Белкина», рассказы Чехова, повести Тургенева, стихи Тютчева, Фета, Майкова. Всего не перечислишь. Но прежде всего, конечно, помнятся ее рассказы о Господе, о Пречистой Божией Матери и святых угодниках Божиих. Именно она стала моим первым законоучителем, постепенно открывая мне совершенно иной мир — мир веры в Иисуса Христа Сына Божия, что было недоступно и запретно для других моих сверстников. Павла Ивановна была регентом на правом клиросе нижнетагильского Казанского храма. Она часто брала меня с собой на церковные службы, и я видела, как

обращались к ней за помощью люди, и бабушка, перенесшая арест и смерть мужа, одна вырастившая четырех детей, находила в себе силы для утешения, ободрения и помощи каждому страждущим человеку, обратившемуся к ней.

Еще припоминается мне супруга отца Андрея Чечулина — Анна Гавриловна. Отец Андрей служил тогда в Казанской церкви Нижнего Тагила, а матушка Анна пела на клиросе. Семья жила покрепче прочих, но и помогала матушка каждому второму, и постоянно. Про родительницу одного из наших старцев сохранилось предание, что она хлебом, розданным бедным, устелила себе дорогу в рай. Подобное, наверное, можно было бы сказать и о матушке Анне Гавриловне Чечулиной.

Матушку Елизавету Николаевну Оранскую — тещу младшего сына протоиерея Сергея Увицкого Николая — я помню с детства и до последних дней ее жизни. Потеряв мужа — протоиерея Михаила (его расстреляли в 30-е годы), она осталась с пятью совсем маленькими детьми. Сколько горя, нужды, трудов ей пришлось пережить! Но когда бы ее ни видели — она была всегда бодра, приветлива, очень гостеприимна.

Я помню ее, когда сама была еще ребенком. Это была яркая, интересная, очень энергичная женщина с выразительными черными глазами. Единственного сына она проводила на фронт. Как горячо молилась она о нем! Ее дочери рассказывали, что матушку можно было видеть молящуюся среди ночи и осеняющую крестным знамением фотографию своего сына. Не зря сказано, что молитва матери со дна моря достанет — сын по ее горячим молитвам вернулся живой и невредимый и долгое время работал преподавателем фортепиано в музыкальном училище. Он был хороший музыкант и опытный преподаватель.

Всех своих детей матушка Елизавета Николаевна вырастила и «поставила на ноги». И все — одна! Ее доброта и участие к нужде других людей просто поражали. Когда мы с мамой жили в Свердловске и материально очень нуждались, то приезжали за помощью к Оранским, и Елизавета Николаевна, не имея денег, шла к соседям одолжить для нас с мамой. Много ли людей, сами имея в то трудное время нужду, оказали бы другому помощь? Обладая по своей природе очень живым, оптимистичным нравом, она и детей своих воспитала стойкими и жизнелюбивыми. В доме у них хорошо пели. У всех дочерей были красивые голоса. Приходить к Оранским было всегда весело и интересно, и дом их был добрый и теплый.

О матушке Елене Львовне Пономаревой, однофамилице семьи отца Григория и, одновременно, свекрови старшей дочери протоиерея Сергея Увицкого — Ольги, к сожалению, я знаю только по рассказам. Она потеряла мужа — иерея Петра — в ночь на Рождество Христово. Он скончался от тифа в 1919-м году в селе Салка недалеко от Нижнего Тагила, где был его приход. Матушка осталась с пятью детьми, младшему их сыну Александру тогда исполнился только год. Глубокая вера в помощь Господа помогли ей выстоять и поднять детей. В войну она проводила на фронт четырех своих сыновей, и (как горяча была молитва матери о своих детях!) все четверо без единой царапины вернулись после победы домой. Однако матушке Елене не суждено было увидеть их возвращение. В 1942-м году она скончалась от голода, отдавая свой паек и «аттестат», который присылал ей младший сын, жене и маленькой дочке другого сына.

Сколько судеб, сколько примеров чистой святой жизни женщин, потерявших свою опору и оставшихся в трудное время без мужей, но не забывших о своем предназначении быть матушками! Они как бы стремились восполнить людям отсутствие своих супругов-священников и всеми возможными средствами помогали нуждающимся тогда, когда сами так бедствовали. Несмотря на трудности и гонения, матушки свято чтити Православную Церковь и во всех своих невзгодах и трудностях, бедах и печалях уповали только на помощь и милосердие Господа. Не уклоняясь от святых заповедей Божиих, они воспитывали своих детей истинно

верующими православными христианами.

Матушка Коровина Анна Даниловна — супруга репрессированного протоиерея Леонида Коровина. Ее я помню с тех пор, как научилась ходить. К сожалению, место служения отца Леонида в памяти не сохранилось. Анна Даниловна и две ее дочери (Верочка и Ольга) были нашими соседями по дому. Глубоко верующая, очень интеллигентная семья. Матушка Анна, всегда добрая и чуткая к чужому горю, одна вырастила и выучила своих девочек. Про нее нельзя было сказать, что для нее самое легкое горе — это чужое... Трудности и беды окружающих она принимала близко к сердцу. Кроме потери мужа — отца Леонида, она пережила еще одну трагедию — смерть от туберкулеза старшей дочери Веры, которая к тому времени была уже инженером на Уралвагонзаводе. Душа матушки не взбунтовалась, а перестрадала, смиренно приняв то, что послал ей Господь. Всю жизнь до старости посещая храм и вознося молитвы о своих дорогих умерших, она оставалась чуткой к горю других, разделяла его и духовно, и, сколь возможно, материально. Скончалась она уже в преклонных годах на руках у младшей дочери Ольги, оставив в сердцах и душах людей светлую благодарную память о себе. А ведь годы-то были какие! Война, массовые репрессии, голод, нищета... Наверное, в такое время и познается подлинная сущность и ценность человеческой личности и истинная вера. Не зачерстветь, не загубеть в борьбе за выживание. Это и дары души, и воспитание с детства, и как бы отраженный свет пастырской благодати.

Все нам дается по дару Христа.

Несколько слов хочется сказать о супруге священника Константина Плясунова — Марии Александровне — сестре отца Григория. Она помогала такому количеству сирот и стариков, оставшихся без средств к существованию, что ее знал весь Оренбург, где служил отец Константин. Успевала она помочь и отцу Константину, который, будучи настоятелем оренбургского кафедрального собора и по послушанию много занимаясь епархиальными делами, писал еще и научно-богословские труды. Матушка участвовала в подборе научно-духовного материала для батюшкиных трудов и помогала в печати. Круг интересов Марии Александровны и ее забот был необычайно широк. Обладая сама, как и все дети отца Александра Пономарева, литературными способностями, она вела переписку с широким кругом журналистов, поэтов и литераторов (в основном Москвы и Самары), писала удивительные письма — такой глубины мысли, что их можно было назвать маленькими литературными шедеврами.

И, наконец, примером несения своего нелегкого, но верного служения православной матушки является моя мама, Нина Сергеевна Увицкая.

Обобщая все сказанное, хочется подчеркнуть самую главную мысль, что жена священника имеет перед Господом повышенные обязанности. Она несет свой особый крест и призвана разделять все трудности мужа — пастыря Церкви Христовой, облегчая ему бремя служения пастве, которой он обручен. До революции молодые девушки, оканчивающие епархиальные училища, получали необходимое образование и готовили себя для того, чтобы стать супругой священнослужителя. Они изучали и ряд богословских предметов, и церковно-славянский язык, пение, рукоделие и домоводство. Такая опытная и образованная жена становилась надежной помощницей священнослужителя в его нескончаемом труде. Своими знаниями, своим молитвенным настроением она была поддержкой мужу и образцом подражания для своих детей и для всех верующих.

В завершение хочется сказать, что Господь снова и снова призывает уже новое поколение молодых людей на служение Себе и Своей Церкви. И в этом стремлении посвятить себя целиком служению Господу большую роль играет женщина — жена или невеста будущего

священнослужителя. Насколько глубоко она понимает путь, выбранный ее близким человеком? Как он труден и для будущего батюшки, и для нее, не просто супруги, но той, которая несет перед Господом особое служение — матушки. Служение, которое заключает в себе, в первую очередь, жертвенность и умаление личных интересов ради батюшки, обрученного своей пастве.

Наверное, долг матушки — не быть как все, но постараться стать для каждого человека примером в благочестии и стяжании Духа Святого, чтобы в проявлении особой любви и сострадательности к ближнему помочь своему мужу-священнику заботиться о «словесных овцах», вверенных ему Господом.

Глава 8. Последние годы

Умудряясь и постепенно старея, жили и во славу Божию трудились мои бесконечно дорогие родители — отец Григорий и матушка Нина. Пришло время, когда в маленьких городах и поселках Курганской области стали открывать заброшенные, поруганные и оскверненные церкви. Свои последние годы они трудились именно в таких храмах. Они несли свое служение Господу. Трудились, бесконечно переезжая с места на место, принимая бесчисленное количество страждущих людей дома, уставая, но не ропща. «Значит, так угодно Богу», — говорила матушка Нина.

Годы скитаний

На старости лет отец Григорий и матушка Нина, уже немощные и больные, стали «перелетными птицами». Оставим все на совести тех людей, по вине которых это произошло, тем более, что некоторых из них уже нет среди нас. Те, кто живы, вероятно, покаются. Господь им судья. Родители, несмотря на тяжесть переживаний, относились к этим переменам с христианским смирением.

Начался новый этап жизни престарелых супругов, почти стариков — бесконечные поездки. Они уже и не знали, где их подлинный дом. Сложность заключалась в том, что каждое их новое назначение было временным, и переселяться насовсем из Кургана не было никакого смысла, — в любое время отца Григория могли перевести на новый приход. Сумки и тревный чемоданчик постоянно на ходу. В них только меняется белье, кладутся книги и ноты для очередной службы, и в путь. Они уезжали на субботу и воскресенье, а иногда и на целую неделю или на две.

Конечно, им преданно помогали друзья- курганцы. Кто-то приедет в пустующий, как правило, дом священника на день пораньше, чем они, истопит печь, что-то сварит для трапезы. Все-таки полегче. Но какое это постоянное беспокойство! Ведь они уже старики. Нина Сергеевна часто говорила, что когда ей приходилось просыпаться ночью, она начинала долго вспоминать, где они: в Кургане или в каком-то другом городе? А в их курганском домике, пока они так курсировали, постоянно проживал близкий им человек — тагильчанка Мария Константиновна Зинина. Она, конечно, оказывала им неоценимую помощь. Дом без присмотра на неделю и больше не оставишь: и протопить надо, и присмотреть. Она тоже несла свой крест, живя в доме одна: и одиноко, и страшно. Однажды ночью в дом лезли хулиганы, разбили стекло и смертельно напугали ее. Так и она невольно приняла свою долю страданий и трудностей.

Много и грустного, и радостного, а порой просто необычайного испытали мои родители в поездках по районным городкам. Были люди, которые начинали возмущаться, что батюшка слишком долго служит. «Ну не-воз-мож-но долго... — роптали они. — Уже коров надо доить, а он все служит и служит». Было и такое.

Приведу нехарактерный случай из духовной жизни отца Григория. Всегда снисходительный к человеческим немощам, он почти никогда не накладывал епитимий на кающихся, но был несгибаем, когда слышал хулу на Духа Святаго.

В одном из приходов после частой смены священников народ как-то сильно охладел к Церкви. Городок этот отличался большим количеством колдунов — экстрасенсов, занимающихся попросту ворожбой. Отцу Григорию пришлось на первых порах очень трудно, чтобы образумить паству и привлечь ее к искренней молитве и выполнению православного церковного устава.

Особенно сопротивлялась и негодовала одна пожилая «прихожанка». Как выяснилось позднее, она была человеком суеверным и занималась дьявольской утехой — ворожбой. Отец Григорий пригласил ее для разговора. Он хотел по-доброму наставить ее, объяснив греховность ее поведения. Вместо того, чтобы вразумиться, она вступила в недопустимую дискуссию, дерзкие пререкания, возмущения и, распалившись, дошла до хулы на Святаго Духа, упрекая отца Григория, что он ведет слишком долгие службы. Тогда батюшка, прекратив разговор, наложил на нее епитимью за грех святотатства и отлучил на долгое время от храма.

Что было потом с этой женщиной, я не знаю. Но только отец Григорий после произошедшего конфликта пришел домой совершенно больной, он долго и тяжело переживал это событие.

Когда папу определили служить в Богоявленский храм села Усть-Миасс, это назначение еще более усложнило их с мамой жизнь, потому что добираться из Кургана до места было возможно только двумя рейсовыми автобусами с пересадкой. Причем второй автобус мог и не прийти. И тогда родители и все, кто ехал с ними, добирались к службе почти 11 километров пешком — и в грязь, и в дождь, и в снег.

Помнится, когда отцу Григорию впервые довелось войти в закрытый многие годы до этого храм, его потрясла «мерзость запустения». Там, где был алтарь, толстым слоем лежала грязь, а вокруг голубиный помет, и не только... Когда батюшка вошел и увидел это, то упал прямо в алтаре, распростер руки и заплакал. Как осквернена была святыня!

Во время служения отца Григория в Усть-Миассе обнаружили могильную плиту в ограде за алтарем храма. Во время крестного хода кто-то запнулся о чугунный штырь или выступ. Стали по просьбе батюшки копать. Нашли чугунную надгробную плиту с надписью, что здесь похоронен первый священник, освящавший этот храм и прослуживший в нем около 50-ти лет. А храм старинный, большой. Видимо, когда закрыли **ЦЕРКОВЬ**, могилку со временем затоптали, и она затерялась совсем, но при возобновлении богослужений в храме обнаружилась. Конечно, ее привели в порядок. Отслужили панихиду. Отец Григорий записал имя батюшки в свой синодик, чтобы молиться за упокой души.

Так они и ездили, пока папу не сломили болезнь и операция. И мама всегда была вместе с ним. Ее вера в мудрость его решений и поступков была безгранична. Матушка Нина никогда не преклонила отцу Григорию. Она была бесконечно любящим и преданным другом для батюшки. И если бы потребовалось, то не раздумывая она отдала бы за него свою жизнь.

Операция

И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя.

(Лк.7:19)

16 января 1986-го года отец Григорий, согласно указу архиепископа Свердловского и

Курганского Мелхиседека, был назначен в город Куртамыш настоятелем Петро-Павловского храма.

Начиная с 20 января 1986-го года, беспрекословно приняв назначение, батюшка вместе с матушкой трудились в этом храме. Не вдаваясь в подробности, могу только сказать, что служение в Куртамыше в те годы было для них очень тяжелым — не только бесконечными поездками из Кургана в Куртамыш и обратно, но довольно сложной обстановкой, сложившейся в этом приходе. Были здесь у отца Григория недоброжелатели и случаи открытого неподчинения, не без подстрекательства отдельных людей.

Где бы ни служил отец Григорий, он всегда пунктуально соблюдал все каноны православной службы, ничего не пропуская и не сокращая. Прихожане же Куртамыша к тому времени привыкли к службам, которые длились в течение часа или, самое большое, полутора... Много пришлось потрудиться отцу Григорию, матушке Нине и верным их помощникам из местных и приезжих прихожан, чтобы службы в Петро-Павловском храме продолжались в полном объеме. Постепенно паства вразумилась, многие принесли покаяние, и храм Божий зажил спокойной, духовно наполненной жизнью. Однако сил на это противостояние было потрачено отцом Григорием очень много. Кроме того, годы делали свое, прибавляя болезни, и каждая поездка в Куртамыш давалась все труднее.

Уже в Рождественский пост 90-91-го годов, матушка заметила, что всегда очень бодрый отец Григорий как бы сник. Он очень изменился внешне: землисто-серый цвет лица, постоянные отеки на лице, на ногах и острейшие приступы боли в животе, которые настигали его в любом месте: в дороге, в автобусе, дома, во время службы... Стали это замечать и другие. Иногда батюшка во время службы (пения хора или чтения псалмов) стоял, согнувшись, прижимаясь к стене алтаря и держась за правый бок. Видно было, что он с трудом преодолевал боль, чтобы не упасть.

На вопрос: что с ним? — отмалчивался. Уж очень жестокою школу он прошел с юности на Колыме. Он просто не умел жаловаться.

Куртамышский храм первоверховных апостолов Петра и Павла. С великим трудом батюшка провел все службы Рождественского поста и со всеми вместе встретил Светлое Рождество Христово. На Святках ему стало хуже. Он уговорил маму не уезжать до Крещения в Курган, побережь силы. Однако каждый день уносил частицу его здоровья и, возможно, жизни. Мама, все близкие и друзья стали убеждать его поехать в Курган и обратиться к врачу. Отцу Григорию было 77 лет.

Вот отрывок из письма, присланного мне бывшим старостой куртамышского храма Юковым Владимиром Михайловичем:

«Запомнилось мне последнее его богослужение в Петро-Павловской церкви. 19 января 1991 год. Все произошло на моих глазах. В 3 часа ночи, как обычно, началась светлая Крещенская богослужебная ночь. Службу отец Григорий вел из малого Богоявленского алтаря нашего храма. На левом клиросе пели матушка Нина Сергеевна, Екатерина Михайловна Русинова, дочь ее Татьяна Владимировна, псаломщица Тамара Георгиевна Неверова и другие. А я прислуживал отцу Григорию. Праздничная служба приближалась к окончанию. Был уже отслужен молебен на Великое освящение воды. Вернулись в храм после крестного хода вокруг церкви. Отец Григорий стал принимать ко кресту. В этот момент у него начался сильнейший приступ желчнокаменной болезни. Он резко изменился в лице, побледнел, дал жестом мне знать, чтобы быстрее подходили ко кресту. Еще какое-то время принимал, но всех принять не смог. Согнулся и со стоном ушел в алтарь, а я обратился к братьям и сестрам, не успевшим

подойти ко кресту:

— Отец Григорий сильно заболел, прикладывайтесь к большому Распятию и с Богом спокойно идите на разбор Крещенской воды.

К счастью, в Куртамыше был в это время Николай Сергеевич Костин — духовное чадо батюшки. Он был на машине и увез отца Григория и матушку в Курган. Всю дорогу он молился, чтобы довезти батюшку живым. Дома болевой приступ утих, и отец Григорий засопровтивлялся не только в больницу обратиться, но даже вызвать врача.

Тут к делу подключилась духовная дочь отца Григория — Александра Александровна Верченко. В прошлом медсестра, удивительно умная, спокойная женщина, она убедил батюшку, чтобы его осмотрел врач. Привезли доктора — опытного терапевта. После осмотра врач сказал, что у больного острый приступ желчнокаменной болезни. Скорее всего, песком и камнями забиты все протоки и, Судя по всему, уже начался перитонит. Однозначно нужно ехать в больницу и оперироваться. Дай Бог, чтобы это было еще не поздно. Каких-нибудь час-два, и можно опоздать...

Папа с трудом встал, прошел в передний угол. Он долго молился. Потом поднялся с колен, на лице его была решимость, он полностью предал себя в руки Божии. Он понимал, что, быть может, жизни его отпущено еще только час-другой.

Я всегда буду испытывать чувство огромной благодарности ко всем, кто подключился к нашей беде. В больнице врачи, медсестры, весь медперсонал были очень внимательны к отцу Григорию. Его срочно прооперировали. Вот выписка из истории болезни № 707 первой курганской горбольницы: «Диагноз: острый гангренозный, калькулезный перфоративный холецистит. Местный перитонит. Артериосклеротический кардиосклероз. Больному 77 лет».

Уже через некоторое время после операции врачи говорили, что надежды на благополучный исход операции у них практически не было. Слишком все запущено, очень поздно обратились, да и организм сильно надорван и разрушен в целом. Однако, видимо, не все еще намеченное на земле Господом сделал протоиерей Григорий Пономарев.

За здравие батюшки молилось все священство Курганской епархии. Молебны о здравии были заказаны в Пюхтицкий монастырь, в Троице-Сергиеву Лавру... Молились все родные и все духовные чада отца Григория. Ручейки горячей молитвы ко Господу о здравии отца Григория стекались в один поток.

Выйдя из наркоза, батюшка, поняв, что операция позади, трижды перекрестился и сказал:

— Спасибо вам всем, — а потом спросил: — А где Ниночка? Она ведь меня домой должна забрать... Боюсь, что мне сейчас одному будет не добраться.

Таков был отец Григорий. Сочетание мудрости и какой-то детской наивности. Он был очень удивлен и огорчен, что ему еще так долго придется пребывать в больнице.

Меня вызвали из Екатеринбурга накануне перевода его из реанимации в отделение, когда нужна стала постоянная, неотлучная помощь родных. Врачи, сестры, нянечки, завотделением по несколько раз в день заходили к папе, чтобы узнать о его здоровье. Совершенно незнакомые люди останавливали меня на улице, спрашивали, не нужны ли ему какие-то дополнительные лекарства, можно ли принести фрукты.

Состояние батюшки постепенно улучшалось, и вместе с тем он никак не мог понять, почему

ему нельзя идти домой. Ему тяжело было находиться на ограниченной территории, тяготила и невозможность встать на молитву перед любимыми образами. Он скучал без службы. Состояние запрета! Он как бы вновь оказался в неволе и считал дни, когда ему снимут швы и выпишут из больницы.

Велико было удивление врачей, что, можно сказать, приговоренный к постели человек, да еще в таком возрасте быстро восстанавливает здоровье. Он уже просит принести в больницу книги, тетради, ручку. Беседует на духовные темы с врачами, сестрами, нянечками. Он уже в заботе о душах тех, кто спас его телесное здоровье. Девятого февраля 1991-го года его наконец выписали домой. Конечно, немало прошло дней, когда он по-настоящему смог ходить. Сначала по дому, двору, а вскоре и в храм.

Еще почти семь лет он прослужил на земле Господу, благодаря Его за излечение. После операции вместе с матушкой они выезжали несколько раз служить в праздники в близлежащие храмы. А также в течение последующих трех лет наездами служил отец Григорий в селе Житниково, недалеко от Кургана.

В Свято-Духовском храме в Смолино он служил до августа 1997-го года, по болезни выйдя «за штат». Теперь он только иногда служил здесь Божественную Литургию и почти каждую субботу и воскресенье исповедовал. Господь дал ему силы быть духовником епархии.

Опасный визит

Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.

(Мф.4:10)

Был и такой неприятный визит в жизни матушки Нины и отца Григория...

Как-то летним утром к нашему домику подъехала машина. Из серых «Жигулей» уверенно вышли двое: женщина средних лет и мужчина. Также уверенно они позвонили в дом, словно бывали тут много раз.

Я пошла открывать ворота.

— Здравствуйте. А мы к бабушке.

Ни вопроса, здоров ли он, может ли принять... Нет, ультимативно: «Мы — к бабушке, приехали из Куртамышя». Ну, думаю, ладно. Люди разные. Попросила подождать, чтобы узнать, сможет ли бабушка побеседовать с ними. Папа дал согласие, я повернулась, чтобы пригласить их в дом, а они уже сами входят, и опять такая уверенность во всем, я бы сказала, даже чрезмерная раскованность. Все это как-то не понравилось мне.

Кто бывал в маленьком домике в Смолино, знает, что прием своих посетителей бабушка вел прямо на кухне, около обеденного стола. Когда у меня бывали хозяйственные дела на кухне, и я видела, что не мешаю беседе посетителей с папой, то оставалась и доделывала работу. Естественно, если разговор носил личный характер, то, оставив все, я уходила в комнату. Иногда папа и сам просил меня об этом. В этом же случае мне почему-то захотелось, чтобы незваные гости сами ушли побыстрее, не начав даже разговора.

Посетители вели себя очень странно. Оглядывая скромную кухню, они задержали тяжелые взгляды на иконах... Папа, деликатно кашлянув, повторно пригласил их присесть и спросил,

что их привело к нему? Начал мужчина:

— Я, батюшка, хотел бы лечить людей, не дадите ли благословение?

— А кто вы по образованию, медик?

— Да нет, знаете, но у меня внутренняя сила большая, такое мощное биополе, что я воздействием его на людей могу излечивать всякие болезни.

— А вы в Бога веруете? Храм посещаете? На исповеди бываете?

Относительно посещения храма мужчина радостно закивал, остальные вопросы остались без ответа. Потом, вскочив, заявил, что у папы прекрасные иконы. Нельзя ли их поближе рассмотреть?

Тут отец Григорий очень спокойно и твердо сказал:

— Пожалуйста, сядьте и послушайте, что я скажу вам. Мы, православные христиане, перед святыми иконами молимся, а не рассматриваем их. Молимся мы и за болящих, но нет в нас дерзости сознания, что мы их излечиваем своим сильным полем и своим духом. Господь по молитвам и по Своему усмотрению может дать здоровье больным, однако это действие Святого Духа, но отнюдь не вашего духа и биополя.

Тут, видя что беседа принимает нежелательный оборот, вступилась женщина:

— Да что вы, батюшка! Мы все понимаем. Я вот еще и водичкой лечу. Очень помогает...

— Водичкой? Какой водичкой?

— Ну, как, я над ней всякие молитвы и заговоры читаю и даю людям пить. Очень помогает. Но говорят, чтобы лечение имело успех и чтобы укрепить в него веру людей, надо благословение старца.

Голос отца Григория стал тихий и какой-то тяжелый. Я подумала, что так ему приходилось иногда говорить в зоне:

— Так вот, опять же у нас, у православных христиан, водичка одна, которая приносит нам и успокоение и снимает боли, лечит болезни и различные недуги — это святая вода, освященная в храме Божиим священником. Этой водой можно лечить человека с верой и надеждой на Бога, потому что лечить-то будет Он, а не ваши шептания и заговоры.

— Ну вот что, уважаемые, — повысил голос отец Григорий, — вы приехали ко мне за благословением, за советом, и я его вам дам, а вы прислушайтесь к тому, что я скажу, не спешите, обдумайте. Я знаю, что вы не все мне сказали. Так вот вам мой совет: дай Бог, чтобы вам достало силы так как вы уже сильно увязли в дьявольских сетях...

— Да что Вы, батюшка! Да мы ведь не «черной», а «белой» магией лечим...

— Да, хоть зеленой. Любая магия — сатанинское учение, и все, кто занимается этой нечистью, отрекаются от Иисуса Христа и встают под знамена сатаны. Они погибнут сами и еще многие заблудшие души за собой потащат... Слушайте и не перебивайте меня. Я все понял, но желая вам добра, как любому созданию Божию, я должен вам объяснить: вы взрослые неглупые люди, Господь дал нам свободу воли и ум, и если вы не употребите все свои усилия, чтобы

разорвать с магией, вырваться из сатанинской паутины, то погибнете навечно. Неужели вам не страшно? Вдумайтесь только — «погибнете навечно»! Поезжайте в свой город, идите скорей в храм. Принесите свое искреннее покаяние о содеянном и о вашем заблуждении. Господь милостив. Даже в самый последний миг Он может простить раскаявшегося, ибо нет греха непрощенного, есть только грех нераскаянный. А далее ведите себя, как подскажет вам приходской священник. Не исключено, что он может наложить на вас епитимию. Значит, надо смириться и молить Господа, чтобы Он простил и грехи, и заблуждения ваши, и наставил на путь истинный. А сейчас помолимся, чтобы вы целы и невредимы добрались до куртамышского храма и успели принести покаяние прежде, чем Господь призовет вас к Себе. Я же благословляю вас на благополучную дорогу и путь к покаянию. Он голосом нажал на слова «дорога» и «покаяние».

После ухода «лекарей» что-то тяжелое и липкое еще висело в воздухе. Батюшка ушел в холодную комнату. Наверное, там он молился, потом прошел с кадилом по всему нашему домику и двору.

Лишь к вечеру он разговорился:

— Вот ведь раньше все это тоже было, а называлось проще: колдовство, ворожба, приворот, сглаз и так далее. Колдунами да ведьмами таких лекарей называли, а теперь — экстрасенс! Звучит-то по-научному, и у многих доверие вызывает...

И опять батюшка повторил фразу, которую он стал частенько повторять последние годы: «Да-а... И что только будет, когда кончится...»

На следующее утро, такое же светлое и ласковое, как и вчера, вновь «Жигули» остановились у наших ворот. Я вышла. Открываю ворота. Стоят двое, а третий из багажника достает и пытается засунуть во двор какие-то свертки, кульки с помидорами, ягоды, связку бананов... Я говорю:

— Стойте, стойте! Кто вы, к кому и что это за продукты?

— А мы к батюшке. Вчера наши приезжали, он их благословил. Мы вот тоже лечим и хотим, чтобы он и нас благословил...

От такой наглой лжи я просто онемела, потом поняла, что к папе этих колдунов- экстрасенсов допускать нельзя — он совсем недавно оправился от перенесенного на ногах инфаркта, обнаруженного позднее на кардиограмме.

Я поняла, что сейчас мне предстоит трудное сражение, правда эти гости были не такие напористые, как вчерашние, но все равно. Загородив собой вход, я сказала:

— Во-первых, батюшка болен и никого не принимает. Во-вторых, ваши друзья вас обманули. Весь вчерашний разговор проходил от слова до слова при мне. Батюшка не только не благословил их «деятельность», а посоветовал им как можно быстрее все это прекратить и идти в храм на покаяние, что и я вам советую, так как к батюшке вас все равно не пушу. Заберите свои свертки и поезжайте обратно, не забудьте поблагодарить за «правдивость» своих коллег...

— Что ж мы в такую даль зря ехали?

— Конечно, зря, и если еще кто вознамерится, говорите правду, зачем людей гонять, да и бензин нынче дорогой...

Расстались мы враждебно, но в дом они не попали. Папа же, все узнав, только сокрушенно покачал головой. «Господь им судья», — тихо промолвил он.

Нападение цыган

Еще одно воспоминание буквально опаляет мою душу. Матушка Нина дважды подвергалась нападению цыган.

Первый раз это было летом, где-то на второй или третий год переезда в город Курган. Воскресная служба в храме уже закончилась, батюшка, как обычно, задержался с народом, а матушка Нина поспешила домой. Ворота их дома запирались на нехитрый засов, и войдя во двор, она отперла дверь дома и занялась домашними делами. Через несколько минут странный стук или шум привлек ее внимание, и неожиданно в кухню ввалилась толпа цыганок.

Быстро положив своего младенца на порог, чтобы дверь нельзя было захлопнуть, они окружили маму, скорее требуя, чем прося у нее денег, воды, хлеба, молока, все сильнее прижимая ее в угол и стремясь затянуть у нее на шее свои бесконечные шали.

Другая группа уже орудовала в комнате, с профессиональной быстротой воровок вытаскивая ящики письменного стола и комода. Мама была ошеломлена этим вторжением и очень напугана. Крики цыганок становились угрожающими, шали все туже стягивались на ее шее, и она поняла, что может погибнуть.

Как рассказывала она потом, в этот момент в ее глазах, уже затуманенных удушьем, четко возникла икона святителя Николая, и матушка Нина, последним усилием воли рванув на себе путы, воскликнула: «Святой Николай, угодник Божий, помоги мне!» И что же? В толпе наглых цыганок возникло вдруг какое-то замешательство, еще миг — условные цыганские крики — и все это воровское племя, оставив полупридушенную маму, столь же внезапно, как вторглось в дом, откатывается во двор, в который в этот момент входит мамин брат Николай Сергеевич Увицкий, гостивший вместе со своей семьей у моих родителей.

Одновременно с ним в ворота дома вбежал мамин сосед по улице, который увидел, что в батюшкин двор вошел целый табор. Николай Сергеевич и сосед церемониться с наглыми посетителями не стали. В ход пошли кулаки, пинки и поленья, так как цыганки отчаянно визжали и кусались, отбиваясь от них всей толпой. Выбегая из ворот, они попали в руки разъяренных смолинчан, поспешивших на подмогу. Изрядно побитые и потрепанные, выкрикивая проклятья, цыганки бросились прочь от дома отца Григория.

Внутри дома было жалкое зрелище: все вскрыто, перевернуто, разбито, разрезано и опрокинуто. Среди этого хаоса вошедшие не сразу даже заметили лежащую в углу матушку Нину, которая еле дышала, жадно ловя воздух посиневшими губами.

Весть о нападении быстро распространилась по Смолино. Дошла она и до папы, который не шел домой, а бежал. Помощь маме была оказана и медицинская, и духовная. Отслужили благодарственный молебен Господу. Мама постепенно пришла в себя и потом часто мне говорили: «Если ты чувствуешь, что сейчас можешь погибнуть, зови, кричи святителя Николая; он не допустит несчастья».

Второй случай столкновения с цыганами был не столь драматичен, но давал пищу для размышления. Произошло это через много лет, когда папа был назначен в Куртамыш, и они вместе с матушкой жили там наездами.

Так же в воскресный день после службы матушка Нина, не дожидаясь отца Григория, направилась в их временный дом и еще издали заметила, что в ворота его вошла толпа цыган. Мама бегом вернулась в церковь, сказала об этом батюшке. Он, быстро встав перед образом святителя Николая, стал читать 90-й псалом, молитву «Во время бедствия и при нападении врагов» и молитву Животворящему Кресту Господню. Прочитав все, он спокойно сказал:

— Теперь пойдем, все будет хорошо.

Когда они повернули на улицу, ведущую к дому, то увидели только спины убегающих в спешном порядке цыган. Ворота, ведущие во двор, были распахнуты, замки и окна дома в полном порядке, и даже во дворе ничего не тронут. Кто спугнул из пустого двора этих вороватых людей? Видимо, не оставил Господь без внимания горячие молитвы батюшки, иначе трудно объяснить внезапный страх, охвативший убежавших от, казалось бы, легкой добычи наглецов.

Наводнение. Островок спасения

Курганские старожилы всегда с уважением и каким-то тайным опасением говорят о своей реке Тобол. «Ты не смотри, что он такой ровный да спокойный. Правда, обмелел за последние годы, так что в иное лето курица вброд перейдет. Не-е-т! Эта река с характером, много на ее счету и людей, и скотины. Да что там — порой целые поселки смывала, а уж об этих дачных домиках и говорить нечего...»

И правда, не опираясь на особые гидро-метеонаблюдения, можно сказать, что Тобол подвержен некоторой цикличности подъема воды весной. Есть у стариков и особые приметы, по которым они определяют, быть нынче большой воде или нет... Примечено, что в среднем один раз в 10-12 лет вода в Тоболе поднимается выше допустимых гидроотметок и, как правило, заливают огромные низменные и равнинные окрестности, превращая все вокруг в необозримую водную гладь.

Величественное это зрелище, но страшное своей необъятностью, непредсказуемостью и зачастую печальными исходами. Старожилы помнят, что во время войны весной 1942-го года разлив реки был такой, что вода захватила не только приречные луга, поля, сады и огороды, но и почти половину городских улиц. Скорость течения была огромная, с водоворотами и страшными воронками, утягивающими вниз... Вода несла все, что успевала захватить на своем пути: смытые с фундаментов дома с несчастными людьми, сидящими на крышах; деревенские баньки, бревна, доски... Перевернутые раздавленные лодки то поднимались на волне, то пропадали куда-то в глубину, увлекая за собой все, что было рядом, — людей на сколоченных наскоро плотках и несчастных животных, которые своим душераздирающим воем не могли заглушить неумолимый рев вырвавшейся на волю стихии. Страшная была картина. В тот военный 1942-й год погибло много людей, не говоря о домах, разрушенных дорогах, смытых садах и огородах — единственных кормильцах в военной голодухе. Вода тогда долго не уходила, и город медленно оправлялся от безумства водной стихии.

В другие годы вода поднимется на три, на четыре или на пять метров, пошумит в камышах, постоит в низинках, оставляя на половину лета маленькие зеленоглазые озера, и уйдет.

В 1992-м году зима была довольно обычная по количеству снега, по морозам, и начало весны ничего особенного не предвещало. Конечно, к 92-му году в городе многое изменилось. Поля, по которым прокатилась вода в том военном году, давно перекопаны и застроены дачными домиками. Изменился пригородный ландшафт. Около города вдоль Тобола отсыпали небольшие дамбы. Построили дополнительные резервуары с питьевой водой.

Родители мои, к 1992-му году уже столько пережившие, поездившие по епархии, тяжело перенесли папину болезнь и операцию. Годы их бесконечных скитаний унесли почти все силы. Батюшка еще иногда проводил службы в смолинском Свято-Духовском храме, часто исповедовал. Матушка тоже стала много слабее, но в храм ходила постоянно. На службах она стояла на своем любимом месте перед чудотворным образом святителя Николая из с. Утятское.

Время приближалось к Пасхе. Уже вымыты стены храма, убраны иконы, приготовлено заботливыми руками Марины Григорьевны (Маринушки, как называл ее папа) пасхальное храмовое облачение и облачение для священнослужителей. Все готово для встречи Светлого Воскресения Христова.

Но по городу поползли сначала осторожные, чтобы не напугать людей, но затем более серьезные предположения, что ждут большую воду. Озабоченные лица работников гидрометеослужбы, постоянно делающих замеры уровня подъема воды, тоже не прибавляли спокойствия. Но все равно многие надеялись, что все обойдется.

Идут последние дни Великого поста. В храме служатся продолжительные великопостные службы. Люди стремятся попасть в храм, чтобы растворить свою беду в печали общего молитвенного настроения... Для отца [Григория Великий](#) пост всегда был временем особого молитвенного стояния. В его тетрадях сохранились записанные им стихи Александра Сергеевича Пушкина, передающие, очевидно, и его собственное покаянное состояние, созвучное его внутренним переживаниям:

Владыко дней моих!

Дух праздности унылой,

Любоначалия, змеи сокрытой сей,

И празднословия не дай душе моей...

В этот день дождь, идущий то сильнее, то тише, перешел в ливень. Небо почти уложило на промокшую землю свои разбухшие от влаги облака. Тобол, не выдержав скорости собственного течения и напора льющейся сверху воды, вышел из берегов и прорвался через трассу, стремительно заполняя все смолинские сады и дачи. Вода залила единственную дорогу 23-го маршрута автобуса, соединяющего поселок Смолино с городом. Дальше автобусы идти не могли.

Выходя из храма, люди в ужасе увидели совершенно иную картину, чем та, что была до службы. Вода откуда-то сзади огородами подступила к крыльцу храма и закрыла уже его нижние ступени.

Конечно, о людях не забыли. Чтобы эвакуировать народ, была послана специальная военная техника. Но с этого момента поселок Смолино оказался надолго отрезанным от города.

Выйдя из храма, Александр Шумаков, муж маминой племянницы, рванул в сторону улицы, где жили отец Григорий с матушкой, но пройти туда уже не смог, так как низкое место между храмом и домом было полностью залито водой. Взяв лодку, он сумел добраться почти до самого дома батюшки. У школы, которая стояла рядом, под ногами еще чувствовалась земля. Но батюшка покидать дом отказался. Родственники, живущие в городе, за несколько дней до наводнения уговаривали отца Григория и матушку перебраться на время в город, но всякий раз получали благодарность и твердый отказ.

И вот вода дошла до огорода их дома, а дождь все продолжал и продолжал лить. Оставаться отрезанными от людей (да еще в таком возрасте) очень опасно. Однако отец Григорий с прежней твердостью отклонил предложение переехать в город. По улицам Смолино уже плавали на лодках, что было жутко и противоестественно. Вода за короткое время прибыла так, что дверь в храм частично была уже под водой.

Впоследствии в храм вплывали на лодке через окно, стараясь хоть что-то еще спасти из утвари. Сообщение с городом теперь поддерживали только с помощью плавающей амфибии, приходящей в поселок 2-3 раза в день. Большинство смолинчан, покинув свои затопленные и полузатопленные дома, разъехались кто куда, но где-то, как маленькие островки, оставались отдельные домики, стоявшие, очевидно, чуть выше и не покинутые пока хозяевами.

Угроза полного затопления поселка нарастала с каждым часом. Мама говорила: «Выйдешь ночью — как в чужой стране. Кругом вода, шумная и беспокойная. В ней редко где отражаются не успевшие выйти из строя фонари. Тишина ночи — неестественна и связана с отсутствием в поселке людей. Где-то далеко воют собаки. Было ощущение, словно ты сидишь на дне гигантского колодца. И только звезды те же, свои, привычные, но их часто заслоняли рваные низкие тучи, готовые выдать очередную порцию воды».

Отец Григорий почти не выходил из переднего угла с иконами. Он постоянно молился на этом островке спасения: и днем, и ночью. И конечно, молился батюшка не только о своем спасении, но и за всех своих духовных чад. Он молился за всех, потерявших кров и дом в эти дни, за бедствующих и нуждающихся. Это был молитвенник за людей, ходатай перед Богом. Он предстательствовал пред Господом, умоляя Его о немощных и нуждающихся в молитвенном заступничестве.

Он клал за нас поклоны пред престолом Божиим и просил о прощении наших грехов. Кому еще дано дерзновенно молить Господа о грешных людях, как не пастырям Христовым, стерегущим свое стадо. Таким был отец Григорий!

Матушке было страшно. Страшно от неизвестности, от близости неуправляемой стихии, от воды, бурлящей, угрожающей. У них уже несколько дней не было электричества. В дом врывались новые запахи и звуки: устойчивый запах сырости, какие-то то ли стоны, то ли всхлипывания... Вода подошла к палисаднику дома с одной стороны и к огороду с другой.

Выйдя в одно утро во двор, матушка в малиннике за домом обнаружила целый зоопарк. Здесь были несколько собачат разных возрастов, кошки, петух и овечка. Все они жалась к дому и не обижали друг друга, объединенные общей бедой. Увидев матушку, они буквально бросились к ней навстречу. Все дрожали от сырости и голода. Матушка очень любила животных, и ее чуткое сердце отозвалось на эту беду. Совсем уже немощная и слабая, она притащила из сарая сухие доски. Настелила. Кое-кто из несчастных отправился в сарай, другие залезли на сухой подстил. Мама пошла готовить им еду. Животные, наверное, почувствовали ее доброту и заботу. Они ничуть не боялись ее, напротив, жалась к ней, прося ласки и защиты.

На душе у матушки было тяжело, беспокойно, страх своей ледяной рукой сжимал ее старенькое уставшее сердце. Батюшка внешне был спокоен, собран более, чем обычно, он все время пребывал в молитве. Мама видела, как во время их добровольного заточения он часто выходил в огород с крестом, благословляя им все четыре стороны.

В этот день на амфибии, а потом на лодке до них добралась папина духовная дочь — Татьяна. Добрая, заботливая женщина, она привезла им хлеб, продукты и стала уговаривать уехать. Уговоры ее не подействовали, и она в недоумении и огорчении заплакала: «Ну, дайте,

батюшка, я вам хоть картошку из подполья подниму! Ведь затопит, вода стоит у палисадника». На это батюшка ответил: «Не бойся, Татьянушка, не пойдет вода дальше, и не нужно поднимать картошку — тяжелый и напрасный труд». У Татьяны даже слезы высохли от изумления. Так она и уехала с батюшкиным благословением; вслед ей он крестил ее, говоря: «Осторожно залезай в амфибию-то, там ведь высоко».

Интересно, что в сентябре 97-го года, за месяц до их кончины, мы с папой выкопали картошку на огороде. Обычно, дав ей пообсохнуть, батюшка спешил убрать ее в подполье. В этот же год он оставил все в сенях, прикрыл и не разрешил убирать под пол. На мой вопрос: «Почему?» — он только отмалчивался, а когда я, видимо, утомила его своими уговорами, ответил: «Да оставь тут... Пригодится она скоро...» В тот момент я просто восприняла это как какое-то чудачество и не знала, что через месяц картошка эта понадобится для поминального стола.

Стихия понемногу утихала. Это был уже не первый день наводнения, и вода не то чтобы стала уходить, но не бурлила больше, как-то успокоилась. Временами очень робко выглядывало солнце и, словно пугаясь того, что натворила вода, пряталось в облака. У матушки убежала овечка — значит, нашла какой-то ход. Еще через пару дней исчезли две собаки и несколько кошек. Петух, шумно взлетев на забор, отсалютовал маме своим звонким голосом и отправился в освободившийся от воды соседний двор.

А вода действительно, как стояла у палисадника, так за это время ни на сантиметр не подвинулась ближе к дому. И в подполье было совершенно сухо.

Подошла Светлая Пасха Христова. Отец Григорий с матушкой Ниной отслужили этот праздник в домашних условиях. Христово Воскресение они встретили дома, который в эти дни стал для них настоящим островком спасения. Тревога, столько дней сжимающая сердце матушки, стала потихонечку отступать, а батюшка все продолжал молиться. Матушка даже не могла понять, когда он спал? Прошло несколько дней Светлой Пасхальной недели, и в одно утро отец Григорий, выйдя на улицу, увидел, что вода стала уходить.

Обозначилась черная размытая земля. В эти дни добраться до них стало совсем невозможно. На лодке уже не доплывешь, а ногами еще не пройти. Но пережили и это. С каждым днем солнце припекало все сильнее. Часть воды, находя себе какие-то канавки, трещинки и углубления, стремилась к Тоболу, другая часть уходила через землю. Высвобожденная наконец земля парила под солнцем, медленно просыхая.

Зазвучали голоса людей, возвращающихся в свои намокшие жилища.

Голоса были похожи на щебет птиц, прилетевших после зимы в свои гнезда. В воздухе запахло дымом топящихся печей, раздался стук топоров и молотков. А у батюшки так и остались жить маленький щенок, которого матушка назвала Тобуськой, и красивый черно-белый кот Кисик с зелеными глазами и, словно выпачканным в угле, носом. Давно замечено: чем больше настрадалось животное, тем оно становилось более ласковым. Такой собаки у них еще не было. Она все время ходила за мамой хвостом и норовила лизнуть ее в лицо. Кот тоже был необычайно преданный и, можно сказать, тактичный. Батюшка шутил: «Ладно, пропишем и кота». Позднее, когда Кисик окончательно стал жить в доме, он всегда ждал прихода хозяев, сидя на воротах. Завидев их, спрыгивал, бежал навстречу и терся об ноги.

Вскоре вода освободила дорогу, и вновь пошел рейсовый автобус. После не слишком долгой, но беспокойной разлуки отца Григория и матушку нашли еще более поседевшими и какими-то усталыми. Но лица их светились, как всегда, теплом, словно бы говоря: «Слава Богу за все!»

Трагедия на трассе

Трагедия на трассе Курган-Смолино случилась летом 1996-го года около 5 часов вечера. Это было воскресенье. Я уже накормила родителей обедом, вымыла посуду, приготовила им ужин и собиралась поехать к себе, так как до следующего утра моя помощь им была не нужна.

Оба они в то лето чувствовали себя удовлетворительно. Мама еще ходила сама до храма (правда, уже с провожатым и с палочкой), а папа иногда служил Литургию и постоянно исповедовал.

Попрощавшись с родителями, я вышла на остановку к рейсовому автобусу. Народу собралось много. В воскресенье к вечеру загородные автобусы бывают переполнены — садоводы, лесники и дачники возвращаются домой. По расписанию автобус наш не пришел. Мы простояли уже полчаса, толпа начала недовольно ворчать. Наконец он появился.

Из него стали выходить бледные, возбужденные люди. Долетали обрывки настораживающих разговоров. Последней из автобуса почти выпала кондукторша с искаженным от ужаса лицом; сама она дрожала от перевозбуждения и повторяла только одну фразу: «Господи, какой ужас! Ужас-то какой!» Она села, почти упала на траву около нашего палисадника, а я побежала домой за водой и валидолом.

Зайдя в дом, я удивилась, что отец Григорий не дремал, а стоял перед иконами. Когда я уходила, он почти спал. Кроме лампад, горело несколько свечей, чувствовался плотный запах ладана от каждения, а на столе у батюшки лежало несколько раскрытых богослужебных книг. Он был очень сосредоточен внутренне, на внешнее почти не реагировал. Он не удивился, что я вернулась, а ведь я вышла из дома около часа назад. Я только сказала папе, что сейчас вернусь, взяла валидол и воду и пошла к кондукторше. Она уже немножко успокоилась и рассказывала окружившим ее смолинчанам, что полчаса назад она, водитель и пассажиры автобуса были свидетелями жуткой аварии на дороге.

По трассе, ведущей на Увал, в сторону Кургана шел переполненный 26-й автобус. Он только что миновал поворот на Смолино и продолжал движение по своей полосе, как вдруг ему навстречу на бешеной скорости, обгоняя шедший 23-й автобус, выскочила иномарка. Она оказалась на полосе встречного движения и врезалась прямо в лоб идущему навстречу ей автобусу. Как выяснилось уже потом, в машине было трое совершенно пьяных людей, водитель в том числе. Все в таких случаях происходит в считанные секунды.

Приземистая комфортабельная иномарка стремительно влетела прямо под капот 26-го автобуса, водитель которого в последний миг, пытаясь избежать столкновения, взял правее и сошел на обочину дороги к крутому отвесному кювету. Почти без торможения автобус врезался в большое, мощное дерево, стоящее около обочины. Именно оно и задержало падение автобуса в кювет. Однако удар о дерево был настолько силен (плюс лобовой удар иномарки), что у автобуса разворотило всю переднюю часть. Крики, вопли ужаса и боли перекрыли визг металла и звон бьющегося стекла. По дороге медленно растекалась кровь погибших и раненых людей.

Машины ГАИ оцепили место происшествия. Прибыли машины «Скорой помощи». Дорогу перекрыли, а транспорт, идущий по трассе, стали направлять в обход. 23-й автобус, который в этот момент находился в нескольких метрах от места аварии, пропустили в Смолино, чтобы он не загромождал дорогу. Эти несколько минут, пока не приехали машины ГАИ и пока смолинский автобус находился на месте трагедии, его пассажирам запомнились, наверное, на всю жизнь.

Из пострадавшего автобуса, забрызганного кровью, кто-то выходил сам, кого-то выводили, кого-то выносили, стараясь оказать посильную помощь; некоторых оставляли лежать на земле, накрыв с головой. На иномарку старались не смотреть, так как из-под автобуса видны были только куски металла и отдельные фрагменты тел... А всего несколько минут назад погибшие в легкомысленном упоении скоростью, затуманенные алкоголем, неслись навстречу своей смерти.

Но кроме пассажиров иномарки, в этот трагический день погибли и ехавшие в автобусе дачники и садоводы. Страшна своей внезапностью такая смерть! Не случайно в одной из молитв к Божией Матери есть слова: «Пресвятая Госпоже, Владычице моя, Богородице... Спаси и избави мя, грешного раба Твоего, от внезапной смерти».

Впечатление от трагедии на трассе, по рассказам очевидцев, было тягостным. Вскоре меня позвала мама:

— Что случилось, Леленька?.. Я что-то ничего не пойму... Буквально минут через пять, как ты ушла, папу вдруг как будто окликнули, он быстро встал, ушел в холодную комнатку, принес книги, несколько свечей, надел рясу, епитрахиль и крест и стал молиться по книгам. Слышу, читает «Канон при разлучении души от тела», молитвы за умерших, 17-ю кафизму из Псалтири. Я спрашиваю:

— Что, Гришенька, у нас сегодня память по кому-то, а я забыла, наверное?..

Он ответил:

— Нет, Ниночка. Мне тут... нужно. Потом долго молился о болящих.

Я рассказала маме, в чем дело, опуская, конечно, страшные подробности, и спрашиваю ее:

— Как ты думаешь, почему он стал вдруг молиться? Ведь он почти спал, а тут вскочил и стал читать именно заупокойные молитвы и молитвы о здравии?

— Я уж молчу об этом, Леленька. Но сколько раз он удивлял меня своей прозорливой чуткостью. Отец Григорий, конечно, в быту похож на ребенка, но что касается духовного...

В этот день к нам никто больше не заходил. Батюшка же был тише и молчаливее обычного. Убедившись, что никто уже не встревожит их страшной вестью, вечером я уехала к себе.

Душа моя была преисполнена не только сочувствием к гибели несчастных и горю их родных, но и бесконечным удивлением и преклонением перед батюшкой. Я и ловила себя на мысли, что все еще в полной мере не могу понять человека, чьей дочерью я являюсь. *Иисус же сказал им: не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем* (Мк.6:4). Это был хороший урок мне.

И вновь испытание

Конечно, все трудности и испытания, постигшие отца Григория и матушку, не могли не сказаться на мамином здоровье. Помимо постоянных болезней и возрастных изменений, особенно сильно в последние два года жизни она стала жаловаться на зрение. Катаракта на обоих глазах — тоже возрастное заболевание, но у матушки оно проходило какими-то скачками: определенный отрезок времени без изменений, а потом зрение сразу резко ухудшалось на несколько порядков. О последнем таком случае, после которого она практически ослепла, мне бы хотелось рассказать.

Это было в начале декабря 1996-го года. Мама уже ходила с палочкой и старалась ходить не одна. В этот день (к тому времени я переехала жить в Курган) меня не было, а папа отлучился, вероятно, в храм. Слегка одевшись, матушка взяла свою палочку и пошла по тропинке в огород по хозяйственной нужде. Была сильная пурга. Мама прошла несколько шагов, не почувствовав, что страшно метет и буквально в двух шагах уже ничего не видно. Очередной порыв ветра с такой силой толкнул ее, что она, выронив ведро, которое было у нее в руках, упала, ударившись затылком. Поднимаясь, она поняла, что ничего не видит, одна белая мгла перед глазами и все. Стукнувшись, она потеряла ориентацию и не могла понять, в какой стороне дом и где поленица дров. К тому же, куда-то в сторону отлетела ее палочка. Одета в легкую куртку, матушка сразу ощутила ледяные порывы ветра и... страх. Куда идти, где дом, хотя бы в какой стороне? Она ходила по огороду без палки, натываясь на дрова, на забор, с головы у нее сорвало платок, руки заоченели, и она поняла, что можно погибнуть даже во дворе собственного дома.

Мне трудно сказать, сколько она бродила так. Судя по следам, она исходила весь огород. Состояние казалось безвыходным. Замерзшая, ничего не видящая, она не могла найти хотя бы угол дома, чтобы ощупью вернуться в тепло. Тут она взмолилась: «Господи, помоги! Ведь погибаю совсем». Вернувшийся домой папа увидел просто устрашающую картину: матушка Нина, без платка, в расстегнутой куртке, без палочки бродит у забора, пытаясь найти входную дверь дома, и посиневшими губами чуть слышно повторяет то: «Гриша, Гриша!» — то: «Господи, помоги!»

Папа не мог удержать слез, а когда поспешил к ней, и она поняла, что в безопасности, то, всегда такая сдержанная, уткнулась в его плечо и заплакала, как ребенок. Не надо рассказывать, что почувствовала я, придя домой и увидев как папа пытается растереть ее чем-то. А у мамы лицо пылает, вся она дрожит и что-то сбивчиво пытается объяснить. Мы боялись всего: и воспаления легких, которое она не однажды перенесла, и стрессов от испуга, что казалось нам вполне возможным, но Господь этого не допустил. По Божьему Промыслу ей еще надлежало перенести операцию на глазах, прозреть на один глаз, а потом отойти ко Господу в одну ночь с батюшкой.

С этого дня до дня своей операции (чуть больше полугодом) она была совершенно слепа, различала только свет и темноту. Мы ни разу не слышали от нее жалоб, как ей трудно, неудобно и тяжело. Только один раз, когда я принесла показать маме вышитый к ее любимой иконе святителя Николая покров, украшенный ландышами, она как-то сокрушенно сказала: «Да! Как бы хотелось посмотреть на твою работу, Леленька!» — и долго щупала руками вышивку, пытаясь представить, как это выглядит. Ведь она много лет была портнихой, и глазам подсказывали руки...

Матушка Нина Сергеевна была очень стойкой в скорбях. Я никогда не видела, чтобы она себя жалела. Слезы по поводу близких, родных и друзей бывали на ее лице, но о себе — почти никогда.

Пасхальная ночь

«Слава Тебе, раскрывшему предо мною небо и землю, как вечную книгу мудрости; Слава Тебе, Боже, во веки».

(Из акафиста «Слава Богу за все»)

Был вечер Великой Субботы 1997-го года, то есть канун Святой Пасхи — последней, как выяснилось, Пасхи, которую мои дорогие родители встречали на земле.

Часов десять вечера. Отец Григорий собирается на Пасхальное богослужение.

Матушка Нина была уже слаба и понимала, что, при всем желании провести эту светлую ночь в церкви, у нее не хватит сил. Она осталась дома. Стараясь не показать своего огорчения, мама ласково простилась с отцом Григорием, а я вышла, чтобы проводить его. Мы стояли в полуоткрытых воротах у нашего домика и ждали, когда подойдет автобус.

Был уже конец апреля, но погода на Страстной неделе стояла сырая, ветреная и холодная не по сезону. Однако в Великую Субботу уже к вечеру ветер стих, и заметно потеплело, а ближе к ночи стало совсем тепло. Деревья, кусты, чуть проклюнувшаяся трава — все вдруг как-то задышало, заторопилось успеть встретить Праздник. Мы стояли, не разговаривая, ошеломленные неожиданным пробуждением природы, в полной тишине ощущая кипение жизни самой земли, ее трав и деревьев. Казалось, что вокруг меня, в воздухе и на земле, происходит какое-то невидимое, но всеобщее движение. Земля проснулась от зимнего оцепенения, жадно взявшись за работу.

Приклонив ухо к земле, наверное, можно было услышать, как растет трава, спеша к теплу и свету, как текут соки, наполняя своей живительной силой незаметно набухающие ветви; как лопаются самые нетерпеливые почки, выбрасывая свой первый даже еще не листочек, а золотистый светло-зеленый комочек.

Потрудившийся за неделю ветер расчистил небо, сдул пыль с каждой звездочки, отполировал луну. И луна, и звезды смотрели на пробуждение земли, как через чистые линзы очков, отражая в себе невидимый свет.

Это состояние активной, деятельной жизни в полной тишине воспринималось как чудо, как таинство, которое Господь дал нам почувствовать.

На темно-синем, даже чуть фиолетовом бархате небесного свода бриллиантами сверкают звезды. Свет их не безжизненный, но трепетный, живой. Он пульсирует, то удлиняя, то укорачивая свои лучи, и притягивает взгляд. От этого света кружится голова. Душа жаждет и одновременно робеет, боясь увидеть что-то необычное, неземное. Нервы натягиваются, как струны. Вот еще только секунда, еще миг, и что-то произойдет... Глаза устают все время ловить это таинственное мерцание. Да, мне не дано... Но вот папа! Лицо такой одухотворенности и красоты я видела у него еще только один раз — в то страшное утро 25 октября, когда он, уже отошедший, лежал на диване. Оно отражало печать иного мира: и восхищение, и преклонение перед увиденным, и Божественный покой, который был разлит на его челе. Некоторое время это выражение сохранялось, постепенно тускнея, а затем его бесконечно дорогое лицо покрыл воздúх, которым по правилам Православной Церкви закрывают лицо усопшего пастыря.

В ту Пасхальную ночь его лицо поразило меня таким же светом и красотой. В его сияющие глаза, возможно видевшие (пусть хоть на миг) другой мир, мне было даже страшно смотреть. Мы почему-то говорили шепотом, редко-редко обмениваясь словами, и он сказал мне: «Запомни, Леленька, эту ночь! Это необыкновенная, святая ночь!»

Действительна, за всю свою жизнь мне не приходилось, да уж наверное и не придется, пережить подобное. Это состояние было послано отцу Григорию, а я лишь была рядом. Но и моя душа трепетала от переполнявшего ее волнения. Нет — потрясения. Что же видел он в эту ночь? Как бы мне хотелось удержать, сохранить эти ушедшие мгновения, чтобы в самые тяжелые минуты жизни вернуть их снова. Такие драгоценные минуты мы пережили с моим дорогим папой в канун Пасхальной ночи последнего года его земной жизни.

Внезапно шумно затарахтел подъехавший автобус; стало до боли обидно — он как бы захлопнул дверь, на миг приоткрывшуюся туда, где слышно, как шепчутся травы, звенят ручьи, и поют ангелы.

Благословив меня, батюшка поехал на Пасхальную службу, чтобы встретить Воскресшего Господа. В эту ночь Господь приходит в тысячи больших и маленьких, скромных и величественных храмов, где радостно возносится: «Христос воскрес!»

Перед моим внутренним взором еще долго стояли сияющие неземным светом глаза дорогого моего отца. Утро первого пасхального дня встретило нас безоблачной синевой небес, сиянием солнца, тысячами, миллионами раскрывшихся ночью древесных почек. Они окутали ветви, еще вчера голые, легким зеленоватым маревом, дивным запахом весны. Ликующее пение птиц на все голоса славилло Воскресшего Господа и Его Святую Пасху...

На пороге в жизнь иную...

Прошло уже два года, как я переселилась в Курган. Здоровье моих родителей сильно пошатнулось. Пожалуй, разделительной чертой, после которой все покатило, как с горы, набирая скорость, стала мамина операция по поводу катаракты в июне 1997-го года. Еще в конце зимы мама окончательно потеряла зрение: один глаз не видел совсем, а другим она слабо различала свет.

Родители долго колебались, надо ли соглашаться на операцию или нет. Все же возраст почтенный, 87 лет почти, да и другие заболевания дают о себе знать. Столько пережито, выдержит ли мама? Труднее это решение давалось папе. Он все колебался, мучился и молился, мама решила быстрее.

И вот ее поместили в больницу. Сколько добрых людей, которым мы бесконечно благодарны, было в этом задействовано.

Мама держалась молодцом. Для человека в столь преклонном возрасте любая перемена мучительно тяжела, а тут больница, посторонние люди, ряд сопутствующих бытовых трудностей, сама операция, боль...

Но мама всегда могла собраться в ответственные минуты жизни. И в этот раз она не изменила себе. Операция прошла успешно, и матушка Нина вновь стала видеть одним глазом. Правда с очень сильными линзами, но — видела! Как благодарны были мы врачам, всем медикам, друзьям, тем, кто помогал ей.

Папа, как нам казалось, переносил операцию вместе с ней — так тяжело ему было тогда. Он глубоко и сильно любил маму, внешне почти не проявляя этого, во всяком случае, на людях. О глубине его чувства можно было судить лишь в каких-то экстремальных ситуациях. Пребывая все время в молитве, он загонял свой страх куда-то далеко, и организм его дал срыв — он перестал глотать. Нервное напряжение вызвало спазм гортани и пищевода — даже вода почти не проходила. Сначала думали, что у него повреждение гортани, горла или инородное тело... Обратились к врачам. Медики ничего не обнаружили.

Моя кузина, Екатерина Николаевна Увицкая, догадалась дать ему успокаивающие и расслабляющие нервную систему лекарства. Глотание понемногу восстановилось, а тут и матушку Нину выписали. Пришла надежда, что теперь жизнь пойдет бодрее. И действительно, первую пару недель все шло хорошо. Теперь мама с помощью палочки могла выходить во двор, она доходила до ворот, бодрилась, но это был последний всплеск жизненных сил. Одно

неловкое движение, падение, потом еще одно, и она просто не смогла встать. На нее обрушились, словно поджидая удобного случая, все застарелые болезни, и только спасительный сон давал ей необходимое облегчение.

По Божией милости мама почти время спала. Спала днем, спала ночью... Часто она поднимала во сне руку для крестного знамения, иногда так и не донося ее до чела. Молитва, вероятно, шла уже на уровне подсознания. Это было естественно. Она всю жизнь провела с молитвой и просто не могла по-другому. Так Господь послал ей плавный переход в иную жизнь.

Иногда она всё-таки пыталась встать без меня и сразу же падала, а тут и папа стал «догонять» ее буквально семимильными шагами. Вот уж действительно «плоть едина»... Еще вчера он открывал мне ворота, правда, с трудом опираясь на палочку, но открывал. Но однажды встал и тут же упал, не смог выйти даже за порог дома.

В дом мы попали через окно на кухне. С этого момента и батюшка больше не вставал. Наступил последний, мучительный для них период земной жизни. Организмы, как бы готовясь, очищались, и это приносило обоим моральные муки, они не привыкли обременять своими проблемами даже родных. Оба перестали есть.

Буквально за два или три дня до кончины отец Григорий вдруг позвал меня. Он все время лежал на диване, отвернувшись к стене, а тут позвал, взял за руку и тихим голосом с огромным трудом сказал: «Знаешь, Леленька, мне никогда еще так плохо не было». В глазах его было даже какое-то удивление, что может быть так плохо. Но и одновременно мой мудрый папочка готовил меня к непоправимому... Он не помощи у меня просил, а со свойственным ему тактом, зная уже, что мне вскоре предстоит пережить, пытался как-то защитить меня хотя бы от внезапности. Когда я стала предлагать ему помощь, он тихонечко пожал мне локоть и сказал: «Ничего не надо, детка, иди лучше к мамочке». Он благословил меня последний раз своим отцовским пастырским благословением и опять отвернулся к стене. Только тогда я этого не поняла. Как горько!

Мама почти все время была как бы в полузабытьи, папа — в полном сознании, и мы чувствовали, как он невыносимо страдал от своей беспомощности. Он, отвернувшись к стене, сутками лежал на диване, и, очевидно, молился. Отец Григорий, обладая незаурядной духовной силой, чувствовал и знал, что конец близок, и, наверное, молил Господа, чтобы им с матушкой уйти вместе... И Господь услышал его. В состоянии его здоровья произошел какой-то резкий перелом, который уравнивал жизненные силы обоих. Они тихо умирали, так же тихо деликатно, как прожили всю свою жизнь, тихонечко уходили, стараясь не беспокоить никого...

Молодой священник Сергей Глущенко, духовное чадо батюшки, проявил особое внимание и духовную заботу о болящих. Маму он причастил предпоследний раз за неделю до смерти, а папа ежедневно повторял одно и то же:

— Я не готов... — и отец Сергей убежденно, спокойно и смиренно говорил:

— Хорошо, тогда я зайду завтра. Так продолжалось около недели. Двадцать третьего октября моя сестра Катя и близкий многолетний друг нашей семьи Тамара Георгиевна Неверова сказали мне категорично:

— Завтра не приходи, а то сама сляжешь от переутомления.

24 числа Катя заняла мое место около них. Вечером папа выразил желание помыться, и Александр, муж моей другой сестры Лиды, вымыл его, сняв прямо с матрасом на пол. Катя

побежала за отцом Сергием.

События развивались стремительно.

Часов в девять вечера буквально прибежал отец Сергей, он исповедовал и причастил батюшку.

— Ну вот. Слава Тебе, Господи. Причастился! — и отец Григорий ясно произнес:

— Проглотил.

Ему, как никому другому, было понятно беспокойство священника. Сколько раз он сам склонялся над умирающим, чтобы убедиться, что Святые Дары приняты.

И вдруг отец Григорий стал торопить с исповедью и причащением матушки Нины:

— Скорее, скорее...

Очевидно, он знал, что надо торопиться. Отец Сергей исповедовал ее. Матушка причастилась, на миг как бы пришла в себя, запила Причастие и опять погрузилась в свое состояние. Все как-то облегченно перевели дыхание и вскоре разошлись. Умиротворенные, папа и мама спокойно заснули. Тамара сказала, что будет ночевать здесь же, на кухне, подремлет — мало ли что... Но какой тут сон... Любой шорох, напряженное дыхание, стон — все насторожило бы ее. Нет, в комнате тишина, мирно теплится лампада, а два человека — плоть едина — совершают последний ответственный шаг, они уходят в жизнь иную. Матушка совсем слаба, но разве отец Григорий оставит ее в такую минуту? Он молится. Он будет с ней. Довольно разлук, теперь навсегда, навечно вместе. Господь заберет их сегодня обоих.

Утром, часов в шесть, Тамара пошире приоткрывает дверь в комнату. Спят. Так тихо, мирно спят. Спят? Спят ли?! Матушка была уже холодная, а у батюшки только одна рука чуть теплая, но и он умер, не просыпаясь. Глаза у обоих плотно прикрыты, спокойные мирные позы и лица. Во сне для них обоих началась другая новая жизнь, к которой мы все должны быть готовы. Они ушли вместе, как и прожили вместе 61 год. Это были тяжелые, мужественные и прекрасные годы.

Они завершили свой земной путь.

* * *

В этот же день моих дорогих покойных родителей перенесли в Свято-Духовской храм. Трое суток, днем и ночью, духовенство и миряне читали молитвы, совершая панихиды по новопреставленным супругам. Их гробы несли при большом стечении народа на руках по дороге, которой они столько лет спешили на богослужения именно в этот храм.

Много странного и трогательного замечено было в эти дни людьми, собравшимися на прощание с батюшкой и матушкой. Две полевые птицы, неизвестно откуда взявшиеся в самом куполе храма... Они так звонко, так ликующе переговаривались друг с другом, что буквально заглушали возгласы священников и даже хор. В один из дней в храме появились воробей и синичка. Полетали, посидели на верхнем ярусе икон, а потом синичка выпорхнула в открытые двери бокового придела, а воробей... залетел в алтарь.

Хоронили их, по благословию Преосвященного Михаила, епископа Курганского и Шадринского, в церковной ограде Смолинской церкви, в одной могиле. Просто и трогательно прозвучало надгробное слово Владыки:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья сослужители! Дорогие братья и сестры! Сегодня в нашей епархии невосполнимая утрата. От нас ушел наш светоч Православия, наша опора в духовной жизни, возлюбленный собрат — протоиерей Григорий.

Земной путь, который он прошел, не отличался радостями и утехами, но, наоборот, за этот срок отец Григорий претерпел и зной, и жар, и холод, претерпел гонения и лишения. Шестнадцать лет провел он в заточении за Веру Православную, являясь исповедником истины Христовой. И Господь уготовал ему праведную кончину, забрав не только его, но и возлюбленную супругу Нину. Это знак Божий. Так умирали в православных русских семьях — готовились и умирали в один день. Как прожили они свою жизнь, так вместе и взлетели к небесным обителям. И я верю, что они прошли без мытарств и поклонились престолу Божию. Велика заслуга почившего нашего собрата протоиерея Григория, велико его дерзновение пред Господом, ибо он исполнил Его заповеди, претерпев все поношения и гонения. До самой смерти пронес он крест, который Господь дал ему.

Сегодня у нас день печали, но в то же время и день радости. Дай Бог всем нам прожить такую же долгую и содержательную жизнь и иметь столько духовных чад, которые спасаются его молитвами, и которых он наставлял в жизни, делясь с ними своим духовным опытом. Дай Бог всем нам пройти его стопами и оказаться там же, где и он сейчас предстоит — в селениях небесных.

Дорогой наш собрат! Мы помним и любим тебя, и никогда не забудем. Из нашей земной памяти не сотрется твой незабвенный образ. Мы верим, что ты обрел дерзновение пред Господом и умолишь Его за нас, грешных, у престола Божия, дабы Православие процветало на нашей Зауральской земле, дабы мир царил в душах людей. Помолись за нас, отче, у престола Божия!»

Народ плакал... А природа, удивительно теплая и тихая для этого времени года, словно радовалась. Вдруг, как на Пасху, «заиграло» солнышко, пульсируя огненно-золотыми волнами света, невольно вызывая трепет в душе и высушивая слезы у людей. Вот какие-то странные полупрозрачные желтые шары, огромные, как облака, тихо, низко и торжественно стали проплывать прямо над деревьями, что стоят над могилой... Будто какой-то кусочек иного мира... Два, три... Уплывают на восток... А вот еще один, еще... Все.

Два снежно-белых голубя, сидевших на склоне крыши храма, прямо над могилой, словно наблюдая за происходящим, вспорхнули, устремились в голубую синь неба и, сверкнув своим перламутровым оперением, исчезли тоже.

Стало как-то трепетно и страшно от этих незнакомых проявлений природы и одновременно светло. Словно мои дорогие родители в своем последнем привете хотели передать: «Не грустите, люди. Зачем слезы, когда для нас окончились земные страдания. Мы вместе покидаем этот мир, чтобы преклонить колена пред Господом нашим Иисусом Христом. Будем молиться за себя и, если Господь допустит, за вас, и за всех православных христиан, которым так нужна опора и защита в наше непростое, беспокойное время».

Эпилог

30 марта 2001-го года, в день святого праведного Алексия, человека Божия, прихожане и гости Свято-Духовского храма в Смолино стали свидетелями чудесного благоухания, исходящего от иконки Пресвятой Троицы, укрепленной на могильном кресте-памятнике в месте упокоения

отца Григория и матушки Нины.

Событие это примечательно еще и потому, что престол Свято-Духовского храма в честь Алексия, человека Божия освещал, по благословению правящего архиерея, отец Григорий. Очевидцем этого знака Божия явилась и редактор православного журнала «Звонница» Кибирева Елена Александровна, чье свидетельство и приводится на страницах книги.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, упокой приснопамятных протоиерея Григория, Нину и усопших их сродников по плоти и прости им все согрешения, вольные и невольные, и даруй Царствие Небесное. Аминь».

Глава 9. Пастырь

Но вы — народ избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет.

(1Пет.3:3-4)

Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых, и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду...

(1Пет.5:1-3)

Пастырь... Как огромно влияние пастыря Святой Православной Церкви на христианина, проходящего свой жизненный путь. Без пастыря мы, овцы стада Христова, по своему недомыслию, лености, высокомерию или по разным другим причинам можем разбрестись духовно кто куда на радость недремлющему врагу рода человеческого диаволу и навеки утратить для себя Царство Небесное.

Пастырь — это та нить, тот луч, связующий нас с Господом, где благодать Божия, данная священнику при рукоположении, осеняет и защищает и нас, грешных, когда мы получаем благословение. Порой мы даже не задумываемся, какой всевременной труд несет на себе священник: труд непрекращающейся молитвы, труд постоянного контроля за своими делами и помыслами, труд размышления и самосовершенствования, труд стяжания Духа Святаго, осеняющего нас благодатью при совершении Евхаристии; труд кротости и терпения при таинстве исповеди, когда батюшка в разрешительной молитве отпускает нам наши беззакония, врачая нас от греховных ран. Мы, люди немощные и грешные, видим только внешнюю сторону этого таинства, не всегда даже осознавая собственное греховное состояние, и, конечно, не задумываемся над тем, что после каждой исповеди священник возносит в алтаре умиловительные молитвы ко Господу за каждого раскаявшегося грешника с просьбой уничтожить «рукописание» его грехов.

А таинства Соборования, Крещения, Венчания, обряд отпевания! Священник — это тот прямой посредник, благодаря которому искра Божия в ком-то только возжигается, в ком-то разгорается сильнее, но, к сожалению, за обыденными делами, ежедневными проблемами и суетой постепенно угасает. Приходя в храм и молитвенно участвуя в церковных богослужениях, прикладываясь ко святым иконам, подходя под елеопомазание, мы поддерживаем в себе эту искру, чтобы во время следующей исповеди и Святого Причащения Божественный пламень вновь озарил, опалил и очистил все темные уголки нашей души и сердца.

Когда у священника появляются духовные чада, степень его ответственности в служении Богу повышается во много раз. Теперь он в ответе за душу человека перед Христом и должен помогать своему чаду в самые напряженные, самые трудные моменты жизни. (Достаточно вспомнить рассказ блаженной Феодоры о мытарствах и заступничестве ее духовного отца Василия). Каждый священник, проходя свой пастырский путь, конечно, духовно растет и совершенствуется, имеет свои победы и поражения, и помощь людям, оказанную через него Господом, хранит в своем сердце. Как правило, о такой чудесной помощи становится известно от благодарных христиан уже потом, после его смерти.

Хотелось бы раскрыть духовно-нравственные принципы отца Григория, благодаря которым каждый христианин может укрепиться в вере и стать сильнее. Принципы, которые помогут нам в устремлении ко Господу поменьше «падать» — как падают букашки, ползущие по травинке, когда она обрывается...

Мне кажется, морально-нравственные принципы любого человека складываются из нескольких факторов. Первый и основной: *в какой духовной среде (я имею в виду не интеллектуальный уровень семьи, а именно духовный) был рожден ребенок, и что он впитывал с детства*. Если обратиться к житиям подвижников благочестия, очень часто можно видеть, что родители их были простыми крестьянами, мастеровыми, торговыми людьми. Но у них была такая крепкая, заложенная многими предыдущими поколениями вера в Господа, что образ жизни, соответствующий их вере, воспринимался детьми, как естество жизни, в которой не было места сомнениям и безверию.

Так, например, родители преподобного [Серафима Саровского](#), как мы знаем, занимались торговлей. Вспомним таких великих подвижников XIX и XX столетий, как старцы Захария, Феодосий Иерусалимский и [Севастиан Карагандинский](#). В другой социальной среде родились и выросли такие светочи Православия, как святитель Феофан, Затворник Вышенский и [святитель Игнатий \(Брянчанинов\)](#). Можно вспомнить и круг дворянского рода Максимовичей, к которому принадлежал святитель [Иоанн Тобольский](#), а потом и последних времен чудотворец блаженный Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Сознательно не затрагиваю тему прихода ко Господу уже сложившегося взрослого человека. Это большой отдельный разговор, не относящийся к основной теме главы — преемственности человеком духовного настроения семьи и веры в Господа с детства через многие поколения хранителей Православной веры.

Следующим фактором формирования духовно-нравственных принципов личности можно назвать *условия жизни, порой не зависящие от человека, но оказывающие важное и непосредственное влияние на его духовность через внешние обстоятельства, а иногда — через страдания, скорби и тесноты, и даже через угрозу самой жизни*.

Все сказанное выше, только во много большей степени, относится к формированию духовно-нравственных принципов православного священника — пастыря Христова, который примером своей жизни и стремлением к святости призван духовно окормлять православных овец своего стада.

Вероятно, приняв решение посвятить себя целиком служению Господу и Его Православной Церкви, каждый неоднократно проверяет себя на твердость выбранного пути: формирует сам или черпает из святоотеческих поучений духовные правила и наставления, обогащая их личным духовным опытом, конкретизируя и дополняя своими пастырскими советами.

Но все начинается с малого. Разбирая бумаги батюшки уже после его кончины, я нашла несколько пожелтевших листков с надписью «Азбука для начинающих духовную жизнь».

«Азбука», применимая для каждого христианина, возможно, была сводом тех правил, по которым формировался и сам батюшка. С одной стороны, выполнение «Азбучных» правил так естественно для христианина, что кажется само собой разумеющимся. Но, как ни странно, именно эта простота и естественная доступность «Азбуки для начинающих духовную жизнь» как бы теряется в нашем сознании, ибо в простоте — вся сложность. Недаром рукой батюшки было написано: «Перечитывать каждую неделю».

В рукописи — 60 правил. Они приводятся целиком, чтобы любой христианин, следующий им, смог хотя бы немного приподняться по духовной лестнице, возводящей нас в Царство небесное. Но следует также предостеречь нашего дорогого читателя (особенно если он только начинает свою духовную жизнь в Православной Церкви) от распространенной ошибки неопитов: «механического», без рассуждения, скорого перенесения молитвенных правил и подвигов подвижников благочестия на свою жизнь и ожидания быстрых результатов. Сам отец Григорий пишет в своем духовном дневнике: *«Все начинается с малого духовного нарастания. Если нет малого делания, то можно ли ожидать великое?»*

«Азбучные правила» православного христианина — это, вероятно, то, что было заложено в его сознание с детства. Далее очень круто и страшно развернулась жизнь у отца Григория, совсем молодого, почти юноши. Вот где все заложенное с детства на «генном», если можно так сказать, наследственном уровне, выработанном многими поколениями этой семьи, помогло устоять, окрепнуть, закалить свою веру в Господа нашего Иисуса Христа и сохранить *не-по-коле-би-мую* надежду на Него во всех жизненных обстоятельствах, ибо сказано в Писании: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Мф.7:7-8)*. Только с такой крепкой верой и надеждой мог выжить молодой Григорий Пономарев, будущий священник, в нечеловеческих условиях заключения. И не только выжить, но возрасти от юноши до умудренного жизнью мужа, который может вести за собой более слабых; который твердо знает, что хочет, и добивается этого.

Вся жизнь после заключения отца Григория — это жертвенное служение Господу в лоне Его Святой Православной Церкви, а именно: непрекращающиеся молитвы, ночные бдения и продолжительные богослужения; учеба в духовной семинарии и постоянное изучение Священного Писания и творений Святых Отцов; изучение латинского языка и иврита, чтобы усовершенствоваться в понимании смысла библейских текстов; неутомимое стремление к укреплению у православного народа веры прежде всего примером своего собственного служения людям и Богу. Внимательное изучение личностных особенностей каждого духовного чада с целью более тщательно «лечить душевные недуги пасомых», — как пишет в своем дневнике сам батюшка.

Каждый год приносит радости и огорчения, ставит все новые задачи и трудности в воспитании у людей веры. Понимая, что его истовое исповедничество веры прямо противопоставляется государственной задаче воспитания людей («генеральной линии партии»), и, зная, чем могут закончиться его усилия, он тверд и непоколебим, исповедуя Господа, совершая свое жертвенное служение Святой Церкви. Помню, как после нескольких очень трудных и тяжелых разговоров батюшки с уполномоченными по делам религии (и в Нижнем Тагиле, и в Кургане) матушка, запивая валидол валерьянкой и читая молитвы, укладывала его вещи... Она боялась всего. У нее, к сожалению, был печальный и страшный опыт. Но все-таки шестидесятые годы — не тридцатые, и дело заканчивалось резким разговором и разного рода предупреждениями.

«И что вам нужно? Не пойму, — как-то говорил отцу Григорию уполномоченный при Курганском облисполкоме. — Ну, послужили в храме часика полтора-два, и сидите себе на Тоболе — рыбачьте. И самим спокойно, и в конфликт с властями не входите. Кстати, ведь ваш

православный святой Симеон тоже много занимался рыболовством». Какое знание предмета! Какая ирония!

Но и это надо было пережить: найти «взаимопонимание» с государственными чиновниками и в то же время, ни на минуту не оставляя церковное стадо, окормлять, «растить» (как писал в духовном дневнике батюшка), воспитывать своих духовных чад, свою паству, доверенную ему Самим Господом.

Годы и трудности, служение Богу и людям в разных приходах епархии медленно и непоколебимо формировали духовный опыт умудренного жизнью пастыря, которого Господь дал людям в помощь и утешение, в наставление в их постоянных скорбях и бедах. Божиим Промыслом суждено было отцу Григорию стать пастырем не просто стада Христова, но и самих духовных пастырей — священства епархии.

Свой личный духовный дневник отец Григорий начинает вести, очевидно, вскоре после рукоположения в сан иерея. Мысли, которые фиксируются в нем, многократно проверяются и перепроверяются. Очень много слов подчеркнуто, у некоторых абзацев стоят даты разных лет, они отражают постоянную работу отца Григория над собой, отношение к дневнику как к «контрольному инструменту».

Дневник — это орудие его духовного труда-подвига, а различные даты обращения к одним и тем же словам свидетельствуют, что батюшка перечитывал их, возвращаясь и как бы утверждаясь в своей мысли, записанной на данный день. Дневник настолько глубок и содержателен, что в нем трудно выделить что-то самое главное, поэтому он приведен полностью, с различием от оригинала только в том, что условно дневник разделен на пять частей и сформирован по характерным главам и содержанию специально для читателя. Сделано это неслучайно. Дело в том, что часть дневниковых записей отца Григория (мысли и советы) можно отнести ко всем верующим. Другая часть — не исключение первой, но дополнение для размышления именно пастырей, служителей Господа. Далее приводятся тексты «Азбуки» и «Дневника».

В рукописях отца Григория осталось его обращение к читателям. Текст этого обращения интересен тем, что батюшка как бы заранее просит всех, кому дорога память о близких, ушедших уже в мир иной, возносить ко Всевышнему молитвы об упокоении их душ, помня заповедь о любви к ближнему. Помянем и мы протоиерея Григория, его матушку Нину, зная, как они будут благодарны за приносимые о них Богу молитвы.

Обращение отца Григория к читателям, найденное в рукописях батюшки

Дорогие читатели!

Передаю вам наставление духовных отцов. Нам нужно в памяти держать святую заповедь: «Поминай последняя твоя, и во веки не согрешишь!» Если будешь это в памяти своей держать, то и будешь стараться управлять своими телесными органами: руками, ногами, а особенно малым органом — языком; воздерживаться от многословия, празднословия. Особенно удерживать свой язык от осуждения ближних, хотя и видишь их недостатки. А если это допустишь, то сам потом впадешь в большое душевное угнетение — уныние.

Нужно всегда помнить святую заповедь: «Люби ближнего, как самого себя». Эта святая заповедь должна быть применима не только к земным нашим братьям и сестрам, но и к тем, которые уже оставили этот земной мир и перешли в загробный мир. Как они благодарны будут за приносимые молитвы к Всевышнему за них.

Помоги Бог, чтобы это краткое духовное наставление не только прочитано было, как многое читается и забывается, а было выполнено в своей жизни.

Азбука для начинающих духовную жизнь

1. Проснувшись, вспомни о Боге и положи на себе крестное знамение.
2. День свой начинай лишь после молитвенного правила.
3. В течение дня молись краткими молитвами.
4. Молитва — это крылья души, она делает душу престолом Божиим.
5. Чтобы Бог услышал твою молитву, надо молиться не языком, а сердцем.
6. Не бросай молитвы, когда враг нагоняет на тебя бесчувствие. Кто принуждает себя к молитве при сухости души, тот выше молящегося со слезами.
7. Новый Завет тебе надо знать разумом и сердцем, поучаться в нем постоянно. Непонятное не сам толкуй, а узнавай из творений святых.
8. Святую воду с каждого освящения не забывай пить.
9. «Богородице Дево» произноси на каждый час.
10. Читай творения Святых Отцов. Если у тебя нет их, попроси, кто имеет.
11. Во искушениях и напастях твоих читай Псалтирь и молебные каноны.
12. Припадении демонов и приближении греха пой песнопения Страстей Христовых и Пасхи. Читай канон с акафистом Иисусу Христу — Он разрешит узы оковавшего тебя мрака.
13. Если не знаешь, не можешь петь и читать, то в минуту брани поминай имя Иисусово, стой у Креста Его и врачуйся плачем своим.
14. Начинающий духовную жизнь должен помнить, что он больной: ум заблуждается, воля клонится ко злу, сердце в нечистоте от клокочущих в нем страстей. Поэтому духовное совершенствование должно быть в приобретении душевного здоровья.
15. Постись и знай, что Богу угодно не только воздержание чрева, но паче воздержание сердца и страстей.
16. Духовная жизнь — постоянная брань с врагами спасения души. Не спи, дух твой должен быть бодр. В брани сей призывай на помощь твоего Спасителя.
17. Не соглашайся с греховными помыслами, знай, что согласие — это греховное дело.
18. Помни, что погибают только нерадивые.
19. Постоянно проси: «Страх Твой, Господи, всели в сердце мое». О, как блажен тот, кто имеет постоянный трепет перед Господом нашим Иисусом Христом.
20. Все сердце без остатка отдай Богу и ощутишь рай на земле.
21. Вера укрепляется от всегдашнего покаяния и молитвы, а также от общения с людьми глубокой веры.
22. Запиши всех знакомых, любящих и ненавидящих тебя, страдальцев века сего нашего и тех, о которых некому помолиться, живых и мертвых, и поминай их ежедневно в своих молитвах.
23. Ищи неустанно дел милосердия и любви сострадательной; без этих дел невозможно угодить Богу.
24. Без неотложной необходимости никуда не ходи.
25. Как можно меньше смейся и говори поменьше.
26. Не будь никогда празден, а в праздник почитай Святое Писание.
27. Люби святое уединение.
28. Все обиды — терпи: сначала молчанием, потом укорением себя, потом молитвой за обидчика.
29. Смирение побеждает всех бесов, а терпение побеждает страсти души и тела.
30. Не показывай на молитве твоей ревности, твоих слез умиления.
31. Православного священника почитай ангелом, благовестником, посланником.

32. С людьми общайся осторожно — как с огнем; внимательно — как с наследниками Царствия Божия.
33. Всем все прощай и всем сочувствуй в их страданиях.
34. Не забывай ближних.
35. Кто ищет покоя, в том не может быть Святой Дух.
36. Тоска и смущение нападают на человека от недостатка молитвы.
37. Всегда и везде призывай на помощь своего ангела-хранителя.
38. Храни всегда плачь сердечный о грехах своих, а после Святого Причастия радуйся тихо об освобождении своем.
39. Знай свои грехи, а чужих тщательно берегись. Не губи себя осуждением. Осуждающий — антихрист.
40. Каждый вечер исповедуйся Господу во всех своих грешных делах, словах, мыслях.
41. Перед сном мирись со слезами, земным поклоном.
42. Не рассказывай снов другим людям.
43. Усни с крестным знамением.
44. Ночная молитва дороже дневной.
45. Не теряй связи с духовным отцом, страшись его оскорбить или обидеть, ничего не утаивай от него.
46. Всегда и за все благодари Господа.
47. Внутренняя скорбь о грехах спасительнее всех телесных подвигов.
48. Нет лучше слов на нашем языке, как «Господи, спаси меня».
49. Полюби церковные уставы и сближай их с жизнью твоею.
50. Внимай внешним чувствам — через них входит враг.
51. Когда познаешь бессилие в творении добра, то помни, что тебя спасает Спаситель.
52. Вера должна быть неприступной крепостью. Знай, что враг не дремлет, а стяжи каждый твой шаг.
53. Скорби, теснота, труды, болезни сближают нас с Богом; не бойся и не ропщи.
54. Никто не восходит на небо, живя благополучно.
55. Как можно чаще причащайся, в этом твоя жизнь.
56. Никогда не забывай, что Господь при дверях, что скоро суд и воздаяние.
57. Помни, что Господь уготовал любящим Его.
58. Не верь каким-либо (даже добрым) пожеланиям своим; не верь своему сердцу, пока не одобрит духовник.
59. Отделяй от себя греховное начало, внимай себе, избегай желаний твоих — внутреннего врага.
60. **Читай «Азбуку» раз в неделю.**

Из духовного дневника протоиерея Григория Пономарева

Часть I. Общие наставления

«Что знаешь — молчи, что слышишь — молчи...»

«Внутри часто поднимается недовольство, озлобленность на ближних. Какая требуется напряженность духа, чтобы изгнать это чувство, требуется молитва к Божией Матери, Ангелу-хранителю, святым угодникам».

«Великая приходит беда от льготности. Замечай, как незаметно для себя пустошишь себя духовно, как по лестнице, опустишься на самое дно».

«Воспитывай в себе молчание, через это приобретается молитва».

«Если придет умственная смешливость, она сменится унынием, малодушием».

«Каждое дело, какое бы ни делал, всегда делай с молитвой, и будет успех».

«Без Мене не можете творити ничесоже».

«Когда попадешь в тесные, тяжелые обстоятельства, срочно воссылай прошение к Всевидящему, как поступить — и быстро ориентируйся в той обстановке».

«Заступник мой буди, Боже! яко хожу посреде сетей многих».

«Большая трудная работа — стяжать в себе дух мирный. За труды Господь пошлет Свою благодать.

Душевное возмущение надо в себе гасить помыслами мирными, достигается — через молитву.

Помни: все не случайно, все посылается для проверки нашей духовной крепости. «Господи, помоги!» (Читал 14/V-86 г., 21/IV-88 г., 5/X-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г., 96 г.).

«Как только вспыхнет зло, гаси его любовным, мирным отношением с ближним. На этот загоревшийся костер зла дальше (и не переставая) лей слова мира и любви, чтобы и угольков зла не осталось. (Читал XI-78 г., 21/IV-88 г. 5/X, 19/III-90 г.).

«Очень страшно, опасно долго пребывать в состоянии озлобления, теряется самое дорогое — молитва». «Дом — это комната, это кузница-подковка, а выход из дома — проверка подковки». (Читал 87 г., 21/IV-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Большое значение в духовной жизни имеет употребление пищи. Не пресыщай себя, а то потерпишь душевное крушение».

«Если во время искушения не можешь молиться, то настойчиво читай хотя бы Святое Евангелие и обретешь душевный покой». (Читал XI-78г., 14/V-86 г., 29/VII-87г., 21/IV-88г., 5/X 88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Всегда помни, что ты — ничто, и из глубины душевной всегда при делании призывай помощь Божественную».

«Превозношение много вредит. Считай себя меньше других и пользы будет больше».

«Подкопы страшные, малозаметные ведутся к разрушению духовного дома, это празднословие, смех, осуждение. Знай и крепко помни, что это — твои враги». (Читал 20/II-76 г., 3/VIII-76 г., 14/V-86 г., 21/IV-88 г., 5/X-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Чувствуешь трудность, учись призывать с твердой верой Божественную помощь. Не пропускай этих моментов. Они не случайны». (Читал 21/IV-88 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Припадай с глубоким душевным смирением ко Господу, проси у великого Пастыреначальника даровать тебе святое смирение, вкусить сладость его, научиться себя считать хуже всех,

научиться быть постоянным в упражнениях — духовных заданиях на каждый день».

«Трудись упорно, молись постоянно и с верой. Только при этих условиях возможно встать на путь духовной жизни».

«Как можно больше иметь смирения, сознания своей немощи — вот основа всей нашей духовной жизни. Следи за собой».

«Как опасно давать себе послабления. Достаточно разрешить себе что-то в немногом, как после этого пойдет разрушение всего духовного дома. Можно за малый период разрушить то, что созидалось и хранилось месяцами».

«Будь осторожен! Не поблажай плоти! Больше настойчивости, постоянства и душевного обращения за Божественной помощью».

«Главное — это научиться тому, чтобы воспитать в себе чувство полного предания себя воле Божией. Помни твердо, что ни случится с тобой на каждый день, час — за все благодари Господа и во всем случившемся усматривай не просто случайность, а нужную проверку твоих духовных сил, твою духовную боеспособность». (Читал XI-1978 г., 14/V-86 г., 21/IV-88 г., 5/X-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/XI-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Господь Своей благодатностью, Своей теплотой так близок к нам, грешным. Только надо нам душевно, сердечно стремиться пробить эту толщу, как какую-то оболочку, чтобы почувствовать свободу. А связанность-то очень чувствуется».

«Большое самосожаление часто приводит к полному крушению духовного зодчества».

«Главный двигатель в духовной жизни — душевное, глубоко-сердечное припадание ко Господу. Если оно будет постоянным, то духовность процветет. А если частичным, случайным, то и вся твоя духовная жизнь будет принимать вид какой-то угловатости. Воспитывай в себе это чувство — произрастут прекрасные плоды: смирение (настоящее, искреннее) и чувство предания себя во всем воле Всевышнего». (Читал 21/IV-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/XI-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Какую нужно иметь громадную личную ответственность за исполнение намеченных правил (режима): внутренне восчувствовать их святость, высоту, необходимость исполнения. Забыть думать, что это мое личностное, келейное дело. Нет, это сугубо общественное служение. Помни». (Читал 21/IV-88 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Надо оберегать себя от внутренней раздражительности, какими бы справедливыми причинами ни оправдывалось последнее. Всякое осуждение приносит внутреннее раздражение, возмущение. Берегись, чтобы этот грязный поток не залил бы душевной храмины, не заполнил бы ее противным духом равнодушия, беспечности, забвения духовных правил». (Читал XI-1978 г., 14/V-86 г., 21/IV-88 г., 5/X-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/XI-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.).

«Больших грехов мы боимся (сразу их делать), а когда они входят постепенно: по мелочам, по частям, — мы свыкаемся и не страшимся входить в общение со страшной бесовской силой».

«Не забывай, что тысячи злобных глаз устремлены на тебя. Это заставит тебя бодрствовать и понудит к внутренней защите и частому сердечному прошению о Божественной помощи. Призови с верою, и помощь придет».

«Как хорошо сохранять в тайнике души своей сердечное обращение ко Господу. Тогда так спокойно, тихо бывает, и вливается много светлой силы, энергии к духовному деланию».

«Враг делает свое дело — валит все, что попадет. Цель одна — заглушить, потушить только бы огонь ревности о страхе Божиим и через то лишиться духовной радости». (30/IX-87г. Читал 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/XI-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г. 20/V-96 г.).

«Борьба: с плотью, миром и дьяволом. Жизнь свою представляй непрерывным сражением. Смотри, когда, какие были битвы и какие понесены поражения. Будь наблюдателем за собой: над поступками, мыслями, над всей своей жизнью».

«Каждый день приносит сражение, все не проходит бесследно. Насколько нужно быть осторожным!»

«О любви к ближнему спрашивай себя каждый день-час. Это главное — воспитать в себе любовь».

«Малейшие проблески мыслей должны быть взвешены; предусмотрены, к чему они могут привести».

«Какая может посещать пустота душевная, какие возникают разные планы: появляется обидчивость, злопамятство, мщение (чем можно) за уязвленное самолюбие. Вот какая картина внутреннего состояния».

«Внутренняя смешливость — исход, уныние — опустошенность душевная; нет молитвы, и нет желания и позова к молитве».

«Бывает и так, что чувствуешь очень даже сильно душевную тяжесть, а помощи не требуешь, — все как мглой какой покрывается...» (XI-78 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII- 94 г.).

«Борьба с плотью — великая борьба. Требуется большая наблюдательность».

«Празднословие, не имеющее ни конца, ни края...»

«Постепенно создается духовный внутренний склад человека, который, прежде чем укрепиться, терпит большие неприятности».

«Бойся гордости во всех ее проявлениях».

«Начинай наблюдать с мыслей своих — это особенно важное. Ведь малая порошинка, а выводит из строя глаз. Так и малое движение (внутреннее, с прослойкой самолюбия и превосходства) — мгновенно убивает духовное настроение. А с маленького дойдешь и до большого. Замечай, как начнешь после этого (кажущегося маловажным) поступать и решать с встретившимся с тобой. заметишь — был немилостивый, раздражительный, вспыльчивый, осудительный, многоречивый. Все это ярко бросается в глаза. А что еще глубже содержится, то и сам не видишь того...

«Спаси и помилуй, Господи, от такого состояния. Страшно попадать в духовные штормы». (14/V-86 г., 18/XI-94 г., 24/XII- 94 г.).

«Часто печалимся, потерявши материальное нечто, а о большем, несравнимо ценнейшем, о том не печалимся».

«Каждый день несет свой запас дел. Все уходит в вечность! Страшись быть немилосердным, немилостивым!

Если допущены были какие немилости, торопись покрыть их большими милостынями, чтобы просители там (*в горнем мире* — ред.) еще не (*успели* — ред.) подтвердить наше милосердие. Страшно ведь! Нет мелочей в духовной жизни».

«Не гневайся ни на свои, ни на чужие промахи. И они нужны — смирить нашу гордыню».

«Слезно проси о выполнении намеченного; научись просить душевно и сосредоточенно. Требуется большая твердость, настойчивость — как крепость брать. Помни всегда о трудности».

«Убеждаюсь явно, как надо охранять плод молитвы. Помни, что после совершения лукавый не потерпит всхода от духовного сеяния, воздвигнет большое гонение изнутри и от внешних.

После молитвы всегда ожидай принять большое или малое духовное сражение в зависимости от горячности молитвы, от высоты горняго полета». (*14/V-86 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.*)

«Твердо помни, что от Господа все исходит».

«Учись молиться с верою — обретешь быстро плод молитвы».

«Соблазны и дела плоти: прелюбодеяние, блуд, нечистота; идолослужение, вражда, ссоры; зависть, гнев, клевета, гордость».

«Всемерно держаться за установленный молитвенный порядок. Будешь, как в корыте: выпрыгнуть-то нельзя из него — правила держат (опыт). А выпрыгнул, выбился из колеи... и пошел гулять.

Такая гулянка дорого обходится. Тут и немощь телесная, и просто лень, уныние, полная апатия, все-все, что только может быть худого. Все, как репей, прильнет и так быстро и цепко ухватится, что не скоро отцепишься от него.

А внутреннее сознание своего непостоянства, нанесенного большого оскорбления, что променял духовную беседу-разговор! На что? — на пустословие, еду, на сон... И что это все потом тебе принесло? Одно только уныние и томление духа.

Но помни: чтобы восстать и войти обратно в колею, надо опять крепко-крепко от глубины души возопить: **«Боже, милостив буди мне, грешному!»** (*25/IV-90 г., 17/II-91 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.*)

«Чтобы любить ближнего, надо изыскивать все средства и способы мягкого обращения с ним. **Господи, помоги!**»

«Приступая в молитве к обитателям горних, надо с глубоким смирением сознавать свои слабости, немощи, и в то же время твердо понимать, что там — совершенная любовь, святость. Оттуда несомненно получишь поддержку-помощь».

«Всегда неизменно помышляй, что ты временный здесь посетитель. Туда перейдет весь твой внутренний облик, какой он был на сегодняшний день. Хорош ли?»

«Любовь — это соль, без которой не вкусны, не привлекательны и теряют всякую цену многие доброделания. Любовь — это основание, на котором строится духовное здание.

Дело сделанное, слово, сказанное по любви, оставляет большой аромат на многие часы, а может быть и дни. Без любви не будет духовного делания».

«Когда, как говорится, и в двери, и в окна души лезут эти враги — помыслы, что надо делать?

— Молиться душевно, сердечно, сосредоточенно, довести до точки живого общения с Господом. Предать себя всецело Господу.

«Да будет воля Твоя!» — внутренне пусть эти слова скажутся». (25/IV-90 г., 19/II-90 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Как осязательно чувствуешь последствия, бываемые от внутренней раздражительности, недовольства, душевной нерасположенности, своего якобы превосходства; ближнего же — как бы глупости, неразумия... Все это, я говорю, ведет к полному уничтожению молитвенного строя (опыт).

Сам почувствуешь тогда после всего этого, куда девалась душевная теплота... — исчезла. Подобно тому, как холод и тепло вместе находиться не могут — одно должно вытеснить другое.

Вот как надо бережно относиться к своему внутреннему состоянию. Как только заметил внутреннее охлаждение к ближнему, проявленное в раздражительности или в чем другом, лишенном любви, быстро, не медля начинай воссылать из глубин душевных молитву о здравии и спасении тех, против которых восстал, хотя бы мысленно.

Мысленное умаление ближнего заменяй изысканием великих и славных дел его, даже тебе известных. Великая от этого польза». (19/III-90 г., 25/IV-90 г., 17/II-94 г., 18/XI-94 г.).

«Бойся, страшись льготности! Страшно остаться у потухшего духовного костра! Сам замерзнешь, и приходящих к тебе не согреешь добрым ласковым словом, словом одобрения, словом жизни».

«Каждое знакомство, встреча — все должно быть направлено к духовным целям».

«Требуется много питать себя духовно, просто, можно сказать, ежечасно пополнять духовную сокровищницу. Большая работа!»

«Когда нет духа любви, тогда очень тяжело, душно-тесно.

А когда луч хоть малой любви осветит, тогда не видно границ для доброделания — чувствуется легкость, возвышенность, горение духа».

«Как надо бояться погасить в себе искорку любви, страшиться малой раздражительности и даже внутреннего недовольства, потому что это вестники большой разрушительной силы. Они несут утрату душевного покоя и радости». (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г.).

«Привыкай наступающий день считать последним в своей жизни, а также каждую встречу, дело, разговор считай последним». (10/III-75 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«О, эта льготность! Как она обманчива, — скрытый опасный враг; под личиной дружества вонзает нож, отнимая все лучшее, дорогое, ценное!»

«Тело наше — брэнная тяжелая одежда. Как мы холим эту одежду, которая разрушится! А часто при жизни не бережем ее — опять делаем ошибку. При здоровом теле много можно сделать добра».

«Как немного надо для того, чтобы нарушить в себе мирное настроение.

Немного сказанного (одно слово с прослойкой смешливости) способно бывает нарушить доселе строгое приподнятое духовное настроение.

Допущенная словесная болтливость служит причиной к душевной опустошенности, к потере духовного мира.

Как надо быть осторожным, — с простотой, доступностью сердечной сохранять большую строгость к себе.

Скуп на слова, внимателен к окружающим».

«Вот наука: как молиться? Это — отдать себя целиком и полностью со всеми своими мыслями-желаниями. Не должно быть двойственности.

Молиться надо настойчиво, с благоговением и сердечным устремлением, полной отдачей себя, а не просто бы только с рук столкнуть».

«**Льготность** — очень большой и опасный враг. Допущение телесного покоя много повредит духовности. Ласково берет, но жестоко бьет. Очень опасный, ежечасно подстерегающий враг. Трезвись и бодрствуй!»

«Очень опасно питать и малые чувства неприязни к ближним. Они быстро вырастают и угнетают, прежде всего, самого себя».

«Одна духовная дочь поведала: «Помолилась «Богородице Дево», прочитала 500 раз, и ребенок, больной, расслабленный, стал здоровым». — Дивная сила молитвы».

«Воспитывай в себе чувство ничтожества, особенно при начале молитвы. (Опыт)».

«При больших душевных переживаниях происходит упадок телесных, а наипаче душевных сил. Необходима краткая, но проникновенная просьба молитвенная о помощи.

Не случайно посещение таких ужасных душевных провалов — дабы сочувствие, понимание иметь во всем другим пловцам бурного жизненного океана, испытывающим эти состояния».

«Не нужно много открывать своих душевных тайников (в смысле — духовных советов). Это тоже бесполезно. Говоришь на ветер, а себя через это обкрадываешь».

«Очень опасно заниматься осуждением когда-либо. Это грозит личным душевным опустошением. Вот и выбирай: полноту душевную или пустоту. (Опыт)». (10/X-84 г., 21/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Не презирай человека, каков бы он ни был. Достаточно это допустить, как все пойдет вверх дном. (Опыт).

Большая сложность в этом — поднять на высоту уроненные авторитеты».

«Малейший изгиб, поворот душевный в сторону озлобления, в чем бы он не совершался:

словесно или мысленно, — приводит к разрушению и обнищанию духовному. Малейшая немилость, нелюбовность сразу же скажется — почувствуется усталость: душевная и даже физическая. Все это приносит не радость и покой, а наоборот — тягость и раздражительность».

«Надо просто физически заставить себя молиться. Пусть вначале несвязно, запинаясь, даже падая. Невзирая на все это, веди свой разговор, свою беседу с горним миром».

«Лучше меньше посвящать других в личные приемы духовной работы.

Больше развивать в себе молчание — дорогое (*качество — ред.*), подготавливающее к сосредоточенной молитве, — отдаче себя».

«Надо быть очень крепким духом, несмотря на свои промахи-неудачи. Не падать духом, а молиться и просить; уметь просить с верой, не формально».

«Очень важное наблюдение одной души-христианки: при крайнем телесном расслаблении, нежелании встать на молитву надо совершать истовое крестное знамение, да не один раз. После этого вливается большая духовная энергия, загораются желание молиться. (Христианский опыт наших дней)».

«Любовь все покрывает, не помнит зла».

«Как можешь ты исполнить первую заповедь: «Люби Бога», если не выполнил наказ: «Люби ближняго, как самого себя» (опыт)? Все христианство основы имеет в этой заповеди.

Какая требуется внимательность к себе на днях, часах, минутах в своей жизни к выполнению этого завета любви.

Враг сильно ненавидит эту заповедь и старается ежеминутно (без преувеличения) вселять сначала мысленно, а потом словами и делами нелюбовность к окружающим, а через это самое вводит нашу душу в страшное место духовного мрака: пустоты, озлобленности, раздражительности.

Успех молитвы за других достигается при условии выполнения святого наказа: «Помни: Бог — любовь есть». С верой надо просить, весь наполнен (*будь — ред.*) желанием помочь. Проявить любовь... Для души любящей нет никаких препятствий, все можно получить, чего просишь. Только искренне проникнись в эту заповедь, тогда жизнь будет настолько возвышенна, радостна, невзирая ни на какие трудности, физические и моральные!»

«Надо научиться предавать себя всецело в волю Господню, чаще и проникновенно говорить: *«Да будет воля Твоя!»*

Из воспоминаний О. Г. Пономаревой

Много раз мне приходилось слышать, как обращаются к отцу Григорию с просьбой помолиться за пьющих. Батюшка всегда записывал имя пьющего и молился о нем. Но кроме того, от батюшки приходилось слышать советы (если человек хочет сам избавиться от этого порока), которые отец Григорий почерпнул в «Идеалах христианской жизни» Евгения Поселянина:

1) Когда появляется тяга к выпивке, прежде чем пить, — прочитай главу из Евангелия. Если тяга не прошла — еще одну. Постепенно вместо желания выпить возникает отвращение к вину. Но только делать это надо, вкладывая всю душу в молитву и чтение Евангелия, Прямо обратись всего себя в молитву, ничего не чувствуя вокруг...

2) Так же при тяге к спиртному: «Прочитать 33 раза Иисусову молитву (по числу земных лет жизни Иисуса Христа)».

Одна из неожиданных записей отца Григория: «Выучить стихотворение А. С. Пушкина «Пророк»».

Из разговора с отцом Григорием

«Страшно, когда человек, проходя по жизненному пути, не встречает трудностей, переживаний, страданий. Господь как бы не видит в нем Свое дитя и, давая, насладиться всем на земле, закрывает путь к блаженству в вечности. То есть люди, терпящие трудности и беды, не забыты Господом; вот почему надо радоваться при своих бедах. Хотя бы не унывать и не отчаиваться, а видеть в этом Божий Промысл».

Выдержки из поучений святителя Феофана Затворника (записанные в дневнике отца Григория)

«В духовной жизни необходимо постоянное самопринуждение».

«Духовные дела требуют напряженнейшего труда».

«Кто желает себе на земле покоя, тот является первым врагом своего спасения».

«Постоянный и непрерывный труд над собой — необходимое условие в деле спасения христианина».

«Человека, ищущего спасения, подстерегают многие неожиданные скорби и жизненные трудности».

Из духовного дневника протоиерея Григория Пономарева

Часть II. Общие наставления

«Каждый час куда ушел? Дай ответ»

«Требуется не только каждодневный, а лучше ежечасный просмотр своего «я». Великая польза от этого». (Читал XII-1976 г., X-1978 г., XI-78 г., 14/V-86 г 21/IV-88 г., 31/?-88 г., 5/X, 19/V-89 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г.).

«Подробное описание дня способствует духовному совершенствованию. Необходима часовая наблюдательность».

«Опыт показал, насколько опасно давать себе льготу, ослабление в дневном духовном режиме. Постепенно разрешая себе то и другое не выполнять, придешь в конечном итоге за какое-то время к полному оставлению прежде тщательно выполняемого правила. Оглянешься назад и ужаснешься, — время-то ушло, а ничего духовного не сделано».

Правильно, что духовная жизнь начинается с минуты». (XI-78 г., 14/V-86 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII- 94 г.).

«Дай отчет о прожитом дне, во всех изгибах своей души».

«Господи, помоги ценить данное время — каждый день, час и того меньший отрезок времени!»

«Строгая борьба с праздностью в делах и словах и даже мыслях.

Уделяй время на каждое дело: *«столько- то должен затратить»* — тогда будешь иметь цену времени».

«Какая требуется наблюдательность за собой. Время, данное нам, как дорого!» (Читал 21/IV-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Определенно намечай план дня: что сделать. Трудись над намеченным и проси об успехе».

«Как надо всегда живо представлять, **перед Кем мы стоим? и как стоим?**

Вот два больших духовных вопроса, над которыми надо ежедневно-ежечасно работать, чтобы научиться молитве».

«Как надо ценить свое духовное настроение — оберегать его в полном смысле слова; беречь каждый час, минуту. Вот какая сложная задача».

«Наблюдай ежечасно за потоком мыслей своих. Скоро убедишься воочию, куда направлено сердце твое».

«Каждый час куда ушел? Дай ответ».

«Должен быть план дня обязательно — за что бороться, о чем просить».

«План дня хорошо противостоит лени и нерадению».

«Какая требуется неусыпная наблюдательность за внутренним своим душевным состоянием. Неопустительная исполнительность духовного режима каждого дня. Что приносит каждый день для духовного роста? Или ее (духовную жизнь — ред.) обогащает, возвышая ее, или обкрадывает, унося из ее сокровищницы ценности».

«Берегись одной минуты нерадения — не повреди всей духовной стройке. Ярко представляй свой последний день».

«Нет ежечасного плана духовной работы — плохо тогда, в этом — горе большое; все тогда валом идет, как попало. И нет молитвы и просьбы о том, что бы сделать, ибо сам не представляешь, что делать».

«Большое положено начало — фиксировать контрольность каждого часа». (24/VI-77 г., 21/X-94 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.).

«Как необходимо ежечасное наблюдение над самим собой! Чем полна душа твоя? Исполнение намеченных планов требует большого горения, большой энергии. Это ведь не простое мимолетное согласие, а твердое решение сделать то или иное намеченное дело. Помни, какая требуется громадная душевная сила, побуждающая к исполнению намеченного плана дня. Одного желания мало, не хватит на все то, что планируешь.

Требуется большая поддержка — сила. Сила эта — упорная, глубокая, душевная просьба-молитва.

Помни, что в молитве все-все получишь. «Невозможное у людей возможно у Бога».

Каждодневно воспитывай свою веру. Проси, и будет дано». (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г., 25/IV-96 г.).

«Помнить надо всегда, что духовная жизнь требует большого постоянства — жизнь большого подвига.

Заставляй на каждый час выполнять положенное по режиму. А как хочется нарушить этот указатель — просто мечтать; а это ведь к лени ведет, к опустошению духа. Будь бодр всегда!»

«Как надо много-много иметь любви на каждый час-минуту.

Каждая клеточка часовая должна быть использована для духовной стройки. Основание строительства — любовь, тогда только она перейдет в вечность».

«Какая требуется всегдашняя строгость, требовательность лично к себе.

Где найдешь неиссякаемый источник энергии, как только не в молитве: искренней, сердечной, просящей?

Сколько духовной работы!

Эта духовная работа состоит как бы в заполнении малых личинок — «дней-часов» — отборным ароматичным медом — доброделанием. Аромат исходит от молитвы и любви. Если не будет последних, то и заполненные личинки не будут приняты, как не выдержавшие должного требования.

Помни, что только любовь может осветить ярким светом все мельчайшие личинки — дни, часы. Заполнение их — это есть каждодневное или, может быть, ежечасное обращение с ближними. Нет любви, все гасится, все погружается во тьму, наступает мрак, скорбь. Уныние, тягота объемлют внутреннее состояние.

Объявляй войну с раздражительностью. Где она появляется, там нет и проблеска любви, там страшный зверь — гнев. Бойся его, всякая душа христианская! Раздражительность поведет к убийству души».

«Важность одного часа. Один час, не в плане проведенный, родит уже задолженность. А что сказать о десятках и более проведенных часов беспечности-несобранности.

Мы воины на каждый день и час. В духовном сражении кто выиграл? Смотри сам по совести: трофеи победителя — смирение и любовь. А если после схватки боевой остается на душе гордость и раздражение, значит, битва проиграна».

«Намечай строго час дня и работай над этим относительно малым участком дня, а потом и к большему наблюдению перейдешь.

(Заметка от 12/V-76 г., после бури душевной).

Как бывает трудно входить в колею утраченного духовного режима исполнения молитвенного правила, чтения Святого Евангелия и Псалтири.

Просьба душевная должна быть большая. Умей пользоваться каждый час планировкой намеченных дел, письменно или мысленно, материальных дел и внутреннего духовного

делания — молчания».

«В течение часа хорошо проводить духовную работу по преданию себя воле Божией: во всем до мельчайших подробностей видеть «неслучайность»».

«Какую громадную услугу дает нам рассмотрение часа. Тут все усмотришь в течение 60 минут, что было послано тебе для духовного роста, и как ты отнесся к этому: посещение доброй мысли и совета твоего друга — святого Ангела, а так же и посещение злой, темной силы, твоего недруга — посланника ада. И все это — в течение часа».

«Минутное имеет глубокое душевное наблюдение и приносит громадную духовную пользу. Цени минуту; потеря ее в праздности, духовной и телесной, породит и другие минуты, часы, десятки их и даже больше того. При выполнении дневного плана душевно кричи — моли, и получишь. От минутной работы незаметно вырастает и часовая». (80 г., 85 г., 91 г.).

«Записывай мысли часа, планы и желания. Это — духовная разведка, геология: надо, значит, бить шурфы и скважины, как и в глубинах земных.

Так же и у нас где-то далеко-далеко, в области душевной: сколько надо силы и энергии, чтобы их (планы — ред.) вывести, в жизнь претворить. Обдумывание часа — громадная работа, но очень полезная. Выделить особую страницу — «планы и желания»».

«Хорошо отводить время каждому делу. Всемерно бороться за выполнение намеченного».

«Каждодневно давай отчет, куда потрачено время».

Из воспоминаний О. Г. Пономаревой

Хочется еще раз подчеркнуть внимательное отношение отца Григория к собственному режиму дня и к тем духовным заданиям, которые он ежедневно составлял для себя и для своих духовных чад, настаивая на том, что **«нужно строго держать режим. Утром проспал — молись с вечера об утре, и обратно...»** (из дневниковых записей батюшки).

В ритме жизни отца Григория мы замечали ни торопливости, ни суеты, но каждая минута его (без преувеличения) была занята и чувствовалось, что он проводит день по четко распланированному внутреннему заданию, в которое мог быть включен самый разнообразный список духовных занятий и, одновременно, простых хозяйственных забот. От ежедневного, неукоснительно выполняемого им молитвенного правила, чтения духовной литературы, систематизации и приведения в порядок книг, дневниковых записей, составления и перепечатывания на печатной машинке особых духовных книг для своих чад — до намеченного заранее приведения в порядок дворовых построек, распилки дров, мелкого ремонта дома и тому подобное. И все это он делал во время, свободное от службы в храме, молитвы и приема многочисленных посетителей. Иногда вечером он мог с удовлетворением сказать как бы самому себе: «Сегодняшнее задание у меня выполнено полностью...» Не случайно в его самопечатных книгах есть запись из творений святителя Филарета, архиепископа Черниговского: **«Каждый час, каждая минута — дороги, потому что даны со счетом, и в них потребуют отчета...»**.

И еще 10 кратких наставлений духовным чадам:

1. Что знаешь — молчи.
2. Что слышишь — молчи.
3. В чужие разговоры не вмешивайся.

4. На вопросы отвечай, но много не говори.
5. Что хочешь делать, обдумай один с молитвой, а другим людям раньше времени не говори, пока не сделал.
6. Не высказывай людям их недостатки.
7. Задели самолюбие твое или укорили тебя — перемолчи.
8. Несправедливы к тебе — скажи тихо и спокойно.
9. Не говори сам резко и не возбуждайся.
10. На все смотри: «Как Бог даст! На то Его святая воля». Всегда помни Бога, Матерь Божию и молись.

Из духовного дневника протоиерея Григория Пономарева

Часть III. Личное

«Всегда памятовать свое назначение»

«Господи, Боже мой! Как тяжело без Тебя не ощущать душевно Твоей близости. Все тогда рушится, все приходит в упадок, потому что верны и истинны слова Твои, Господи: «Без Мене не можете творити ничесоже».

Испытал, что значит надеяться на себя. Мало пользы одними словами повторять: «На Тебя, Господи, имею надежду», а внутри, в сердце — не сохранять полной преданности. Результат от такого поведения — крушение, разорение духовного дома. Страшно испытывать это».

«Господи, помоги чаще держать в памяти Страшный Суд Твой! В этом великая милость Божия!» (25/IV-90 г., 17/II-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Хорошо молиться ночью, часа в три ночи».

«Читать и читать слово Божие непрестанно».

«Помни, что ты носишь большое звание: **священство!** Смотри, всегда ли проявляешь это священство по отношению к людям, или ничем не отличаешься, и также господствуют в тебе злобность, раздражительность, высокомерие? Скажи, в чем отличие твое? Когда внутренне сие усмотрел, то поскорбел о своей грубости, малоподготовленности к проходимому служению.

«Господи, помоги мне хотя бы немногим: покорностью, смирением, кротостью послужить примером для чад своих». (30/X-87г., Читал 19/III-90 г., 17/II- 91 г., 18/XI-94 г.).

«Господи, Ты всегда с нами! Что нам бояться скорбей? Зато чище и спокойней будет на душе».

«Господи милостивый! Сколько у Тебя к нам милости и любви!»

«Просматривая свой жизненный путь, вижу, сколько было случаев для получения плода терпения, сдержанности, но все служил своему самолюбию, своему «я». А потом почувствовал большую усталость, не только телесную, но — душевную». (19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI- 94 г., 24/XII-94 г.).

«Как бегут дни, и часы мелькают! Что приобретено из пройденного?

Одни желания, а где дела?

Люблю молитву, а молюсь?

Господи, не оставь меня, грешного раба Твоего!»

«Заглянешь — ужаснешься своей духовной бедности. Несмотря на мою духовную нерадивость и грубость, Господь так милостив! Он не лишает меня возможности исправить требующее исправления, не отталкивает от Себя. Это заставляет задуматься о своем отношении к тем, которые поимели ошибки, промахи. Будь милостив к ним, отпусти, ибо тебе больше отпущено. Большая работа». (XI 1978 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Весь я в милости Божией, щедро осыпан дарами-талантами, а сам бываю часто немилостив и груб с такими же рабами Божиими, даже лучшими меня.

Дай, Господи, духа смирения и внутренней любви!» (14/V-86 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Господи милосердный! Прости меня за великое мое каждодневно повторяющееся преслушание Твоей Святой Воли!» (25/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Всегда памятовать свое назначение. Ежечасно спрашивай: что сделано? Понуждай себя на выполнение положенного на день.

Спрашивай себя, в чем терпишь неудачу. Надо сильно гореть, чтобы и других зажигать».

«Хоть немного когда душевно приблизишься к своему Господу, каким внутренним душевным теплом обвеет тебя. И долго-долго еще будешь чувствовать это тепло — отрадное чувство, побуждающее тебя как можно дольше пребывать в нем, пока не засоришь этот святой ручей своими страстями, грехами: осуждением, праздномыслием, смехом и многим другим сором».

«Необходимо каждодневно упорно заниматься чтением Святого Евангелия, Святой Псалтири, Святых Отцов, все сие читая с большим размышлением — добиваться, чтобы эти минуты были приятным собеседованием-утешением, укрепляли Душу.

Запомни: помолившись так, опять захочется духовного общения». (25/IV- 90 г., 17/II-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Великая трудность — быть духовным садовником: растить, воспитывать, ухаживать за душами.

А где же тут ухаживать-то за другими, когда сам часто в большой духовной неряшливости!»

«Льготность меня одолевает. Сам много говорю, учу, даже требую неотложности исполнения, а сам пребываю в большой лени-праздности. Хочу делания, или наоборот? Какое своеволие, нет ответственности. Не с бодростью идешь по духовной дороге, а с неохотой — ползешь, зеваешь, озираешься и плетешься кое-как.

Осмотри внимательно вокруг себя и внутри себя. Уясни всю великую ответственность духовного делания.

Береги время до минуты, распределяй его, но все — в рамках большой любви. Именно предпочитай разные работы по оказанию помощи — живому слову к ближнему. Это большое

дело — не затворяться только в труде, а размышлять, что полезнее на тот момент сделать. Молись!»

«Ежечасно всматриваться в себя, проверять себя». (25/IV-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Внутренне, глубоко произносить имя Всевышнего».

«Господи, сколько у Тебя любви и милости к нам, грешным!» (25/IV-90 г., 17/II-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Как я слаб и непостоянен в своих решениях, намерениях. Малая причина уже нарушает такое важное, нужное дело, как молитва. Помни, что ты только силен в молитве. А я так поступаю... — не ценю возможности обрести великую силу. Надо воспитывать в себе дух постоянства, а не мимолетных порывов. Отдачу всего себя, а не половинчатого. Большая горе в рассеянности и несобранности моей». (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г.).

«Всегда помнить свою немощь. При наставлении, даче совета прежде всего возводи очи свои Горе. Крепко МОЛИТЬСЯ!» (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Мысль посещает о большой сложности, ответственности пастырского служения. Нет у меня просьбы молитвенной, как заставлять думать (себя — ред.) о духовных чадах своих: чем питать, именно пасти духовно их.

Водить на пастбища духовные, обильные — значит интересные задания давать, чтобы росли духовные чада. А я что делаю в этом отношении к ним персонально? В этом духовном делании может помочь только благодать Господня. Читай ежедневно акафист Святому Духу». (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.)

«Начался Петров пост. Нет конкретности в духовном делании, нет заботы.

У духовного отца есть духовно больные дети. Больных лечат, беспокоятся о них, а ты как ходишь за своими болящими?

Лекарством пользуются систематично. У нас лекарство духовное: молитва. Как это лекарство принимается, что скажем?

«Мысль: лекарство тщательно принимаем, а не выливаем на сторону. Знаем, что не будет толку, если так будем поступать.

Духовное лекарство — молитва, чтение слова Божия. Вдумайся: много ли ты принял такого лекарства. Может быть, часто их выливал на сторону — своим невниманием, небрежением при чтении слова Божия и молитве.

Лекарство с терпением принимают, тем более, это терпение надо проявить в приеме духовного лекарства».

«Чаще вспоминай слова утопающего апостола Петра: «Господи! Спаси меня, я погибаю». В больших и малых душевных бурях никогда не думай спасать себя сам — утонешь! Лучше всего кричи Петровым гласом: «Господи! Спаси меня, я погибаю!» Верь, твердо верь, что помощь придет быстро». (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Очень большая душевная связанность, нет собранности, нет внутренней молитвы.

Осудительность, льготность, прослойки страстности, нетерпеливость, обидчивость — все это довольно шумной толпой ввалилось в душевную храмину, наполнило своим едким удушающим воздухом. Задохнулся...

Боже, милостив буди мне, грешному!» (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г.).

«Собранность приобретается с малого, но требуется большая охрана своего «я».

«Взятое на себя правило, дневное задание должно отнимать свою волю.

Воспитание воли».

«А внутри буря, буря-то какая, волны- то какие. О молитве-то и не думаешь.

Ах, как жалко, что пропущен такой хороший момент — подвиг понести, венец получить за терпение; а пропущенное время умчалось, как конь, и остался я с опустошенной душой и немощным телом, которое понуждало меня к покою, а настоящего-то покоя я и не обрел».

«Наблюдай! Начинается душевное расслабление с маленькой личинки зла, а затем заражает большую площадь нашего духовного «я». Где же силы взять, чтобы подняться? — Только в искренней душевной молитве.

Господи! Прости за леность, нерадивость, маловерие!

Враг подступил. Думал сам справиться, а разве это возможно? А он только намек дал в постельку лечь — вот и вся борьба наша. (Опыт)».

«А злость-то какая появляется. Нет любви и приветливости, куда что девалось. (Характерно). И так изо дня в день.

Попал под дух раздражения, и пошло вертеть. Так вертеть, что все нарушил, и уединенность моя наполнилась праздностью, большим внутренним беспокойством, осуждением многих, гордостью, великой леностью, покоем тела, многопитанием.

Господи! Прости грешного раба Твоего!»

«Чтобы двигать таким большим колесом дел, как папство, много надо энергии, силы, умения. А у меня всего этого часто не хватает. Вот какая должна быть большая постоянная каждодневная просьба.

Большое дело — открыть интерес к духовному в своих духовных детях. Это очень большое дело. Потрудившись над ним, можно ожидать и плодов.

Господи! Сколько в Тебе милосердия! Как хорошо с Тобой и как страшно без Тебя».

«Требовательность прежде всего — к себе, а потом уже к духовным детям».

«Избегать всемерно мысленной игривости, шутливости, которая потом переходит в словесную, — ой, какая жгучая травка: маленькая, а как крапива, жгучая. Долго потом не можешь прийти в себя.

Потом и спрашиваешь себя: зачем столько тратил времени на мысленное безделье? »

Господи! Дай мне способность — все любовь погашать!»

«Все люди, и все страстны, кто бы ни был».

«Как хорошо быть кротким, милостивым и, наоборот, страшно быть сердитым, раздражительным. Все тогда становится страшно тягостным, непосильным.

Господи! Помоги мне всегда духовно бодрствовать над собой!»

«Вырабатывать в себе дух часового терпения. Следить за собой именно часовым отрезком времени. Это, можно сказать, большой секрет в деле духовного строительства. Многие им пренебрегают и не достигают желанной цели.

Когда строится дом, корабль, машина, — есть чертеж, план, модель.

Это надо делать и в духовном деле. Представлять образно, что намечено в жизнь претворить... (Очень много надо трудиться против дерзости — опять часовой режим).

«Важное дело — подкреплять себя духовно читкой: не меньше часа ежедневно.

Выработать объем читки: не меньше стольких-то листов-страниц.

Неотложно составить план дня, часа. Тонкая работа, но нужная для духовного наставника.

Все начинается с малого духовного нарастания. Если нет малого делания, то можно ли ожидать великое?»

«Заметил за собой: когда ходишь по этим запустелым душевным полям, где нет ни одной живой травинки, то и сам начинаешь тосковать-унывать. ***Господи, помоги!***»

«Понять большую ответственность при совершении Божественной Литургии — как дня особого в моей жизни: радостного, ответственного во всех отношениях.

Особенное проявление любви, милосердия, молчания — вот новое, о чем я раньше и не думал, и внимания не обращал. А это ведь большое дело — иметь собранность. Особенно это чувство внутреннего моления: сладость духовного состояния, нежелание расстаться с этим внутренним состоянием, (*хочется* — ред.) заключиться в себя, обособиться, пребывать в духовном уединении, молчании. Как это хорошо».

«Вот главная цель — непрестанная молитва, всецелое предание себя в волю Божию.

Любовь к ближнему — не ласкательная, а сознательная, продуманная: требовательная, настойчивая как духовника. Из этого строится духовное воспитание — духовный строй». (*Читал 10/III-75 г., 10/X-94 г., 21/XI-94 г., 24/XII-94 г.*)

«Призывание имени Господа Иисуса Христа: «Господи! Помоги приобрести опытность, быстроту ориентировочность»».

«Большое душевное чувство радости обрел после исповеди 25/II-76г. Великое это дело».

«Господи, помоги мне воспрять духом. Сильно духовно ушибся.

Читка написанного — большая духовная поддержка. Слава Богу!»

«Опасные часы и опасные люди. (Опыт). Часы: когда встаешь утром против самого себя, срывается подъем в 5 утра. В 10 часов вечера — на молитву обязательно, в 12 часов ночи —

бодрствование. **Господи, помоги!**»

«Бороться за выполнение часового плана. (1978-й год) Мой девиз должен быть: «Отчет за час»».

«Воспитание в себе любвеобильности призыванием Святого Духа. Не указывать слабые стороны ближних.

«Вести (*наблюдение* — ред.) на каждое духовное чадо. Забота большая, ответственность — великая.

Требуется постоянная молитва — персональная, упорная, настойчивая — но с обязательным прошением: «Да будет воля I Твоя!»

Опыт показывает, что недостаточно только сеять. Надо еще ухаживать: растить, воспитывать, прививать добрые навыки. Терпение. Непрестанная молитва за свое духовное чадо».

«**Важность вынимания частиц поименно.** Обосновать это выдержками из творений Святых Отцов и духовных писателей. (Мысль от III м-ца 1966 года).

«Иллюстрировать каждую проповедь. Начинать каждое дело молитвой: **«Господи, благослови!»**» (От 1966-го года IX-м-ца).

«Приучай себя в малом к смирению, это очень полезно».

«Очень хорошо исполнять ночное моление. Духовная радость».

«Сегодня, 3/III — 76 года, особенно невыразимое объяло меня чувство, которое силюсь представить мысленно, душевно, и не могу — настолько оно было прекрасно-умиротворенно, подало силы и стремление к своему личному душевному миру, к замкнутости, обособленности, бережливости своего духовного восприятия.

И тогда казалось: ничто не страшно — пусть хоть весь мир поднимется».

«14/XI-77 года. Выдающееся событие. Возложение Креста с украшениями в комнате архиепископа Климента».

«25/XII-82 года. Выдающееся событие. Возложение митры на Божественной Литургии архиепископом Платоном в Богоявленском храме села Усть-Миасс».

«Особо обратить внимание на заповедь о любви к ближнему. Это самое главное — фундамент для стройки, а без сохранения, вернее, без исполнения этого наказа все рушится, приходит в уныние — полная телесная и духовная расслабленность».

«Совершил заочное отпевание дорогих родных: Бориса (зять), Нины (сестры), Алексея (брат)» — (2/XI-1985 года).

«25/XII-82 г. в 7 вечера открытие могилы иерея Алексея в церковной ограде Богоявленской церкви села Усть-Миасс. Могила приведена в порядок, поставлен крест 6/VI-82 г.»

Из воспоминаний О. Г. Пономаревой

«Хорошо молиться ночью. Часа в 3 ночи» — эти строки из дневника батюшки напомнили мне один разговор. Как-то разговорилась с коренными смолинчанами (уже после ухода из жизни

родителей). Мне рассказали, что, возвращаясь к себе домой поздно ночью, люди видели над домом батюшки голубоватый свет, уходящий вверх. «Батюшка молился», — сказали мне они.

Хочется особо подчеркнуть, что отец Григорий постоянно читал пяточисленные молитвы Божией Матери (кроме всего остального). Заканчивал и начинал снова. Он часто говорил, что молитва — это перила лестницы, ведущей нас к Богу.

После ухода посетителя батюшка сразу шел в «передний угол» с иконами и, зажигая свечу, погружался в молитву. В этот момент он был настолько сосредоточен, настолько уходил в себя, что ничто постороннее не могло его отвлечь. Многие годы молитвы и жизни, отданной Господу и людям, очевидно, давали возможность ему очень быстро быть услышанным. Когда он отходил от икон, по его лицу, по светлому, озаренному взгляду было видно, что он только что побывал там, куда нам, грешным людям, доступа нет. Как правило, просимое батюшкой люди получали очень быстро.

Из духовного дневника протоиерея Григория Пономарева

Часть IV. Личное

«Береги каждый час, все в часе начинается»

«Желание установить часовой режим дня. Замечательное духовное мероприятие, но как его в жизнь претворить?»

«Вести каждодневное чтение пастырских посланий».

«Необходимо создать настольную книгу:

1) образ современного пастыря;

2) образ христианина, его обязанности;

3) важность часовой духовной работы над собой (ссылки Евангелия и духовных учителей на важность часа)».

«Создать молитвенный материал для каждого дня — настольную книгу, в состав которой входят:

молитвы ежедневные, ежечасные Иисусу Христу;

молитвы Божией Матери;

молитвы на каждый день;

ежедневные Ангелу-хранителю;

духовные размышления на каждый день месяца с приложением кратких житий святых».

«Относительно Хранения лично Иисусовой молитвы и привлечения к ней других: ошибочность мнения (даже и авторитетных духовных лиц), что это делание — удел немногих, и что за него и думать нечего приниматься. А в действительности, главное по идее-то, ведь так: «Призови

Меня, и Я помогу тебе».

Духовные мероприятия от 1975 года: «Установить молитвенное обращение: каждодневное обращение к Божией Матери, чтение канонов «В скорби сущих», к святителю Григорию Богослову и святителю Николаю; канон и акафист Святому Духу. Уверен, что буду услышан».

«Разобраться в именах своих духовных чад и всех их разделить по участкам молитвенного, своего личного делания с их упоминанием, — вернее, все время о них ходатайствовать перед Господом: «Помоги, Господи, в намеченном!»

Прежде, чем давать духовное — растить, воспитывать, — надо сообразоваться со следующим состоянием:

- 1) возраст;
- 2) образование;
- 3) характер;
- 4) семейное положение;
- 5) служебное положение;
- 6) степень религиозности;
- 7) телесное здоровье».

«Разобраться в психологическом состоянии душ своих духовных чад, возможности их восприятия духовного воздействия.

Какая тонкая психологическая работа. Этой работе должна предшествовать непрестанная душевная молитва».

«Необходимо ежедневное задание. Больше того, — ежечасное: что ты должен делать и что ты сделал.

План: что нужно сделать?»

«Намечается большая работа — сортировка книг одного автора вместе. Одни мысли, встречающиеся у многих, собрать вместе».

«Хочется создать свою книгу Святое Евангелие от Матфея по параллельным местам в собранном виде (труд громадный)».

«Создать настольную книгу на каждый день месяца. Содержание:

- 1) Святое Евангелие, дневное, с разъяснениями;
- 2) святой Апостол с разъяснениями;
- 3) Ветхий Завет с разъяснениями;
- 4) память святого: краткая жизнь, применение». (1998 год).

«Чтение канона Ангелу-хранителю и акафиста Божией Матери — ежедневно (можно заменить святой Псалтирью Божией Матери).

Установка чтения Священного Писания, Пророка, Апостола, когда ему бывает память.

Во время потребления Святых Даров мысленно читать тропарь или кондак праздника или храма».

«Какая великая милость Божия к нам, грешным. Обрати внимание на прошение, возносимое к Богу о том, чтобы Он простил нам грехи, вольные и невольные. Эта просьба очень во многих молитвах.

«Грех невольный» — он произошел или по недостатку памяти, что нужно было сделать, или по другим причинам, а милость Божия — великая. Господь, видя сердечное раскаяние, прощает и невольный грех.

Но не надо только унывать, это будет очень приятно врагу, когда мы сильно унываем. Сердечно молиться Господу и Он — Милосердный Отец наш — укрепит нас».

«На память: «Христе Свете Истины...», «Бог молитвами...». Перед Святым Евангелием: «Вниду в дом Твой...», «Умью в неповинных...»

«Завести контрольный лист намеченных работ».

«Воспитание в себе веры в просимое.

Научиться в течение часа быстро оценивать обстановку часовых событий, срочно обращаться за помощью к Всевидящему, как поступить, прося помощи.

Воспитание в себе духа преданности Господу не на словах, а на деле — в течение каждого часа.

Проверь, каков был мимотекущий час — огромная сложная работа.

Трудись упорно, молись постоянно и с верой. Научись давать отчет за каждый час — вот лестница духовного восхождения.

Воспитывай в себе ценность времени.

Береги каждый час, все в часе начинается».

«Если много лености, самонадеянности, то быстро выдыхаешься.

Вот сегодня как раз преполовление Пасхальной недели. Помолись и начни с Божией помощью режим дня:

Молитвенное правило +

Пасхальный Канон, молитвы вечерние, акафист Воскресению;

Пасхальный Канон, молитвы утренние, акафист Божией Матери;

Чтение Святого Евангелия по 2 главы с толкованием;

Чтения: разное — 100 страниц;

святых — 50 страниц;

проповедь — 12 страниц;

Машинка — 12-15-10 страниц (*печатание на машинке — ред.*).

«Боже, милостивый буди мне, грешнику!»

От автора. В записях отца Григория, не вошедших в дневник и оставленных им на отдельных листочках (очевидно, это тезисы при подготовке к проповеди), удалось разобрать его мысли о посте и воздержании.

«...Пост не в том состоит, чтобы долго не есть, а надо мало есть. Воздержание...»

«Как надо быть воздержанным. Лишняя ложка гороха ведет к разленению тела и понижает степень ревности духа».

«Великое значение имеет пища; не сама по себе, а ее употребление. Золотая мера во всем — воздержание. Все кушать понемногу. Не пресыщать себя, а то потерпишь душевное крушение. Будь особенно зорок, враги около тебя. Крепись и опять трудись».

Из духовного дневника протоиерея Григория Пономарева

Часть V. Наставления священникам

«Пастырь! Помни, на какое высокое место взошел»

«Помни, как много ждут от священника: теплоты, сердечности, душевности, приветливости.

Какая требуется постоянная ежедневная духовная работа над собой.

Пополнять себя духовной энергией. Приобретается — в молитве, чтении слова Божия, Святого Евангелия, творений Святых Отцов.

Очень опасно допустить хотя каплю ропотливости и недовольства на ближнего. Все тогда меркнет, тускнеет, постигает тяжесть, мука, безотрадность.

Вот что значит любовь!

Какая она двигательная сила!

Вот что нужно ежедневно испрашивать на молитве — исполнения любви обхождения с людьми. И, получивши этот дар Божий, хранить его с большой тщательностью».

«1967 года 30 апреля. День Святой Пасхи. Для того, чтобы радоваться духовно, много надо трудиться. Как только допустишь малое раздражение-недовольство, так считай, что ты уже побежден духом зла, а после этого не будет душевного мира, спокойствия. Сильная тягость, скорбь объемлют душу. Опыт».

«Какой великий труд — пастырство!

Какая великая ответственность открывается перед духовным взором — питать, беречь, растить

духовно своих духовных чад. Это — всегдашняя память о них, молитвенное предстательство, труд готовить духовную пищу каждому по потребности его.

Надо воспитывать в себе порядок — беречь время. На каждое делание отпускать определенное число часов, а не просто сколько угодно. (Опыт).

Собрался предстательствовать молитвенно за кого, готовься к духовному сражению.

Бойся во всех видах раздражительности».

«Враг часто стережет священника во время Святого Причащения чад своих, а также и при целовании святого Креста. Какие козни строит (!), чтобы только нарушить мир душевный священнослужителя. Необходимо творить умную молитву. Господи, помоги!..

И при потреблении Святых Даров зорко смотри, много врагов кругом.

Каждодневно понуждать себя молитвой — внутренней, сердечной. Какая благодать от такой молитвы!»

«Береги самое дорогое — молитву. Потеряешь молитву — все потеряешь. И свое духовное, личное нарушится, и не сможешь, не в силах будешь и чад своих подкрепить духовно, ибо сам голоден. При настоящей молитве всегда радостно. И не страшно, если и весь мир ополчится, а на душе — спокойно, ибо Христос с тобой. Помни!» (Читал 21/IV-88 г., 5/X-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/XI-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Как страшно за свою холодность, которую часто проявляем на молитве. А что тогда можно сказать о тех, которые там, в храме-то стоят; страшно подумать...»

«Не забывай, что такое пастырь! Все ему дороги, и всех он обязан привести к своему Пастырю. Следовательно, непростительно, недопустимо даже, чтобы где-то в тайнике сердечном хранить чувство недовольства, недоброежелательства, тем более выражать сие чувство в поступках». (14/IV-86 г., 30/IX-87 г., Читал 21/IV-88 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г.).

«Опасно при таинстве святой исповеди умалять достоинство, человеческое и духовное, предстоящих. Какими бы они ни были: холодными, грубыми, не знающими ничего, но все равно это ведь храмы, освященные благодатию Святого Духа. Храмы запущенные, в грязи и нечистоте находящиеся, и ты, духовник, призван открыть двери души в эти живые храмы. Причем, не рвать дверей, а тихо, с любовью, с кротостью обходиться с ними.

Питая к ним пастырскую Христову любовь, надо очень много и душевно часто молиться всегда перед совершением святого таинства покаяния-исповеди. Великое это таинство, это вновь рождение души совершается — освобождение ее от греховных цепей.

Всемерно подавлять в себе малейшую раздражительность и неудовольствие на тех, которые пришли, нравственно и физически не подготовленные, не наученные, не вразумленные о великости этого дела. Только кротостью, душевностью, терпением и можно произвести посадку духовного семени в пришедших.

Сам кратко помолись — попроси помощи: **«Господи мой Премилостивый и Щедрый! Не оставь и на сей раз немощного и убогого раба Твоего! Господи! Помоги мне это мероприятие в жизни провести!»**

Отец [Иоанн Кронштадтский](#) «Моя жизнь во Христе»: «Чтобы управлять другими, надо

научиться наперед управлять собою; чтобы учить других, надо самому приобрести знание. Когда я не умею владеть собою, когда нет во мне духа самообладания, духа кротости, святости любви и правды, тогда я плохой управитель. Когда играют мною всякие страсти, — лучше мне не братья управлять другими, чтобы не причинить большего вреда и себе, и им».

«Дай, Господи, всегда дух бодр, целомудренен помысл», — все это очень ценно в душе христианской, а особенно — пастырей.

Всматривайся, сколько обращается душ, потерпевших поражение в душевной битве, и каждый требует поддержки духовной. И из твоего пастырского духовного склада уносит что-то.

Помни, что насколько же самому пастырю нужно охранять свой духовный склад и ежедневно пополнять его — молитвой, постом, чтением слова Божия, Святых Отцов. Это большая, кропотливая работа, но великая польза от нее. Пастырь — воин, рыбак, уловляющий души кающихся. *«Проси умения поймать душу, приносящую покаяние». (14/V-86 г., 30/IX-87 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.)*

«Пастырь — духовный командир. А мы часто забываем свое великое ответственное служение. Много делаем по привычке, машинально, не вдумываясь в совершаемое, а особенно — в свое личное молитвенное предстательство. Оно бывает очень сильным и действенным. Опыт.

Но знай и помни, что за плоды молитвенного предстательства часто приходится расплачиваться молещиком. Много восстает именно тогда бесов, целая рать поднимается от внешних и от внутренних.

Сколько грозных мыслей: зависти, скупости, самолюбия, недружелюбия, лени, высокомерности. Это только через малое оконце видишь, а что еще в глубине таится? Тьма и бездна! Вот и подумай!

Не случаен этот натиск внутреннего врага, это — отмщение тебе. Попадая в такое мрачное, подавленное состояние душевное, сразу же, нисколько не медля, закрывай плотнее дверь своей души. Задвижка дверная — искреннее смирение, без него погибнешь, Господь отойдет от тебя. Страшно подумать о своем одиночестве. *(XI-78 г., 14/V-86 г., 19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.)*

Но не устрашайся этих находящих бедствий, не отказывайся молитвенно предстательствовать, крепко душевно взывать и просить о даровании помощи недужным телом и душой. Всегда будь уверен в получении просимого! *«По вере твоей да будет тебе». (XI-78 г., 19/III-90 г., 25/IV-90 г., 17/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.)*

«Кропотливость, тщательность требуется от духовного строителя».

«Каков должен быть внутренний облик священника? Доброта — благодушие при любых обстоятельствах». (19/III-90 г., 17/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.)

«Очень ощутительно чувствуется данная себе льготность и то, к чему она приводит, — к полному духовному разрушению. Постепенно рушится духовная хранилища; сегодня одно правило упустил, завтра — другое, и так быстро входит охлаждение душевное.

«О, сколь опасно такое состояние испытывать, особенно — командиру духовному». (25/IV-90 г., 17/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.)

«Опасность большая для духовного стада, когда командир духовный спит. Спят и солдаты.

Большой и строгий ответ потребуют от стража духовного.

Ох, как надо пастырю гореть ярко и сильно, чтобы светить, показывать путь своим чадам, а не дымить, блуждая, спотыкаясь в мраке своего частого духовного безделия!»

«Молись горячо и проникновенно, изыскивай каждому по нужде его». (19/III-90 г., 17/II-91 г., 10/X-94 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Как можно легко, незаметно лишиться благодатного мирного душевного чувства. Как только начнут проникать в душу твою, во внутреннее твое неприязненность, осудительность, раздражительность, знай, что это вестники грядущего злого духа. Очень и очень будь внимателен в эти моменты.

Как только поддался ты им, так и считай, что пропала твоя душевная настроенность дня, она окончится душевным опустошением, слабостью. Очень опасно пускать таких постояльцев. Бодрствуй!

О, какую священник должен иметь душу милующую, вспоминая всегда милующего, любящего Господа». (19/III-90 г., 25/IV-90 г., 19/II-91 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г., 25/V-96 г.).

«Обязанность пастыря — лечить душевные недуги пасомых».

«Не презирай словесно и внутренне тех, о которых знаешь, что впали в грехи. Молись за них очень прилежно, душевно припадай за них Господу. Получишь особую благодать!

Смешливость как найдет на тебя — бойся. Это — жесткий ветер, от которого отпадут лепестки молитвы, внутренней сосредоточенности».

«Как пустынный забывает весь мир и смотрит только на Бога и на создание своего внутреннего человека, так и для пастыря существует одна цель жизни — созидание внутреннего сего человека, но не в себе только, а и в пастве, в духовных чадах своих.

Как добрая мать-христианка, (*пастырь* — ред.) сердечно переживает за детей своих, за каждого в отдельности трепещет, чтобы он не впал в грех, не забыл Бога.

Пастырь не живет для себя, он душу свою полагает за овцы и очищает души своих духовных чад с такою же ревностью, как бы свою собственную». (25/IV-90 г., 29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«О пастырском служении:

Пророка Иеремии — 23 глава;

Пророка Иезекииля — 23–34 главы;

Деяния Святых апостолов — 20 глава;

Евангелие от Иоанна — (10; 4–12)».

«Загорелось желание молиться о других рабах Божиих. Это дело большое, сложное и неприятное духу злобы. Он будет всячески мстить тебе, чем может, за твою духовную работу. Будет стараться тебя обокрасть духовно, лишить тебя возможности помогать другим, прежде всего отнятием внутреннего духовного твоего мира. — Великая опасность! Бодрствуй!» (29/IV-90 г., 19/II-90 г., 18/XI-94 г., 24/XII-94 г.).

«Надо быть бережным на слова, медлительным на благословение, на совершение какого-либо дела.

Прежде чем сказать, благословить, глубоко душевно обратиться ко Господу».

«Духовная стройка требует очень большой плановой работы. Что хочешь строить? — Смотри. Обыкновенно, когда дом строят, то чертежи и планы составляют. Фактически дома-то еще нет, а на бумаге он существует. Так должно и здесь — в весьма сложной стройке представить себе мысленно объект твоего духовного строительства. Трудись над составлением этого образа. Что требуется, какие материалы? Трудись, чтобы его воплотить в жизнь. Весьма кропотливая работа, но и весьма нужная.

Когда дома строятся, то указывается время сдачи их строительства. Так и каждое свое духовное мероприятие считай как стройку с указанием времени окончания стройки. Должно быть все очень контрольно.

Глубоко задумывайся над тем, что собираешься у себя строить и у других строить. Есть ли на это подходящая почва, какое основание заложить, какие материалы требуются — все взвесь! Нужно тщательно обрисовать, что хочешь в указанном начатом деле. Чем подробнее будет обрисовано дело начатое, тем легче и успешнее будет его продвижение. Будут исходить планы месячные и дневные.

Источники материалов должны быть очень хорошо изучены, а затем только воплощены в жизнь».

«Много надо любви человеку, христианину. А пастырю?»

Это целое море прощения, уступчивости, сердечности при высокой выдержанности и назидательности. Действительно, носитель благодати, а не простой человек.

Многое ему дается, только — пользуйся.

Должна вестись духовная изыскательность, как работа геолога; план будущих дел».

«Задача пастыря — пробудить интерес к духовному деланию, поддерживать огонь рвения. Молись усердно о даровании тебе этой великой благодати».

«Священник должен беречь себя от вторжения малейшего озлобления, недовольства, злопамятства. Все это сильно вредит всему духовному строю работы.

Выходить из рамок душевного спокойствия — это значит подвергать себя опасности страшной духовной катастрофы».

«Спрашивается, что сделал для стройки духовного дома? Туда надо отправлять следующие материалы: милосердие, кротость, любовь, молитву!

Сколько же надо молиться и просить персонально за каждую душу подвизающегося.

Господи! Помоги от сна лености восстать и будить других!

Хранить время — возможности делания пастырского».

«Большое дело — давать читать с размышлением. В этом секрет подхода к душе. А непродуманно дать чтение — это просто забросать книгами, не сообразуясь с склонностью

человека. Когда от книги прочитанной осталось впечатление, это значит — попал в цель, а если не так, то считай свой заряд пропавшим.

Это бывает одинаково — или самому что-либо читать, или дать читать. (Опыт)» (20/II-91 г., 21/XI-94 г., 24/XII-94 г., 96 г.).

«Много, очень много у пастыря деток духовных. Многих надо накормить духовно. Одних — успокоить, а других пробудить от спячки духовной. Господи, помоги! **Пастырь! Помни, на какое высокое место взошел!**» (20/II-91 г., 10/III-75 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.).

«Духовная работа в винограднике душевном своих чад требует большой сосредоточенности в изучении их психики. Должна быть непрестанная, своя личная молитва о помощи».

«Громадная ответственность лежит на священнике. Требуется каждый час посвящать духовной работе в разных видах.

Ответственные моменты священника:

при совершении исповеди;

при личном причащении и потреблении Святых Даров;

при общем причащении духовных чад;

при даче святого креста;

В это время враг усиленно ведет разнообразную работу в душе священника, поселяя рассеянность, несобранность, праздномыслие, раздражительность и другое.

Требуется большая духовная внимательность».

«Очень сложен душевный мир!

И вот священник призван быстро ориентироваться в этих психологических мирах — тайниках душевных. Только подумать об этом! Это превышает человеческие силы и способности. Потому и дается особая благодать священнику — благодать священства — чтобы пасти словесное стадо.

Если священник трудится над собой, своим личным духовным миром, Господь по милости Своей посылает ему особую благодать распознавать, чувствовать душевные нужды своих чад духовных, чтобы вести их по дороге духовного делания. Вот что можно назвать «пасти». Все время бодрствовать над душевным миром своих духовных чад, как пастух над своим стадом».

«Пастырь должен прежде всего видеть себя, каков он есть. Постоянная забота о духовных чадах. Знакомство с их психикой. Быстрая ориентация в среде окружающих людей. Настойчивость и твердость во взятых обязательствах. Твердая обработка дел по часам.

Очень большое духовное действие дает ежедневное чтение (*акафиста* — ред.) Святому Духу. (Опыт)». (21/XI-94 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.).

«Много надо уделять внимания своим духовным чадам, чтобы они не были душевно-пустующими».

«Надо тщательно изучать психику своего духовного чада, чтобы предлагать ему то или другое,

учитывая все его слабости, недостатки.

Лучше *это* усматривать, чем его какие-то духовные успехи. Они при нем неотъемлемо останутся. Оперирова же болезни (болячки), можешь породить новую опасную душевную болезнь. При всем этом духовном разбирательстве требуется внимательная молитва.

Большая духовная, весьма тонкая работа — забота о какой-либо погибающей душе, желание исправить ее, направить на одно лучшее. Усматривай, как тебе кажется, в этом «болоте» добрые позы души, и пусть это будет понуждать тебя больше раскапывать область душевную. Тогда откроется такое широкое неизмеримое поле деятельности!

Но самое главное — личная внутренняя сердечная молитва и глубокая вера в небесную помощь». (21/XI-94 г., 24/XII-94 г., 20/V-96 г.).

Из дневника отца Григория: *«Какая великая милость Божия к нам, грешным. Обрати внимание на прошение, возносимое к Богу о том, чтобы Он простил нам грехи вольные и невольные. Эта просьба очень во многих молитвах. Грех невольный, он произошел или по недостатку памяти, что нужно было сделать, или по другим причинам, а милость Божия великая. Господь, видя сердечное раскаяние, прощает и невольный грех. Но не надо только унывать, это будет очень приятно врагу, когда мы сильно унываем. Сердечно молиться Господу — и Он, милосердный Отец наш, укрепит нас»...*

От автора. Отец Григорий покинул этот мир как истинный воин Христов, пастырь своего духовного стада, пекущийся о его чистоте и бдящий, чтобы оно не уклонилось с пути в царство небесное.

Он трудился почти до самых последних дней, зорко следя и ограждая чад своих от ошибок.

Осталось много духовных замыслов, которые он не успел осуществить, но мне думается, что они, как древнехристианское оружие — хоругвь, выпавшая из рук умирающего полководца, будут подхвачены другими пастырями Святой Православной Церкви и воплощены в духовные наставления и проповеди, а может быть — в других книгах, к торжеству Православия и во славу Святой Христовой Церкви.

Уже после смерти отца Григория его духовные чада сложили о нем стихи.

Он жил, словно старец жизни святой

И миру служил добротой неземной.

Он Богу молитвы за нас возносил,

И нас, как пастух, в своем сердце хранил.

Пред ним открывалась любая душа,

Он видел греховные наши сердца

И тихо, с любовью нас обличал,

На жизнь без обид и греха наставлял.

К нему притекали с любой тоской,

А он утешал всех любовью святой
И наши записки подолгу хранил,
И Бога о нас, недостойных, молил.
Он веру свою как зеницу хранил.
Нелегким крестом его Бог наделил,
Как каторжный ссыльный, шестнадцать он зим
Провел в заточении, Богом храним.
Все это известно ему одному,
Он жизни своей не открыл никому.
И тихо ушел вместе с матушкой в ночь,
Кто нашей печали может помочь?!
Мы плачем, горюем со скорбной душой,
Что старец великий от нас отошел.
Но верим, что он у Престола сейчас
У Бога прощения просит за нас.
Мы все в Смолино на могилку придем,
И скорби-невзгоды тебе изольем,
Ты в памяти, отче, остался у нас,
И мы не забудем тебя ни на час.
Ушел молитвенник усердный
В обитель вечную Христа,
Ушел Его сподвижник верный,
Носитель тяжкого креста.
И на его могилке тихой,
Тропа к которой так свежа,
У всех, его любивших, знавших
Невольно капает слеза...

Протоиерей Александр Шаргунов

преподаватель Московской Духовной Академии и Семинарии, настоятель московского храма святителя Николая, что в Пыжах

О духовном дневнике протоиерея Григория Пономарева

Первое впечатление, которое может сложиться от чтения записей отца Григория — как будто ничего нового. Но это впечатление обманчиво. Вспоминается, как один знаменитый, весьма одаренный проповедник нашего времени отзывался о проповедях святого праведного [Иоанна Кронштадтского](#) (признавая величие подвига святого): «Ничего более скучного я в жизни не читал». Поразительна эта глухота к слову, исполненному благодатной силой, однако гений, в отличие от среднего таланта, не боится банальностей. Самые простые, тысячу раз слышанные слова звучат у него как сказанные впервые — от соприкосновения с Духом.

В этом смысле краткие записи отца Григория можно сравнить с толкованиями святителя [Феофана Затворника](#) на Послания апостола Павла. Добросовестно, как прилежный ученик, излагает он мысли различных Святых Отцов и, достигая их глубины, благодатно проникаясь ею, вдруг начинает говорить от себя. Вернее, как сказал преподобный [Силуан Афонский](#), совершенные отличаются от других тем, что от себя ничего не говорят. Такое же впечатление производят, например, «Письма духовным детям» игумена Никона: как будто известные каждому семинаристу богословские истины, но в них присутствует такая простота и глубина, которая не может не потрясать любящую Бога душу. В этом тайна и чудо — соединение опыта Церкви со своим личным.

И у отца Григория мы читаем то, что много раз читали у других: о предании себя воле Божией, об узком пути спасения, о кресте, о молитве и о любви как основании всего. Но оттого, что это идет изнутри, все отмечено неповторимой новизной. «*Предать себя всецело Господу (подчеркнуто) — да будет воля Твоя, внутренно (подчеркнуто) пусть эти слова скажутся*». И под этой краткой записью, как часто он делает в подобных случаях, стоят даты: 19.02.90, 25.04.90, 10.10.94, 18.11.94, 24.12.94. Так писатель датирует окончание работы над своим трудом. А здесь эти цифры означают, что в течение всей жизни на разных этапах ее происходит все более глубокое и потому все более новое постижение всем известной истины.

«*Бойся, страшишься льготности, — пишет отец Григорий. — Страшишься остаться у потухшего духовного костра*». Мы понимаем, что означает этот образ костра для человека, прошедшего колымские, с леденящими долгими зимами, концлагеря. Каждое слово у него действительно оплачено жизнью. «*Сам замерзнешь и приходящих к тебе не согреешь добрым, ласковым словом, словом одобрения, словом жизни*».

Вспоминается рассказ одного епископа о человеке, прошедшем через такие же лагеря, который выражал некую тревогу по поводу своей благополучной жизни на свободе: «Дело в том, — говорил он, — что когда я был в том аду, я сознавал, что все мои молитвы за моих врагов принимает Господь, потому что за ними стоят мои страдания. А теперь, когда я живу на воле и в благополучии, у меня нет прежней уверенности». Вот почему отец Григорий снова и снова возвращается к теме «льготности»: «*Льготность очень большой и опасный враг. Ласково берет, но жестоко бьет*». И снова: «*...Очень опасный, ежечасно подстерегающий враг*». К теме «*ежечасно подстерегающего врага*», красной нитью проходящей через все его заметки, мы еще вернемся.

Тайна крестного пути — Креста — для отца Григория неразрывно связана с тайной любви и

молитвы. *«Вот наука: как молиться? — спрашивает он и отвечает. — Это отдать себя целиком и полностью, со всеми своими мыслями и желаниями».* *«Молиться надо... с полной отдачей себя, а не просто с рук толкать»*, — говорит он в другом месте. Как похоже это на мысли святителя [Феофана Затворника](#) и святого праведного [Иоанна Кронштадтского](#) о молитве! Или на слова преподобного [Силуана Афонского](#): *«Молиться за других — это кровь проливать»*.

Как же достигнуть такой высоты нам, теплохладным и унылым? Или это не про нас написано? *«Надо просто физически заставить себя молиться. Пусть вначале несвязно, запинаясь, даже падая. Невзирая на все это, вести свой разговор, свою беседу с горним миром»*.

Если жизнь наша будет крестным восхождением к Богу, то Бог совершит все остальное. Как пишет преподобный Силуан Афонский, горе и опасности многих научили молиться. *«Одна духовная дочь поведала, — пишет отец Григорий, — помолилась “Богородице Дево”, прочитала пятьсот раз, и ребенок больной, расслабленный, стал здоровым»*. И добавляет, как будто это он сам с ней молился: *«Дивная сила молитвы!»*

Духовные советы отца Григория отличаются предельной простотой. *«Очень важное наблюдение одной души-христианки: при крайнем телесном расслаблении, нежелании встать на молитву, надо совершать истово крестное знамение, да не один раз. После этого, — говорит отец Григорий, — вливается большая духовная энергия, загорается желание молиться (христианский опыт наших дней)»*. Мы знаем, что от крестного знамения совершаются самые великие чудеса на свете. А о формальном, небрежном осенении себя крестом святой [Иоанн Златоуст](#) говорит, как о бесовском махании.

Точно такого же свойства его размышления о любви к Богу и к человеку. Без этой любви нет христианства, но ужас заключается в том, что люди так привыкают к этим все определяющим и постоянно звучащим словам, так привыкают к святыням, что уже почти не воспринимают их. А между тем вся духовная война, которая непрерывно идет в каждой душе человеческой и в мире, сосредоточена только здесь.

«Враг сильно ненавидит эту заповедь и старается ежеминутно (без преувеличения) вселять, сначала мысленно, а потом словами и делами, нелюбовность к окружающим, а через это самое вводит нашу душу в страшное место духовного мрака пустоты, озлобленности, раздражительности. Успех молитвы за других достигается при условии святого наказания: помни, Бог любовь есть».

И чем глубже молитва любви, тем сильнее натиск врага, в особенности на пастыря. Все силы ада препятствуют этой молитве. Подвиг священника заключается в том, чтобы не утратиться находящих бедствий, не отказаться молитвенно *«предстательствовать, крепко душевно звать и просить о даровании помощи недужным телом и душою»*.

И далее он говорит буквально словами святого праведного [Иоанна Кронштадтского](#), но мы понимаем, из какой глубины духа вырываются эти его собственные слова. *«Всегда будь уверен в получении просимого. По вере твоей да будет тебе»*. *«Для души любящей нет никаких препятствий. Все можно получить, чего просишь. Только искренно проникнись в эту заповедь о любви. Тогда жизнь будет настолько возвышенна, радостна, невзирая ни на какие трудности, физические и моральные»*.

Он уже прошел через смерть и через ад и знает, что такое Воскресение Христово. Когда человек приобщается силе Божией, великой силе Креста и Воскресения, он может сказать, как отец Григорий: *«Помни, что ты силен только в молитве»*.

Многим было дано нечаянно узнать, что такое молитва по дару Христову. Но вопрос, как известно, заключается только в одном: кто из этих многих сохранил навсегда жизненную память об этом даре. И здесь главная, без конца повторяющаяся тема заметок отца Григория. *«Надо воспитывать в себе дух постоянства, а не мимолетных порывов. Отдачи всего себя»*. Тайна святости — насколько может человек вместить в своей жизни пережитую им благодать.

Необходимо *«вырабатывать в себе дух часового терпения, следить за собой именно часовым отрезком времени...»* (не с этим ли связаны 24 молитвы святого [Иоанна Златоуста](#) на всякий час дня и ночи?). *«Это, можно сказать, большой секрет в деле духовного строительства. Многие им пренебрегают и не достигают желанной цели»*. И совсем по-военному сказано у этого воина Христова: *«Мой девиз должен быть: отчет — за час»*. *«Существуют “опасные часы”, — пишет он, — и опасные люди (опыт)»*. Не об этом ли молитва святого [Иоанна Златоуста](#): *«Избави мя от человек некоторых и бесов, и страстей, и всякия иныя неподобныя вещи»*.

Интересен эпизод в жизни отца Григория с уполномоченным, когда тот, как бес, поучает священника: *«Что вы все никак не успокоитесь? Отслужили полтора-два часа — и ловите себе целый день рыбку на берегу. Вот и святой ваш, Симеон Верхотурский, тоже ведь любил так время проводить»*. (Конечно, уполномоченный не мог знать о внутренней жизни отца Григория, но его пастырская забота о пасомых была ему хорошо известна).

Мы все понимаем, что время — это, как говорится, деньги вечности. На время, данное нам на земле, мы должны приобрести вечность. И *«за всякое слово праздное (то есть за всякое праздное мгновение своей жизни) даст человек ответ в день суда»*. Мы должны жить *«искупующе время, яко дние лукави суть»*. Но кто может вынести такое напряжение? Игумен [Никон \(Воробьев\)](#) говорит, чтобы мы хоть раз в час, кто сколько может вместить, вспоминали по-настоящему о Боге. Но кто может достигнуть такой отдачи всей своей жизни, всего себя (*«отдай кровь и прими Дух»*), чтобы до капли крови, до биения сердца, с дыханием своим соединяя имя Иисусово, как говорят Святые Отцы, жить всю свою жизнь.

В этом необычном «часовом богословии» отца Григория присутствует древняя духовная традиция, которую можно проследить в современном богослужении: в первый, третий, шестой и девятый часы дня монахи должны были читать установленные для этого времени молитвы. При этом надо иметь в виду, что каждый час имеет свой глубокий смысл, связанный с тайной нашего спасения. И отец Григорий выделяет *«ответственные моменты священника: при совершении исповеди, при личном причащении и потреблении Святых Даров, при даче святого креста»*. Весь ежечасный молитвенный подвиг нужен отцу Григорию прежде всего для того, чтобы достойно совершать свое священническое служение.

Он прежде всего — священник, стоящий перед престолом Божиим спиной к пастве. Он молится Богу, чтобы благодать сошла к нам с небес, он совершает жертвенное приношение, будучи сам жертвой. Он весь устремлен к Богу, он должен достигнуть единства с Богом. И только тогда, когда Божественная благодать касается его в этом таинстве, он может повернуться лицом к народу, чтобы передать людям то, что он получил от Бога. Иначе ему нечего будет сказать людям и некуда будет их вести. И вообще, как он без этого сможет смотреть им в лицо?

И затем он должен увидеть людей, к которым повернулся лицом, и позаботиться, чтобы они были готовы к принятию того, что Бог вручил ему — да не в суд или во осуждение кто-нибудь из них примет дар Господень.

От священника не требуется, чтобы он был обаятельным собеседником, и еще менее — чтобы

он был блестящим оратором или специалистом в какой бы то ни было области. Потому что таких людей можно найти в другом месте. От священника ждут то, что только один священник может дать — Тело Христово, ломимое во оставление наших грехов, и любовь, которая придает смысл всем человеческим страданиям и самой смерти. И пусть он вопиет об этом всю свою жизнь, до последнего отданной Христу.

Нам нужны пророки любви насущно, неотложно. Церковь должна исцелить вдову и сироту, миллионы вдов и сирот, чтобы они поверили в спасение, совершенное распятым и воскресшим Христом. Неужели все священники так заняты, что не могут прийти на помощь душам, которым угрожает гибель!? Среди холода апокалиптической зимы мы нуждаемся в отцах, которые нас любят. Требуются духовные учителя, нужны свидетели, которые живут Словом и которые питаются от Источника жизни. Наша Церковь должна быть Церковью священников, любящих Христа и овец Его больше своей жизни.

Сегодня нет гонений открытых, как в 20-е и 30-е годы. Но духовная атмосфера почти не отличается от того времени, как может показаться кому-то, — мы переживаем не расцвет, а худшее, чем то, что было. Те же наследники безбожной эпохи у власти, то же неверие, тот же дух мира сего господствует в умах и сердцах большинства людей. Религия внешне свободна, но это то, что не волнует общество в целом и рассматривается новым поколением как то, что не имеет особенного смысла и значения в его жизни. Имя Христово можно свободно произносить, но, в отличие от коммунистических лет, оно как на Западе, все больше ассоциируется с религией мертвой обрядности или, в лучшем случае, является способом выживания среди нынешних бед.

Но среди нынешних бед наш народ — как спелая жатва, которая ждет быть собранной для Христа. Но где достойные жатели? Будьте жателями! — говорит, обращаясь к сопастырям подвигом своей жизни, отец Григорий и множество безвестных священников, отдавшие свою жизнь для служения Богу и людям. Будьте пастырями, и прежде всего, молитесь Богу, да пошлет нашему народу истинных делателей на жатву Свою. Нет сомнения, что если бы все священники шли этим путем, то духовное лицо нашей страны сразу бы преобразилось.

Жизнь и эти заметки отца Григория помогают нам воспринять серьезно православную веру, которая, порой, слишком легко дается нам сегодня — чтобы мы обрели начало подлинного христианства, в котором наше Отечество, весь мир столь отчаянно нуждается сегодня.

Из писем к дочери

Дорогая Леленька! Письмо твое получили. Справедливы такие слова: «Человек предполагает, а Бог — располагает».

Бывает, что составленные тобою планы в жизнь не вошли, но этим обстоятельством не надо огорчаться, а тем более впадать в уныние...

...Будь твердой, мужественно встречай все трудности и скорби. Не все же будет пасмурное небо, настанет и ясный солнечный день! Мы всегда о тебе молимся и желаем тихой спокойной жизни. Храни тебя Господь...

24.XI.

* * *

Дорогая Леленька! Дорожи временем жизни. Дай Бог тебе набраться сил и подготовиться к

предполагаемым трудностям. Нужно самой глубоко вникнуть в цель жизни, прояви во всем стойкость духа!

Молись: «Господи, да будет Воля Твоя!»

Дай Бог, чтобы у тебя происходила постоянная духовная работа — воспринимать без ропота и огорчения все происходящее в жизни. Хотелось бы, чтобы у тебя проявился аппетит к духовной пище — чтению, которое подкрепляет наши слабые силы...

...Заведи себе в правило каждый день обращаться к святому Николаю. Сколько-нибудь читать акафиста и с надеждой и верой обращаться к Нему: «Святителю Николае, помоги мне!» Молитвенно тебя каждодневно помним. Храни тебя Господь.

6.VI.

* * *

Дорогая Леленька!

Посылаем тебе небольшую духовную крупицу. Постарайся все это написанное глубоко душевно воспринять.

Тебя посещают и не оставляют многие трудности — телесные, а больше душевные, но не впадай в уныние. Внимательно отнесись к своему внутреннему состоянию — в решении тех или иных вопросов в своей жизни. Самое главное — вера в Божественную помощь.

Разберись в своей личной жизни как христианка и нисколько не оправдывай себя: надо чистосердечно и прилежно молиться.

Храни тебя Господь и Матерь Божия.

15.VII.

* * *

Дорогая моя детка! В дух уныния не впадай, какие бы ни получала известия о состоянии здоровья Ш... Поступи весьма рассудительно: сколь долго надо оставаться в Москве, какую ему надо оказать помощь. Молись о нем постоянно. Молись Господу нашему Иисусу Христу, Божией Матери, святителю Николаю... Ксении блаженной...

Мамочка и я тебя крепко целуем. Храни тебя Господь.

17.XI.

* * *

Леленька, дорогая девочка моя! Дай Бог тебе силы душевной и телесной переносить все жизненные трудности.

Самое главное для сохранения душевного мира-покоя — надо не иметь злопамятности, не хранить обиды, тогда-то и будет образовываться свой личный душевный строй. Это большая работа, небесная помощь скоро приходит.

...Напиши нам обо всем. Не забывай, когда у нас бывают нужды и скорби, и мы обращаемся за

Небесной помощью, то при просьбе необходимо добавить: «Да будет воля Твоя!» Значит, не случайно послано испытание, и это внесет в душу мир, покой, бодрость — при любых трудностях. Твою просьбу о болящем Ш. выполняю.

Храни вас всех Господь.

10.XI.

* * *

Дорогая Леленька!

Ждем тебя, милая доченька! Как у тебя будут дела — время покажет; если же по каким-то обстоятельствам планы изменятся — не унывай. Значит, так надо! Молитвенно тебя поминаем... Храни тебя Господь.

Папа и мамочка.

20.IV.

* * *

Бог силы осуществить. Надо заниматься больше внутренней над собой работой, тогда совершенно иначе будешь смотреть на поступки и слова знакомых тебе людей. Хотелось бы, чтобы ты нас навестила, но об этом еще созвонимся.

Молитвенно тебя всегда помним, крепко целуем. Храни тебя Господь.

14.VII.

* * *

Милая детка наша! Дорогая Леленька!

Поздравляем с новым местожительством. Желаем крепкого здоровья, а главное, душевного мира — спокойствия!

Запасись терпением и постоянно обращайся ко Господу и святым Его, к святителю Николаю. Помощь придет незамедлительно, если для пользы вашей общей. Верь! Мы с мамочкой пока трудимся, слава Богу. Крепко целуем всех вас. Когда здоровье улучшится — ждем. Храни вас Господь.

Папа и мамочка.

6.VIII.

Почему я написала эту книгу

В воспоминаниях о жизни родителей (их устремлениях, молитвах и трудах во славу Божию) мне хотелось выразить им свою любовь и дочернюю благодарность за духовные и физические силы, употребленные на мое воспитание, мировоззрение и образование. Эта книга — мой долг перед людьми, близко знавшими отца Григория и матушку Нину и всегда помнящими их. Этими воспоминаниями мне хотелось высветить их неброский, но ежедневный подвиг, подвиг

стяжания православным христианином Духа Святаго.

По образованию я музыкант, человек не конкретных, точных формулировок, а сложного переплетения знаний, интуиции и ассоциативного домысливания образов. Образов, порой наделяющих неодушевленные предметы поэтическими сравнениями, чувством восхищения и любви, ощущением присутствия Творца в любом Его творении... Вполне допускаю, что не каждому приемлем стиль изложения воспоминаний, описание природы и событий, характер выражения мыслей, ведь каждый человек мыслит и чувствует по-своему. Тем более не претендую на чистоту жанра: это мой первый литературный опыт. Главная цель написания книги — по возможности и умению запечатлеть образ жизни православных супругов, как пример верности друг другу, образец совместного беззаветного служения Господу. Хотелось также рассказать о многих прекрасных людях, прошедших по жизни рядом с моими дорогими родителями, чтобы сохранить о них светлую память во имя Господа нашего Иисуса Христа!

Хочу поблагодарить всех духовных чад отца Григория, всех верующих, приславших мне письма-воспоминания о родителях, которые несомненно расширили и обогатили весь представленный материал книги.

Отдельная моя благодарность за неоценимую помощь и конкретное руководство в создании книги Преосвященнейшему Михаилу, епископу Курганскому и Шадринскому, протоиерею Аристарху Егошину и его матушке Валерии, редактору «Звонницы» и соавтору книги Кибиревой Елене Александровне и ее семье, всему коллективу редакции православного журнала «Звонница», сотруднице газеты «Курган и курганцы» Турчаниновой Галине Владимировне, а также прихожанке кафедрального собора святого Александра Невского Евдокии Кирилловне Никитиной.

Ольга Пономарева

[1] Молитва составлена в 1998-м году по благословию Преосвященнейшего Михаила, епископа Курганского и Шадринского.